РУССКІЕ

НА

ВОСТОЧНОМЪ ОКЕАНѢ.

Восточная Сибирь. — Аянъ. — Охотскъ. — Россійскія владѣнія въ Америкѣ. — Бытъ дикарей. — Калифорнія. — Проэктъ кругосвѣтной торговой экспедиціи.

Путешествіе Ал. Маркова.

Изданіе второе, исправленное и дополненное.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ. 25-го Мая, 1856 года.

Цензоръ *А. Фрейгангъ*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРІЕВА.

РУССКІЕ

НА

ВОСТОЧНОМЪ ОКЕАНѢ.

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ.

ПУТЬ ОТЪ ИРКУТСКА ДО ОСТРОВА СИТХИ.

Проѣхавъ все пространство Европейской Россіи, простирающееся отъ Москвы до Екатеринбурга, и всю Западную Сибирь — страны, представляющія много любопытнаго, но уже довольно хорошо извѣстныя нашимъ Русскимъ путешественникамъ и промышленникамъ, я приближался къ Иркутску, первому торговому въ Сибири городу.

Въ 5 верстахъ отъ Иркутска стоитъ монастырь, въ коемъ почиваютъ въ великолѣпной ракѣ мощи св. Иннокентія чудотворца, и гдѣ всѣ проѣзжающіе считаютъ за непремѣнную обязанность остановиться для поклоненія мощамъ этого угодника. — Сибиряки твердо увѣ-

рены, что если при проѣздѣ мимо монастыря не отслужить молебна Преподобному чудотворцу, то на пути непремѣнно случится какое-нибудь несчастіе. По убѣжденію тамошнихъ жителей, угодникъ Божій милостію своею предохраняетъ городъ отъ всѣхъ недуговъ, заразительныхъ болѣзней и сильныхъ пожаровъ, — и дѣйствительно, до сихъ поръ еще неслышно было, чтобъ случались въ той сторонѣ когда-либо такія событія, которыя на землѣ почитаются казнями небесными.

Иркутскъ построенъ на правомъ берегу рѣки Ангары, которая такъ быстра, что жестокіе морозы, свойственные тамошнему климату, покрываютъ ее исковерканнымъ льдомъ не ранѣе Января мѣсяца. А былъ годъ, какъ увѣряли меня, что во всю зиму переправлялись черезъ Ангару плашкаутами, или, по-тамошнему сказать, карбасами. Берега ея утесисты; по ней встрѣчается много крутыхъ поворотовъ и пороговъ, однако при искусномъ и привычномъ управленіи суда проходятъ благополучно. Прорываясь сквозь озеро Байкалъ и впадая въ рѣку Енисей, Ангара облегчаетъ сообщеніе съ Кяхтою и служитъ источникомъ обогащенія Иркутскому купечеству. По ней отправляются суда, нагруженныя шерстяными, пушными и

металлическими товарами въ Кяхту, или обратно изъ Кяхты, съ чаемъ, съѣстными припасами, особливо скотскимъ мясомъ, которое въ большомъ изобиліи находится за Байкаломъ, гдѣ скотоводство въ самомъ цвѣтущемъ состояніи; равнымъ образомъ, не маловажную статью торговли составляетъ привозимая тоже черезъ Ангару рыба, добываемая въ озерѣ Байкалѣ, въособенности омули.

Иркутскъ есть складочный средоточный городъ всей Сибири; отсюда развозятся въ большомъ количествѣ какъ туземныя, такъ и Европейскія произведенія во всѣ окружныя мѣста. При наступленіи весны все оживляется необыкновенною дѣятельностью: товары отправляются въ Якутскъ, Охотскъ, Камчатку и въ Россійско-Американскія колоніи. Главные товары суть: табакъ черкасскій, мука, крупа разнаго сорта, вино, порохъ и различные товары, выдѣлываемые на фабрикахъ и заводахъ — предметы, необходимые для Восточной Сибири, ибо въ отдаленныхъ восточныхъ городахъ того края нѣтъ никакихъ произведеній растительныхъ, тѣмъ болѣе мануфактурныхъ.

Всѣ товары укладываются въ сумы, ящики и фляги, такъ чтобъ въ каждомъ мѣстѣ было не болѣе 2½ пудовъ вѣсу, для удобнаго навью-

чиванья на лошадей во время переправки чрезъ Охотскую дорогу; потомъ зашиваютъ эти мѣста въ *лавтаки* или сыромятныя кожи, для предохраненія отъ подмочекъ при переходѣ каравана вбродъ.

Иркутскъ производитъ также значительную торговлю съ Бурятами или Братскими, которые живутъ большими улусами въ окружности этого города и занимаются хлѣбопашествомъ, звѣриною ловлею и частію скотоводствомъ. Изъ нихъ есть значительные богачи, и многіе жалованы отъ Россійскаго Императора кафтанами, саблями и медалями.

Народъ этотъ сильно привязанъ къ черкасскому табаку и къ вину. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ понѣскольку женъ, кои живутъ отдѣльно, каждая въ своей юртѣ. Мужъ навѣщаетъ ихъ поочереди, живетъ у каждой понѣскольку недѣль, потомъ переходитъ къ другой, и такъ проводитъ все свободное отъ занятій время; зимою же отправляется на звѣриную ловлю въ пространныя Сибирскія степи или лѣса. По окончаніи лова они съѣзжаются въ Иркутскъ для продажи или вымѣна своихъ промысловъ.

При проѣздѣ въ какое-нибудь мѣсто, оставаливаясь на постояломъ дворѣ, или находясь

въ лавкѣ, Бурятъ непремѣнно старается что-нибудь украсть. Если, во время кражи, его поймаетъ кто-нибудь изъ Русскихъ, то можетъ бить сколько душѣ угодно. Бурятъ терпѣливо выдержитъ всю боевую операцію, — но если напомнятъ ему про полицію и погрозятъ отправить туда, онъ начнетъ кланяться, просить, умолять, чтобъ его продолжали бить, лишь бы только не отправляли въ такое страшное мѣсто. — За-то и Буряты не остаются у Русскихъ въ долгу: попади къ нимъ Русскій въ улусъ въ позднее время, — они ограбятъ его совершенно до послѣдней нитки, безъ всякой жалости.

Въ половинѣ Мая вся дорога изъ Иркутска покрывается обозами съ товарами, вплоть до селенія Качуги, расположеннаго на самомъ берегу рѣки Лены. Тутъ стоитъ множество разной формы судовъ, лодокъ, паозковъ, которые съ-виду похожи на барки, но только гораздо меньшаго объема. Всѣ эти суда нагружаются пришедшими изъ Иркутска товарами, и чрезъ пространство 2500 верстъ, внизъ по Ленѣ, плывутъ къ Якутску цѣлый мѣсяцъ, а въ обратный путь слишкомъ 2 мѣсяца тянутся лошадьми и народомъ, съ величайшимъ трудомъ.

Лена — одна изъ величайшихъ рѣкъ въ Рос-

сіи. Во время плаванія по ней, тѣло какъ-будто погружается въ сонъ и чувствуетъ какую-то особенную склонность къ бездѣйствію. Берега этой рѣки болѣе низменны и ровны; теченіе тихое, спокойное; по пути не встрѣчается ни крутыхъ поворотовъ, ни пороговъ. Время-отъ-времени представляются взорамъ гигантскіе утесы; въ грозномъ безмолвіи смотрятся они въ зеркало спокойныхъ водъ.... вокругъ все дико, пустынно, самобытно.... ни звука, ни слѣда человѣческаго.

Лена скрывается въ Маѣ и несетъ огромные льды свои въ Ледовитое море; при разлитіи она возвышается почти до 3-хъ саженей, затопляетъ низменныя мѣста и образуетъ родъ озеръ.

Жители разселены небольшими селеніями по обѣимъ сторонамъ Лены, отстоящими одно-отъ-другаго на довольно большое разстояніе, и вообще очень нуждаются въ продовольствіи. Въ иные годы имъ недостаетъ даже хлѣба и другихъ произрастеній: причиною тому климатъ и почва, неблагодарная къ трудамъ земледѣльца. — По большей части они пользуются привозимыми на торговыхъ судахъ какъ хлѣбомъ, такъ и другими товарами, которые вымѣнивают на пушные товары, слюду, кед-

ровые орѣхи и холстъ, довольно грубый и годный болѣе для упаковки.

Скотоводство по берегамъ Лены очень въ плохомъ состояніи; за-то большое изобиліе въ рыбѣ: тамъ стерлядь живая, въ $^{3}/_{4}$ арш., стоитъ 25 коп. асс. или одну папушку черкасскаго табаку.

Самая главная промышленость береговыхъ жителей Лены состоитъ въ звѣриной ловлѣ, особливо бѣлокъ, за которыми они уходятъ далеко отъ своихъ селеній въ лѣсъ, живутъ тамъ, начиная отъ Покрова до самой весны, и изрѣдка навѣщаютъ свои семейства, гдѣ, запасшись провизіей, снова уходятъ въ лѣсные шалаши. Большимъ пособіемъ при ловлѣ бѣлокъ служатъ имъ собаки, которыя очень хорошо пріучены къ этой охотѣ, по духу слышатъ, гдѣ находится бѣлка, и если завидятъ ее на деревѣ, то, не упуская изъ виду, лаютъ до тѣхъ поръ, пока не подойдетъ хозяинъ и не убьетъ винтовкою маленькаго звѣрка. При счастливой ловлѣ охотникъ добываетъ въ недѣлю болѣе 100 бѣлокъ.

Вообще есть замѣчаніе у тамошнихъ жителей, что если большой урожай кедровыхъ орѣховъ, то въ этотъ годъ будетъ много бѣлокъ. Лучшія по Ленѣ бѣлки, отличающіяся какъ

чернымъ цвѣтомъ, такъ пухомъ и величиною, добываются въ Олекмѣ и продаются тамъ отъ 25 до 40 коп. асс. за шкуру.

Добываніе слюды считается у жителей Лены важнымъ промысломъ, но рѣдкіе занимаются отыскавіемъ ея: они твердо увѣрены, что этотъ кладъ не всякому дается, а только попадается на счастливаго. Если кто изъ туземцевъ рѣшается на этотъ промыселъ, то надѣваетъ на себя чистое бѣлье, и, не говоря никому о своемъ намѣреніи, отправляется въ путь. — Когда по особымъ признакамъ удастся ему найти слюду, онъ старается одинъ, безъ помощи другихъ, воспользоваться этимъ кладомъ; но часто одному представляется большой трудъ въ разбиваніи скалы, заключающей въ себѣ слюду; въ такомъ случаѣ промышленикъ собираетъ партію товарищей и дѣлитъ добычу съ своими сотрудниками.

По обѣимъ сторонамъ Лены ростутъ въ-изобиліи кедровые орѣхи. — Тамошніе жители въ концѣ лѣта собираютъ кедровыя шишки, сушатъ ихъ, кладутъ въ мѣшокъ и колотятъ до тѣхъ поръ, пока орѣхи не вывалятся изъ гнѣздъ, потомъ провѣваютъ ихъ, чтобъ отдѣлить отъ шелухи. Въ урожайные годы кедровые орѣхи продаются не дороже двухъ руб.

за пудъ; большое количество ихъ закупаютъ въ Иркутскѣ, гдѣ выбиваютъ изъ нихъ масло.

Во время плаванія по рѣкѣ Ленѣ безпрестанно представляются взорамъ дикіе живописные виды, которымъ эта величественная рѣка еще болѣе придаетъ красоты. Но вотъ, вдали уже видѣнъ низменный берегъ, заставленный судами, пришедшими изъ Иркутска съ разными товарами. Это городъ Якутскъ. Онъ стоитъ на лѣвомъ берегу Лены, имѣетъ 9 церквей, гостинный дворъ, довольно хорошо выстроенный, и свѣчной заводъ — вотъ все, что можно сказать про этотъ городъ; такъ въ немъ скучно, однообразно. За-то въ Іюнѣ мѣсяцѣ, при открытіи ярмарки, этотъ тихій, отдаленный городъ оживляется, дѣлается многолюднымъ, шумнымъ, дѣятельнымъ. Въ Якутскъ собираются торговцы изъ окружныхъ и дальнихъ мѣстъ; тутъ бываетъ также складка мамонтовой кости.

Въ Якутскъ собираются Якуты и Тунгусы и ведутъ съ Русскими значительную торговлю. Оба эти народа исповѣдуютъ христіанскую вѣру и ужасно робки, особливо Тунгусы. — Когда послѣднимъ, при переправѣ на оленяхъ изъ одной долины въ другую для жительства, попадается навстрѣчу кто-нибудь изъ Русскихъ

проѣзжихъ, они останавливаются всѣмъ своимъ рогатымъ караваномъ, снимаютъ свои клинообразныя шапки и почтительно кланяются проѣзжимъ.

Какъ странно бываетъ тогда смотрѣть на эту полудикую, смиренную толпу, тихо пробирающуюся по дико-пустыннымъ мѣстамъ!

Въ лѣтнее время Тунгусы ведутъ кочевую жизнь, переѣзжая съ одного мѣста на другое. Это дѣлаютъ они собственно для прокормленія оленей и для собиранія ягодъ, въ-запасъ на зимнее время. Переселеніе съ одного мѣста на другое не представляетъ для нихъ большаго труда. Походныя юрты ихъ дѣлаются изъ бересты и походятъ на вертикально-стоящій растянутый колпакъ. Во время переходовъ Тунгусы свертываютъ ихъ въ трубку, навьючиваютъ на оленей, сами съ женами и дѣтьми садятся тоже на оленей и тянутся длиннымъ караваномъ на новое жилище, которое также оставляютъ какъ и прежнее.

Тунгусы и Якуты очень хорошо приготовляютъ бересту: они варятъ ее, сшиваютъ лошадиными волосами и выдѣлываютъ разную посуду. Мнѣ неоднократно случалось плавать въ Тунгусскихъ *веткахъ*, въ которыхъ они ловятъ рыбу. Это плоскоовальныя, остроконеч-

ныя съ обѣихъ сторонъ, берестяныя лодки, крѣпко переплетенныя внутри дранками; онѣ очень скоры и легки на-ходу и подымаютъ 4 человѣка, если имѣютъ въ длину 5 арш., а въ ширину 1 арш.

При первомъ снѣгѣ Тунгусы удаляются на зимнее жилье, гдѣ у нихъ довольно хорошо устроены бревенчатыя юрты, обсыпанныя землей и довольно теплыя. Въ это время олени ихъ питаются подснѣжнымъ кормомъ и древеснымъ мхомъ; Тунгусы же употребляютъ въ пищу оленье молоко, мясо, сушеную рыбу и ягоды Они не занимаются хлѣбопашествомъ и не имѣютъ нужды въ этомъ трудѣ. Все богатство ихъ состоитъ въ оленяхъ, которыхъ у зажиточнаго хозяина насчитывается иногда головъ до 200.

Главная промышленость Тунгусовъ заключается въ ловлѣ соболей, лисицъ, куницъ, медвѣдей, зайцевъ и бурундуковъ; они привозятъ шкуры въ Якутскъ и частію въ Охотскъ, и продаютъ тамъ очень дешево. Хорошій, выгодный, довольно темный соболь, за который у насъ можно взять 100 руб., продается по 25 руб. Вообще всѣ пушные товары покупаются или вымѣниваются у Тунгусовъ очень выгодно.

Тунгусъ робокъ съ человѣкомъ, но посмотрите, какъ онъ смѣлъ и отваженъ въ борьбѣ съ медвѣдемъ. Вооруженный одною винтовкою или ножемъ и не приглашая въ товарищи никого, чтобъ не дѣлить добычи, Тунгусъ одинъ идетъ на неровный бой и одолѣваетъ великана. Рѣдкій изъ нихъ дѣлается жертвою свирѣпости лютаго звѣря. Тунгусъ управляется съ нимъ какъ съ равнымъ себѣ; онъ встрѣчаетъ его, какъ незваннаго гостя въ этомъ дремучемъ пространствѣ, которое тянется отъ Якутска до Охотска, и въ которомъ, какъ хозяинъ на своемъ дворѣ, онъ никогда не заблудится, какъ бы далеко ни зашелъ.

Якуты очень сходны съ Тунгусами какъ по лицу, такъ и по одѣянію, но въ отношеніи образа жизни весьма различествуютъ другъ отъ друга. Якуты живутъ разсѣянными малыми селеніями въ-окружности Якутска, постоянно на одномъ мѣстѣ, занимаются скотоводствомъ, имѣютъ большіе табуны лошадей, возятъ вьюками товаръ изъ Якутска въ Охотскъ, и приготовляютъ коровье масло, которое въ большомъ количествѣ продаютъ въ Якутскѣ; тамъ его топятъ, наливаютъ на берестяные *тунтаи* (формою совершенно сходные съ ранцемъ), не болѣе $2^1/_2$ пуд. въ каждый, для удобности пе-

ревозки вьючнымъ транспортомъ, и отправляютъ въ Охотскъ и другія мѣста. — Въ нынѣшнее время Якуты стали пріучаться къ хлѣбопашеству; но жаль, что тамошній климатъ не позволяетъ совершенно созрѣвать хлѣбу. Якуты собираютъ его еще недоспѣвшій, сушатъ, толкутъ и добываютъ муку въ самомъ маломъ количествѣ.

Любимая пища Якутовъ — масло, конское мясо и кумысъ, приготовляемый изъ коровьяго или кобыльяго молока. Между Якутами особенный почетъ отдастся тому, кто больше съѣстъ или выпьетъ. Во время ихъ пирушекъ выискиваются такіе, что съѣдаютъ по 30 фунт. коровьяго масла, или выпиваютъ по ведру кумысу, и притомъ съ такимъ проворствомъ, которое всякому, небывшему очевиднымъ свидѣтелемъ столь необыкновенной вмѣстимости и дѣятельности желудка, покажется невѣроятнымъ. Якуты съ самаго малолѣтняго возраста пріучаются курить табакъ, и въ высшей степени охотники играть въ карты и въ кости. Нерѣдко случается, что Якутъ проигрываетъ табуны лошадей, скота, и преспокойно идетъ къ кому-нибудь въ работники, разживается, и потомъ снова все проигрываетъ. Якуты не жалуются на эту страсть: она сдѣлалась для нихъ

такою же потребностью, какъ воздухъ или пища.

Весною Якуты собираются въ Якутскъ на подряды для доставленія туда товаровъ; здѣсь заключаютъ съ ними контракты или условія, потому что на чести съ Якутомъ невозможно имѣть никакого дѣла: онъ непремѣнно обманетъ или обокрадетъ, въ-особенности во время перевозки товаровъ черезъ Охотскую трудную и неудобную дорогу, гдѣ иногда дѣйствительно случается, что пропадаютъ товары и вмѣстѣ съ конемъ.

Въ началѣ Мая начинается отправленіе товаровъ изъ Якутска въ Охотскъ; масло и свѣчи, какъ собственныя произвенія Якутска, составляютъ первый транспортъ; потомъ слѣдуютъ привозимые на судахъ по Ленѣ: черкасскій табакъ, винный спиртъ, порохъ, мука, крупа и разные шелковые товары; иные изъ нихъ укупориваютъ, другіе упаковываютъ, потомъ укладываютъ въ лодки и перевозятъ на противоположный берегъ Якутску; отсюда уже верхомъ, караванами, съ запасной провизіей, отправляются въ мѣсячный путь до самаго Охотска.

Какую оживленную картину представляетъ тогда этотъ берегъ, какъ-будто внезапно про-

будившійся отъ глубокаго сна, въ который былъ погруженъ въ продолженіе цѣлыхъ одиннадцати мѣсяцевъ. Бѣлѣющіися палатки, разложенные вокругъ нихъ огни, смѣшанный гулъ голосовъ, топотъ и ржаніе коней, оживляютъ на время эти пустынныя мѣста. Съ разсвѣтомъ дня все приходитъ въ движеніе; минутные гости, посѣтивъ на краткое время печальный Якутскъ, уже спѣшатъ или въ Охотскъ, или въ Камчатку, или далѣе — въ Россійско-Американскія колоніи, снимаютъ палатки, вьючатъ лошадей, и чтобъ онѣ не разбѣгались, связываютъ ихъ гусемъ, по 12-ти въ рядъ; на переднюю садится Якутъ. Но ни что не удерживаетъ полудикихъ животныхъ: забывъ прошлогоднюю ношу и чувствуя на себѣ тяжесть, онѣ хотятъ освободиться отъ нея, отрываются одна отъ другой, сбрасываютъ вьюки и разбѣгаются въ разныя стороны. Вотъ тутъ-то Якутъ выказываетъ всю свою ловкость: стремглавъ несется онъ по долинамъ, по кустарникамъ, перепрыгиваетъ черезъ овраги, ловитъ бѣшеныхъ животныхъ, отыскиваетъ разбросанные вьюки, и снова, приведя все въ порядокъ, спокойно продолжаетъ путь. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока лошади не умучатся въ дорогѣ.

А что сказать о пассажирахъ? Это страдальцы въ полномъ смыслѣ слова. Особенно нельзя безъ жалости смотрѣть на тѣхъ, которымъ еще въ первый разъ приходится ѣхать верхомъ. Тутъ начинаютъ они сильно раскаяваться въ своей рѣшимости. Пѣшкомъ идти препятствуютъ болота и рѣки, а объ ѣздѣ на телѣгѣ и думать нечего.

До Алдана дорога еще хороша; тутъ мало болотъ и рѣкъ; по большей части встрѣчаются обширные луга, заставленные стогами сѣна, которое Якуты запасаютъ на зимнее время своимъ лошадямъ, да кой-гдѣ Якутскія юрты съ женами и дѣтьми, потому что сами Якуты въ лѣтнее время бываютъ въ разбродѣ по разнымъ занятіямъ, и оставляютъ въ юртахъ однѣхъ только женъ и дѣтей. Послѣднія, завидѣвъ еще издали приближающійся къ нимъ большой караванъ съ людьми, покидаютъ юрты, бѣгутъ въ лѣсъ, и издали посматриваютъ, что̀ будутъ дѣлать проѣзжающіе. Звать убѣгающую Якутку было бы совершенно напрасно; этимъ только болѣе можно навести на нее страха. Случается, что нѣкоторые изъ опытныхъ пассажировъ, бывавшихъ уже и прежде въ этихъ мѣстахъ, преспокойно входятъ въ оставленныя жилища, располагаются тамъ какъ имъ угодно,

слазятъ въ подземный погребъ, гдѣ хранятся ягоды, молоко, кумысъ, и доставъ тамъ себѣ что нужно, безъ опасенія продолжаютъ путь.

Эта робость у жителей юртъ произошла болѣе отъ того, что съ соловареннаго Охотскаго завода въ прежнее время много разъ бѣгивали преступники, которые останавливали иногда караваны и дѣлали значительные грабежи и неистовства въ юртахъ; поэтому-то жители этихъ мѣстъ, при видѣ проѣзжихъ, и до сихъ поръ думаютъ, не бѣглые ли это? Впрочемъ, теперь побѣги эти прекращены, и караваны идущіе по Охотской дорогѣ, не встрѣчаютъ болѣе никакой опасности.

При наступленіи вечера караванъ останавливается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть вода и хорошее кормовище для лошадей; пассажиры раскидываютъ палатки, разводятъ кругомъ огни и стараются какъ можно болѣе дымить, для уничтоженія комаровъ, которыхъ такое множество по всей дорогѣ, что безъ сѣтки на головѣ невозможно пробыть на одномъ мѣстѣ. — Въ этомъ отношеніи нельзя не позавидовать Якутамъ: они не носятъ сѣтокъ, не устроиваютъ палатокъ, спятъ почти полунагіе, подъ открытымъ небомъ, и комары не дотрогиваютъ-

ся до нихъ, какъ будто знаютъ, что земляки ихъ сильно пропитаны дымомъ.

Какъ радостно во время долгаго пустыннаго переѣзда встрѣтить какое-нибудь жилое селеніе. Первое, попадающееся по пути къ Охотску, есть небольшое селеніе, расположенное на лѣвомъ берегу Алдана, при устьѣ рѣки Маи. При этомъ селеніи пассажиры переправляются на правый берегъ Алдана.

Тутъ дорога совершенно измѣняетъ видъ свой: то ѣдешь извилистыми тропинками, пролегающими сквозь густой лѣсъ, поросшій кустарникомъ, или черезъ болото, въ которомъ лошадь вязнетъ по-брюхо; то взбираешься на длинный косогоръ или на крутую каменистую гору, и пролагаешь путь по снѣжной вершинѣ; то спускаешься прямо въ рѣку; то подымаешься на распавшуюся скалу, гдѣ съ осторожностью пробирается по острому камешнику безподковный конь; то вдругъ встрѣчаешь лѣсъ, обгорѣлый отъ жару, который въ Іюлѣ мѣсяцѣ доходитъ здѣсь иногда до чрезвычайности и очень много способствуетъ переправкѣ каравана. Не дай Богъ быть застигнуту на дорогѣ продолжительными дождями. Въ это время болота дѣлаются непроходимыми, рѣки разливаются; черезъ нихъ уже невозможно перехо-

дить въ-бродъ, а перевозовъ нѣтъ. Караванъ поневолѣ долженъ ждать, пока перестанутъ дожди и опадутъ рѣки, встрѣчающіяся на пути очень часто, особливо Бѣлая рѣка, которая течетъ извилистыми протоками и которую приходится переѣзжать болѣе нежели въ 30-ти разныхъ мѣстахъ.

Правительствомъ было обращено вниманіе на устройство Охотской дороги, но въ этомъ отношеніи невозможно ожидать большаго успѣха, именно по причинѣ высокаго разлитія водъ въ дурное время года; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроены чрезъ болота бревенчатые мосты, но и тѣ всѣ переломаны водою. Теперь можно посудить, какихъ неимовѣрныхъ трудовъ стоитъ переправка товаровъ въ Охотскъ. Въ это время караванъ теряетъ совершенно свой прежній оживленный видъ. Пассажиры, разбитые, усталые, ждутъ не дождутся вожделѣннаго прибытія въ Охотскъ; кони ихъ, за мѣсяцъ до того бодрые, неукротимые, превращаются теперь какъ бы въ движущія тѣни, и едва въ-состояніи держать 5-ти-пудовую тяжесть. Хорошо, если въ транспортѣ бываетъ много заводныхъ лошадей, могущихъ служить взамѣнъ усталыхъ; сильно изнуренную лошадь оставляютъ тогда для поправки въ какой-нибудь луговинѣ, на

произволъ судьбы; въ обратномъ пути Якутъ непремѣнно найдетъ ее, какъ-будто по духу чуя, гдѣ гуляетъ его конь.

По переправѣ черезъ Становой хребетъ, встрѣчается неподалеку отъ рѣки Охоты другое небольшое селеніе, въ которомъ живетъ станціонный смотритель и есть перевозъ на лѣвую сторону рѣки Охоты. Отсюда до Охотска остается 200 верстъ и дорога становится гораздо лучше, въ сравненіи съ Алданской.

Еще на разстояніи 10–ти верстъ отъ Охотска слышенъ по лѣсу глухой ревъ волны, ударяющейся объ высокія морскія скалы и разсыпающейся дробью по отлогой лайдѣ Охотска порта. Въ лѣсу чувствуется уже дыханіе свѣжаго морскаго воздуха и вдали чуть виднѣются мачты стоящихъ на рѣкѣ Охотѣ казенныхъ судовъ.— Если транспортъ успѣетъ придти къ берегу въ то время, когда вода идетъ съ моря на приливъ, то онъ сейчасъ же переправляется черезъ рѣку въ портъ; когда же вода идетъ на убыль, то довольно опасно пускаться по широкому разливу рѣки, потому что послѣдняя, впадая въ море, можетъ, при быстрой убыли воды, — легко унести въ него и переправляющихся по ней.

Въ прежніе годы Охотскій портъ былъ устроенъ на лѣвомъ берегу рѣки Охоты, въ 30 верстахъ отъ устья; но такъ какъ берега этой рѣки большею частію низменны и ровны, то при сильномъ разлитіи воды она затопляла строенія жителей. Въ отстраненіе этого неудобства, портъ перенесли на отлогій мысъ, находящійся между моремъ и дугообразнымъ устьемъ рѣки Охоты. Но это мѣсто также оказывается невыгоднымъ по слѣдующимъ обстоятельствамъ:

1) Прямо съ открытаго моря дуютъ жестокіе вѣтры и въ зимнее время заносятъ весь портъ снѣжною вьюгой.

2) Жители крайне нуждаются въ водѣ, ибо отъ всегдашнихъ приливовъ съ моря соленой воды въ рѣку, вода въ послѣдней дѣлается негодною къ употребленію, и они принуждены ѣздить за нею вверхъ по Охотѣ, къ старому порту, что составляетъ 30 верстъ разстоянія. Хотя въ городѣ и есть колодезь, устроенный казною на избранномъ мѣстѣ, но въ зимнее время онъ замерзаетъ отъ сильныхъ морозовъ.

Охотскій портъ служитъ защитою съ восточной стороны Сибири. Въ немъ находится приморское управленіе, 2 батареи съ огромными

пушками, привезенными на кругосвѣтныхъ казенныхъ судахъ, 1 церковь, 13 лавокъ, и не болѣе 100 жилыхъ деревянныхъ домовъ. Прежде здѣсь былъ устроенъ казенный солеваренный заводъ, но такъ-какъ отъ близости рѣки Охоты соленая морская вода разжижалась на довольно большое пространство, чрезъ что въ заводѣ добывалось очень мало соли, то его и перенесли въ Ину, верстахъ въ 60 отъ Охотска.

Охотскій флотъ состоитъ изъ 4-хъ бриговъ и 2-хъ ботовъ, которые стоятъ въ рѣкѣ, а на зимнее время, по случаю замерзанія послѣдней, вытаскиваются на берегъ.

Большое затрудненіе встрѣчается при проводѣ судовъ съ моря въ рѣку, или изъ рѣки въ море, потому что между моремъ и устьемъ Охоты протянулся дресвяный рифъ поперегъ всего пролива, и безпрестанно измѣняетъ свою глубину отъ наносимой неровною волною дресвы. Кромѣ самыхъ сильныхъ приливовъ, вода рѣдко поднимается до 12 футовъ на самомъ рифу, чрезъ который проходятъ суда, но и то съ помощію искуснаго и опытнаго лоцмана; случается же иногда, что нѣкоторые самонадѣянные судовые командиры, не узнавъ настоящей глубины на форватерѣ, и безъ помощи лоцмана, рѣшаются пройти рифъ и задѣваютъ

за него судномъ, такъ, что безъ выгрузки невозможно бываетъ стянуться съ рифа; между тѣмъ огромная волна колотитъ судно о грунтъ съ такою силою, что отъ удара падаетъ рангоутъ, въ суднѣ дѣлается значительная течь, и когда вытащатъ его, то оно требуетъ большихъ починокъ, или, въ противномъ случаѣ, становится неспособнымъ къ плаванiю. Въ это самое время выбрасываютъ въ катера находящiйся въ суднѣ грузъ, что̀ сопряжено съ величайшею опасностью и нерѣдко съ погибелью въ мутныхъ волнахъ Охотскаго моря.

Россiйско-Американская Компанiя имѣла въ Охотскѣ на самомъ мысу, факторiю для складки своихъ товаровъ; но всѣ эти неудобства, какъ въ отправленiи пушныхъ товаровъ черезъ Охотскую дорогу, такъ и въ худомъ проходѣ большихъ ея судовъ черезъ фарватеръ, заставили ее перенести факторiю въ Аянъ.

Жители Охотска не занимаются ни скотоводствомъ, ни хлѣбопашествомъ; они пользуются привознымъ хлѣбомъ, а скотъ пригоняется къ нимъ изъ Якутска. Главная промышленость ихъ состоитъ въ рыбной и звѣриной ловлѣ. Въ Августѣ мѣсяцѣ открывается здѣсь ярмарка. Отсюда товары отправляются во всѣ окружныя мѣста и острова Охотскаго моря, гдѣ ихъ про-

дают или вымѣниваютъ на пушные товары, оленью кожу и моржевой зубъ. Теперь Охотскимъ купцамъ невыгодно посылать товары въ Камчатку, потому что торговыя Сѣверо-Американскія суда стали посѣщать этотъ край, и сверхъ-того Россійско-Американская Компанія открыла въ Петропавловскѣ свой магазинъ.

Всѣ товары Охотскіе торговцы развозятъ, за хорошую плату, на казенныхъ судахъ, находящихся при Охотскомъ портѣ; собственныхъ же судовъ не имѣютъ, изъ опасенія, что ихъ разобьетъ въ морѣ. По сколько выгодъ могло бы пріобрѣсти Охотское купечество, еслибъ составило между собою компанію и завело свои суда, которыя могли бы ходить чрезъ Восточный и Атлантическій океаны въ Европу, нагружаться Европейскими товарами, или, смотря по выгодности, брать нѣкоторые товары съ острововъ означенныхъ океановъ и привозить ихъ въ предѣлы Охотскаго моря; тогда открылись бы для нихъ несравненно изобильнѣйшіе источники богатства, нежели при теперешней торговлѣ, ограничивающейся только окружностями Охотскаго моря. Въ этомъ отношеніи не представляется никакихъ препятствій; кромѣ того, и Правительство оказало бы съ своей стороны пособіе въ такомъ пред-

прiятiя, которое неминуемо послужило бы къ распространенiю Русской промышлености въ отдаленныхъ моряхъ.

Я означу здѣсь небольшую выписку цѣнъ товарамъ въ Охотскѣ, именно:

Мука ржаная . . .	отъ	8	до	10	руб.	пудъ
Крупа гречневая .	—	12	—	14	—	—
Сукно семирублев.				18	—	арш.
Простой шерстяной 2 р. платокъ.				8	—	
Пудъ мѣди въ чайникахъ или кубикахъ	—	120	—	130	—	
Пудъ желѣзныхъ гвоздей	—	40	—	50	—	
Пудъ черкасскаго табаку	—	50	—	55	—	
Пудъ коровьяго масла	—	25	—	30	—	

Соображаясь съ этими цѣнами, существующими въ Охотскѣ, можно судить, какъ должны онѣ возвыситься въ мѣстахъ, прилегающихъ къ Охотску, гдѣ жители занимаются единственно звѣриною и рыбною ловлею, и совершенно не имѣютъ никакихъ мануфактурныхъ заведенiй.

ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ ОХОТСКА.

Наконецъ, простившись съ берегами твердой земли, надлежало пуститься въ открытое море. Мнѣ предстояло плаваніе на Россійско-Американскомъ суднѣ къ острову Ситхѣ, съ заходомъ въ Петропавловскій портъ. Признаюсь, я не безъ страха вступилъ на бригъ, который видѣлъ внутри еще въ первый разъ. Въ грозномъ величіи разстилалось передо мною Охотское море, — и я съ грустію смотрѣлъ на эту обширную, влажную могилу, отъ которой одна слабая доска будетъ отдѣлять меня. — Насталъ день отплытія; выкатили якорь; отдали паруса, сдѣлали семивыстрѣльный салютъ крѣпости, и мы поплыли по огромнымъ, зыбкимъ хребтамъ пѣнящихся волнъ. День былъ ясный. Дулъ попутный вѣтеръ. Съ каждымъ часомъ мы удалялись отъ земли на 5 миль, и къ вечеру уже чуть были видны высокіе берега Морекана, которые издали казались какъ-будто густымъ облакомъ, потомъ совершенно исчезли на горизонтѣ.

Взошла луна; вѣтеръ затихъ и едва-едва надувалъ паруса: море было свѣтло, спокойно, тихо; въ серебристыхъ волнахъ игралъ китъ: то съ шумомъ онъ проносился по нимъ, вы-

пуская высокій фонтанъ, то какъ-будто съ лѣностію нырялъ, выказывалъ свой гигантскій хвостъ, и надолго уходилъ въ глубину морскую. Но эта картина природы магическимъ очарованіемъ своимъ не привлекала моихъ взоровъ; меня мучила тошнота, которая бываетъ почти у всѣхъ, кто въ первый только разъ пускается въ море; особливо усиливается она, когда напоминаютъ притомъ про ромъ, масло и сахаръ.

Миновалось три дня по отплытіи нашемъ изъ Охотска — и робость моя исчезла, тошнота прошла, но мнѣ явилось желаніе увидать поскорѣе берега Камчатки.

Во все время плаванія по Охотскому морю, мы не встрѣтили штормовъ или продолжительно-противныхъ вѣтровъ; въ противномъ случаѣ намъ бы пришлось плыть до Камчатки недѣли три, а можетъ быть и болѣе. Вѣтры большею частію были попутные, и погода благопріятствовала успѣшному ходу нашего судна.

На 8 день нашего плаванія мы увидѣли непрерывную цѣпь горъ съ снѣжными вершинами, представляющимися издали въ видѣ бѣлыхъ палатокъ раскинутаго лагеря. То были берега Камчатки.

Обогнувъ мысъ Лопатку, мы стали приближаться къ Петропавловскому порту, гдѣ встрѣтили съ Авачи противный вѣтеръ, который потомъ утихъ, и за нимъ послѣдовалъ штиль. Находясь кругомъ въ берегахъ и не имѣя возможности лавировать, мы принуждены были, въ ожиданіи благопріятнаго вѣтра, бросить якорь на большомъ рейдѣ, чтобъ теченіемъ не прибило судна къ берегу. Цѣпь загремѣла и гулъ протяжно прокатился по высокимъ горамъ. Время было довольно темное; кой-гдѣ въ сторонѣ видѣнъ былъ свѣтъ отъ горящихъ сопокъ; вокругъ царствовала глубокая тишина, и это торжественное молчаніе ночи изрѣдка нарушалось или паденіемъ камня, сорвавшагося со скалы и глухо ударявшагося объ воду, или воемъ голоднаго волка, повторявшимся въ ущельяхъ горъ, и потомъ снова все погружалось въ мертвый сонъ.

Штиль продолжался во всю ночь. На отдаленномъ горизонтѣ начинала заниматься заря. Мы извѣстили жителей Петропавловска о своемъ прибытіи, сдѣлавъ сигналъ выстрѣломъ изъ пушки, и требовали лоцмана съ катеромъ для буксировки судна. Немного времени спустя, явился лоцманъ съ 2-мя катерами, которые повели судно въ гавань.

Мы прошли песчаный мысъ. Первымъ встрѣтившимся намъ предметомъ была батарея, сдѣланная изъ земли, въ родѣ вала, съ окнами, изъ коихъ выглядывали четыре мѣдныя пушки; потомъ взошли въ круглую спокойную гавань, и стали на якорь въ глубинѣ 8 саженей. По правую сторону гавани расположено было 80 домовъ, возвышалась одна церковь, стоялъ ботъ для разныхъ посылокъ, и весь берегъ былъ покрытъ собаками, кои служатъ жителямъ Камчатки вмѣсто лошадей — вотъ Петропавловская крѣпость.

Лѣтомъ невозможно попасть въ Камчатку сухимъ путемъ, по причинѣ большихъ рѣкъ, а зимою нельзя пристать судномъ, потому что берега Охотскаго моря обмерзаютъ на далекое пространство довольно толстымъ льдомъ, и притомъ въ зимнее время сообщеніе между Охотскомъ и Камчаткою дѣлается очень затруднительнымъ.

Но нужда научила жителей сихъ странъ переѣзжать такое большое пространство на собакахъ, запряженныхъ въ нарту. Нарта не что иное, какъ длинныя сани, шириною въ 1 арш., съ широкими тонкими полозьями; онѣ очень легки и не тонутъ въ глубокомъ снѣгу. 13 собакъ везутъ въ нартѣ 30 пуд. грузу и по хо-

рошей дорогѣ перебѣгаютъ въ сутки 150 верстъ. Неохотно и съ воемъ позволяютъ онѣ впрягать себя въ нарту. Ихъ впрягаютъ цугомъ въ 6 паръ, тринадцатая, передовая, показываетъ заднимъ собакамъ дорогу, знаетъ команду направо и налѣво, предвѣщаетъ ураганъ, даетъ знать путешественнику, чтобы онъ заранѣе отыскивалъ въ горахъ удобное мѣсто, гдѣ бы могъ укрыться дня на три или болѣе, если не хочетъ быть занесенъ снѣгомъ. Хорошая передовая собака чувствуетъ въ который день начнется ураганъ и ни за что не дается запрягаться въ нарту, какъ-будто предупреждая тѣмъ ѣздока, чтобъ онъ не отправлялся въ опасный путь.

При переѣздѣ чрезъ какую-нибудь снѣжную долину невозможно сидѣть прямо лицемъ къ собакамъ, потому что отъ быстраго бѣга онѣ дѣлаютъ ногами вьюгу, и притомъ, отъ нихъ дурно пахнетъ. Если собаки замѣтятъ, что изъ нихъ какая-нибудь худо везетъ, то вся свора останавливается, зачинаетъ съ лѣнивицей драку и перепутывается въ ременной упряжи, изъ которой собакъ надобно выпутывать по-крайней-мѣрѣ $^1/_4$ часа; если же замѣчаніе въ лѣности вторично падетъ на ту же собаку, то во время корма, когда даютъ собакамъ запасную

сушеную рыбу, онѣ отнимаютъ ее у виновницы.

Жители Петропавловска ѣздятъ по всему Камчатскому полуострову, ведутъ значительную торговлю съ Камчадалами, Корякамя и вымѣнивають у нихъ пушные товары, которые, по величинѣ шкуръ, по ихъ цвѣту, длинной, ровной, густой и шелковистой шерсти, считаются лучшими по сравненію съ добываемыми во всѣхъ странахъ земнаго шара.

Преимущественно находятся здѣсь соболи, лисицы всѣхъ сортовъ, песцы, куницы, тарабаганы, зайцы, россомахи, медвѣди, волки; попадаются также выдры и бобры. Всѣ эти товары вымѣниваются очень выгодно, такъ что лучшая пара соболей, за которую въ нашихъ мѣстахъ надо дать 300 руб., обходится въ 50 руб. Самые нужные для мѣны товары суть: черкасскій табакъ, чай, сахаръ, патока, порохъ, свинецъ, сукно, ситецъ, миткаль, холстъ, мѣдная и желѣзная посуда, оружіе и разныя галантерейныя вещи, которыми Коряки переторговываютъ съ Чукчами изъ своего барыша.

Здѣсь былъ нѣкогда для Охотскаго купечества самый лучшій сбытъ товаровъ, такъ что послѣднихъ недоставало на годичные расходы Петропавловскаго порта, и жители крайне нуж-

дались въ разныхъ домашнихъ потребностяхъ. Но Россійско-Американская компанія открыла въ Петропавловскѣ магазинъ, наняла тамошняго купца въ коммисіонеры, снабдила его всѣми нужными товарами на 200 т. руб., и наложила на нихъ, разумѣется, не безъ собственной же выгоды, самыя умѣренныя цѣны, по сравненію съ тѣми, которыми пользовались Охотскіе торговцы, — чрезъ что отстранила ихъ отъ ввоза товаровъ, непредставлявшаго уже и имъ самимъ никакихъ выгодъ.

Главная промышленость жителей Петропавловска состоитъ въ звѣриной ловлѣ и въ переторжкѣ у дальнихъ Камчадаловъ пушныхъ товаровъ, которые продаютъ они пріѣзжимъ купцамъ.

Мѣстность, почва и суровый климатъ не позволяютъ жителямъ заниматься хлѣбопашествомъ. Въ Нижне-Камчатскѣ бываютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ посѣвы, но весьма въ маломъ количествѣ. Скотоводство въ Петропавловскѣ въ бѣдномъ состояніи: пудъ свѣжаго мяса стоитъ тамъ 25 руб.; за-то въ рыбѣ такое изобиліе, что ее можно брать руками близъ береговъ; въ лѣтнее время собаки, по мѣлкимъ мѣстамъ, всегда ловятъ рыбу сами, — а на зиму имъ ее запасаютъ. Здѣсь также множе-

ство разной дичи; домашнихъ же птицъ не разводятъ, потому что ихъ рвутъ собаки. — Въ Петропавловскѣ находится Приморское Управленіе и мѣстопребываніе главнаго начальства.

Въ послѣднихъ числахъ Сентября бригъ нашъ вышелъ изъ Петропавловска, и направилъ путь чрезъ Восточный океанъ къ острову Ситхи.

Когда отдѣлились мы на довольно далекое пространство отъ береговъ, вѣтеръ началъ свѣжѣть, и бригъ нашъ несся по волнамъ подобно легкой чайкѣ. На разстояніи 100 миль вѣтръ часъ-отъ-часу становился свирѣпѣе; мы убрали верхніе паруса, взяли по рифу у марселей, и къ ночи принуждены были привести судно въ дрейфъ. Горизонтъ стемнѣлъ кругомъ и тучи быстро закрывали свѣтлое небо; гигантскія волны Восточнаго океана безпрестанно увеличивались; морскіе разбойники — предвѣстники бури, съ крикомъ летали вокругъ нашего брига. Закрапалъ дождь, сверкнула молнія и глухой громъ прокатился по густымъ облакамъ. На палубѣ было смирно; по-временамъ слышалась команда вахтеннаго штурмана, который беззаботно стоялъ у рулеваго и посматривалъ на компасъ. Съ полуночи сдѣлался совершенный штормъ; съ однимъ среднимъ парусомъ бригъ нашъ утопалъ въ волнахъ,

которыя были величиною до 6 саж.; вздымая бѣлые хребты свои, онѣ разсыпались у борта брига; на палубѣ невозможно было стоять, не держась за что-нибудь надежное отъ сильной качки; временемъ воду черпало бортомъ; каждая снасть издавала свой звукъ отъ жестокаго вѣтра; море сердито шумѣло, какъ будто силилось задавить волнами ничтожную точку, которая осмѣлилась вступить въ борьбу съ грозною, всеразрушающею стихіею.

Три дня мы штормовали въ открытомъ океанѣ; на четвертый день съ полудни пошелъ крупный дождь, сильнѣе прежняго; волны понемногу стали опадать и вѣтеръ перемѣнился почти въ штиль. Мучительная качка продолжалась цѣлыя сутки отъ безвѣтрія.

Наконецъ, горизонтъ сталъ мало-по-малу очищаться, небо прояснилось, подулъ легкій вѣтерокъ. — Тутъ мы увидѣли съ правой стороны большое 3-хъ-мачтовое судно, изъ средины котораго безпрестанно показывался огонь и густой черный дымъ; чрезъ нѣсколько времени оно было почти въ полуверстѣ отъ насъ; на немъ развѣвался Американскій флагъ. Это было перемаранное и закоптѣлое отъ дыму китоловное судно, съ нѣсколькими ялботами.

Мнѣ неоднократно случалось видѣть китовую ловлю во время моего плаванія по Восточному океану, гдѣ киты водятся въ большомъ количествѣ, начиная отъ самаго сѣвернаго тропика до Берингова пролива, по широтѣ, — и отъ сѣверо-западныхъ береговъ Америки до Японскихъ острововъ. Все это пространство усѣяно множествомъ китобойныхъ судовъ разныхъ націй, кромѣ Русскихъ. — Вотъ какъ происходитъ китовая ловля:

Китъ, по наружности, болѣе походитъ на рыбу, но принадлежитъ къ породѣ млекопитающихъ, — имѣетъ мягкія губы и сосцы и дѣтей своихъ питаетъ молокомъ. Онъ не можетъ быть долгое время въ водѣ безъ присутствія воздуха, и хотя глубоко ныряетъ, но опять выплываетъ на поверхность, выпускаетъ изъ себя фонтаномъ поглощенную воду, и снова запасается свѣжимъ воздухомъ.

Въ это время, когда стоитъ тихая погода, киты играютъ на поверхности моря. Въ китоловномъ промыслѣ киты раздѣляются на два сорта: одни выпускаютъ изъ верхнихъ ноздрей по одному фонтану, а другіе по два; этихъ-то послѣднихъ и стараются ловить китоловы, потому что изъ нихъ получаютъ самый лучшій жиръ, извѣстный подъ именемъ спермацета.

Вообще китоловныя суда бываютъ трехмачтовыя, между гротовою и фаровою мачтами устроивается въ нихъ кирпичная печь, въ которую вмазанъ котелъ для топки жира. Вокругъ бортовъ судна, на боканцахъ, вѣшаются ялботы, коихъ на каждомъ суднѣ бываетъ не менѣе 10-ти, всегда въ готовности и со всѣми принадлежностями для ловли. Въ каждомъ ялботѣ находится кокусовая веревка, длиною до 800 саж., толщиною въ палецъ; она очень крѣпка и не тонетъ въ водѣ. Однимъ концемъ привязываютъ ее за харпунъ; это ровная, прямая, 3-хъ-аршинная палка, у которой на концѣ прикрѣплена острая съ обѣихъ сторонъ желѣзная стрѣлка. Когда харпунъ бросаютъ въ кита, эта стрѣлка глубоко уходитъ въ тѣло, и при вытаскиваніи изъ него назадъ принимаетъ положеніе костылька, такъ что ее никакъ невозможно вытащить, не разрѣзавъ того мѣста, гдѣ она находится.

На суднѣ стоятъ часовые съ зрительными трубками, и едва замѣтятъ вдалекѣ фонтанъ, тотчасъ даютъ знать вахтенному. Въ одно мгновеніе на водѣ является ялботовъ до 5-ти, готовыхъ къ отплытію. На каждомъ ялботѣ находится шесть человѣкъ ловкихъ и проворныхъ матросовъ; изъ нихъ четверо гребцовъ,

одинъ на кормѣ правитъ длиннымъ гребкомъ для скорыхъ поворотовъ, и шестой, самый важный, съ харпуномъ.

Всѣ спущенные на воду ялботы съ легкостію ласточки пускаются въ то мѣсто, откуда видѣнъ фонтанъ; между тѣмъ за ними слѣдуетъ судно и ни на минуту не теряетъ ихъ изъ-виду.

Когда ялботы подплывутъ на близкое разстояніе къ страшному животному, тогда каждый харпунщикъ старается кинуть харпунъ въ заднюю часть кита, ближе къ хвосту, и если кто-нибудь изъ нихъ удачно попадетъ, то всѣ ялботы съ неимовѣрною быстротою отплываютъ въ противоположное направленіе отъ кита. Животное, почувствовавъ рану, глубоко погружается въ море, потомъ вдругъ почти все выказывается на поверхности, начинаетъ метаться въ разныя стороны, широко раскидывая волны и быстро пускается вдоль океана.

Въ это время выпускается изъ ялбота веревка, привязанная за харпунъ, и самъ ялботъ слѣдуетъ за китомъ; лишь только китъ вздумаетъ отдохнуть, тогда опять собираютъ выпущенную веревку про запасъ на то время, когда китъ снова погрузится въ воду.

Горе тому ялботу, который не успѣетъ во время отвернуться отъ кита : однимъ легкимъ ударомъ хвоста животное превратитъ его въ щепки, и матросамъ предстанетъ неминуемая смерть , если не подоспѣютъ къ нимъ на-помощь товарищи съ ближайшихъ ялботовъ.

Эта борьба громаднаго животнаго съ человѣкомъ — существомъ слабымъ и безсильнымъ, и вмѣстѣ столь могущественнымъ въ соединеніи съ подобными себѣ , — продолжается иногда по цѣлымъ суткамъ, и какъ китъ ни увертывайся, онъ ни за что не избѣгнетъ предназначеннаго ему жребія. Когда животное совершенно утомится и до-того обезсилѣетъ , что уже не-въ-состояніи погружаться въ море, тогда подплываетъ къ нему судно , ложится въ дрейфъ и начинается операція. Къ гротовому марсу привѣшиваютъ огромные тали съ гакомъ , которымъ задѣваютъ за мертваго кита и съ борта судна рѣжутъ жиръ въ видѣ лентъ, нарочно сдѣланными для того ножами. Обрѣзавъ его совсѣмъ , выбираютъ кости , которыя у китолововъ употребляются вмѣсто дровъ для топки жира.

При счастливой и удачной ловлѣ китовъ, судно , величиною въ 300 тоннъ , наливается жиромъ не болѣе какъ въ 10 мѣсяцевъ. Всѣ

китоловные промышленники, при распродажѣ груза, получаютъ изъ него часть въ свою пользу, начиная съ самого командира и до послѣдняго матроса.

Самый лучшій ловъ бываетъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, потому что въ это время появляются сельди, за которыми гоняются киты, употребляющіе ихъ въ пищу.

Кромѣ человѣка, китъ имѣетъ у себя еще другихъ непріятелей: это морскія свинки или касатки. Онѣ нападаютъ на него стадами и острыми зубами своими наносятъ ему раны, отъ которыхъ китъ непремѣнно умираетъ, потому что соленая морская вода постепенно ихъ разъѣдаетъ, и онѣ, вмѣсто того чтобъ заживать, съ продолженіемъ времени увеличиваются все болѣе и болѣе.

Во время нашего перехода изъ Камчатки въ Ситху, намъ по пути много встрѣчалось китоловныхъ судовъ, по большей части Американскихъ. Послѣднія заходятъ иногда и въ Ситху, для разныхъ поправокъ на суднѣ или для того, чтобъ налиться свѣжею водою; но ни одно изъ нихъ не смѣетъ производить тамъ торговли съ дикими; въ противномъ случаѣ его конфискуютъ.

СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКІЯ КОЛОНІИ.

ОСТРОВЪ СИТХА.

Въ 40 день нашего плаванія мы замѣтили, что вода перемѣняла свой цвѣтъ, изъ чистой синеватой дѣлалась мутною и грязною, и изрѣдка стали появляться птицы, нерпы и морская капуста. Всѣ эти признаки доказывали, что берегъ находится отъ насъ не въ очень дальнемъ разстояніи.

Кто бывалъ на морѣ, тотъ легко пойметъ, какъ радостно, послѣ всѣхъ непріятностей и трудностей, неразлучныхъ съ продолжительнымъ плаваніемъ, услышать слово: «земля!» Оно заключаетъ въ себѣ какую-то магическую силу, оно ободряетъ слабаго и всѣхъ приводитъ въ движеніе; даже тѣ, которые во время плаванія едва передвигались отъ боли, причиняемой на морѣ безпрестанною качкою, лѣзутъ на палубу посмотрѣть вдаль, и собственными глазами удостовѣриться въ справедливости услышаннаго ими отраднаго слова: земля! Они

смотрятъ на дальній горизонтъ и не вѣрятъ чувствамъ своимъ, думая: не призракъ ли это обольщенія, не облако ли, которое вздумало пошутить надъ нетерпѣливыми мореплавателями и приняло видъ земли, какъ это нерѣдко случается на морѣ, когда матросы, не зная, въ какомъ разстояніи по исчисленію находится земля, принимаютъ за нее густое, незамѣтно-движущееся облако.

Но я зналъ, что бригъ нашъ находится въ разстояніи 80 миль отъ береговъ, и что первая сопка, которую мы увидимъ, будетъ Этжкомъ, съ провалившеюся отъ волканическаго взрыва вершиною. Видя очеркъ Ситхинскихъ береговъ на атласѣ, мнѣ нетрудно было распознать чертившіеся на горизонтѣ берега острова Ситхи, которые по мѣрѣ приближенія нашего становились все яснѣе и яснѣе. Наконецъ мы подплыли къ самому подножію сопки Этжкомъ, и на свободѣ любовались живописными островками, разбросанными природою въ разныхъ направленіяхъ по всему обширному Ситхинскому заливу.

Вѣтеръ постепенно сгонялъ насъ съ большаго форватера на малый рейдъ, гдѣ, при поворотѣ въ гавань, мы получили вѣтеръ север-

шенно противный; къ тому-же сдѣлалось довольно темно, и мы принуждены были стать на якорь неподалеку отъ Калюжскихъ *барабаръ* или шалашей.

Когда стало разсвѣтать, мы увидали за Калюжскими селеніями Ново-Архангельскій Портъ на самомъ берегу залива и вокругъ нашего брига множество ботовъ, въ которыхъ сидѣли дикари Калюжи. Одни изъ нихъ пріѣхали для продажи намъ ягодъ, дичи и разныхъ бездѣлюшекъ, сдѣланныхъ изъ аспиднаго камня, а другіе изъ одного только любопытства, посмотрѣть на вновь пришедшее судно; но вѣроятно, всѣ они, сколько ихъ ни было, не могли быть столько увлечены любопытствомъ при видѣ новыхъ гостей, приплывшихъ къ нимъ изъ далекихъ странъ, сколько увлеченъ былъ я, смотря на эту дикую, пеструю, шумную толпу, которая беспрестанно увеличивалась отъ вновь-пріѣзжавшихъ дикарей съ разныхъ сторонъ залива. Всѣ они были грязные, оборванные, полунагіе, между ними находились многіе совершенно въ первобытномъ одѣяніи, какъ говорится, въ чемъ мать родила.

У многихъ изъ Калюжъ лица довольно правильныя, но только всѣ раскрашены разными красками. — Всѣ они разговаривали по-своему

и каждый старался, чтобъ при всемъ шумѣ слышенъ былъ его голосъ.

Одинъ изъ нихъ, вѣроятно, отличался особеннымъ даромъ слова. Его можно было назвать неумолкаемымъ ораторомъ. Онъ кричалъ громче всѣхъ и велъ непрерывную рѣчь, стоя на кормѣ своей лодки, весь голый, въ изорванной пуховой шляпѣ и во фракѣ безъ воротника. Передъ нимъ стояла довольно пожилая дикарка, въ маленькомъ передничкѣ, въ солдатской курткѣ, въ спальномъ чепцѣ и, къ довершенію убора, вся въ пуху. Она, какъ замѣтно было, слушала оратора съ большимъ вниманіемъ. Къ сожалѣнію, я не зналъ ихъ языка и не могъ понять, объ чемъ разсуждалъ съ дикаркой нашъ молодой франтъ. Любопытство понудило меня спросить у переводчика о предметѣ ихъ разговора, и тотъ отвѣчалъ мнѣ, что франтъ выговаривалъ старухѣ, зачѣмъ она такъ неприлично одѣта.

Но это любопытное зрѣлище было непродолжительно; вскорѣ пришли катера и повели бригъ нашъ въ гавань. Я съѣхалъ на берегъ, и когда вступилъ на него, то, отъ долгаго плаванія по морю, мнѣ показалось, что онъ качается подо мною.

Не лишнимъ почитаю упомянуть здѣсь о первомъ заселенiи Русскими острова Ситхи, гдѣ устроенъ Ново-Архангельскiй Портъ. — Первымъ основателемъ этого Порта былъ незабвенный Барановъ, посланный Императрицею Екатериною II съ 30 семействами. Первоначально Барановъ расположился на островѣ Кадьякѣ, еще въ бытность частныхъ компанiй. Оружiемъ онъ покорилъ Алеутовъ, дѣятельно заботился о расширенiи своихъ предѣловъ, которые распространилъ на 500 миль отъ Кадьяка, и устроилъ редутъ на островѣ Ситхѣ, гдѣ было множество Калюжъ — народа, враждебнаго Алеутамъ. Отъ невоздержности и беспечности управлявшаго редутомъ, онъ былъ истребленъ дикими. Всѣ находившiеся въ крѣпости, старый и малый, были перерѣзаны или преданы жесточайшимъ мукамъ. Калюжи излили всю злобу свою на неосторожныя жертвы, въ-отмщенiе за то, что онѣ самовластно поселились на ихъ землѣ. Зная, что долго ли, коротко ли, но придетъ Русское судно, которое расплатится съ ними за столь звѣрскiй поступокъ, они забрали всѣ пожитки, какъ свои, такъ и награбленные у Русскихъ, кинули барабары, въ которыхъ жили, можетъ быть, нѣсколько лѣтъ, перешли черезъ горы на до-

вольно далекое разстояніе отъ мѣста убійства, и поселились въ самыхъ неприступныхъ мѣстахъ, чтобъ Русскіе не могли придти къ нимъ для отмщенія за своихъ собратовъ.

Въ 1800 году пришелъ Барановъ къ острову Ситхѣ на кораблѣ Нева, и увидѣлъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ устроенъ редутъ, бѣлѣлся одинъ пепелъ и были разбросаны тѣла Русскихъ, обезображенныя руками дикарей и носившія на себѣ всѣ признаки мучительной смерти, сопровождавшейся варварскими посмѣяніями. Барановъ входилъ въ барабары дикихъ, надѣясь кого-нибудь тамъ встрѣтить, но они были пусты, и виновники давно уже скрылись отъ справедливаго возмездія и преслѣдованія за преступленія.

Барановъ скрылъ свою горесть, похоронилъ съ должными обрядами тѣла убитыхъ, и на могилѣ ихъ поставилъ крестъ, на которомъ означилъ имена несчастныхъ жертвъ. Крестъ этотъ и понынѣ существуетъ неподалеку отъ Ново-Архангельска, а мѣсто бывшаго редута называется Старою Артелью.

Руководимый своимъ смѣлымъ, основательнымъ и рѣшительнымъ умомъ, Барановъ не хотѣлъ отказаться отъ своего предпріятія и оставить островъ Ситху незаселеннымъ. Онъ

пошелъ кораблемъ къ другому Калюжскому поселенію, гдѣ была у дикихъ устроена бревенчатая крѣпость, въ разстояніи 3-хъ миль отъ Старой Артели, разбилъ ее ядрами и выгналъ дикарей, которые въ-свою-очередь упорно защищались, спасая себя отъ неминуемой гибели; но, не имѣя огнестрѣльнаго оружія и другихъ средствъ къ оборонѣ, принуждены были уступить мѣсто, и сами тайно скрылись въ лѣсъ. На третью ночь осады вся крѣпость опустѣла. — Близъ Калюжинской рѣчки и понынѣ видны развалины толстыхъ, заросшихъ мхомъ бревенъ, изъ которыхъ выстроена была дикими крѣпость; тутъ же поставленъ другой крестъ, подъ которымъ лежатъ три матроса съ корабля Нева, убитые дикими во время дессанта.

Барановъ неусыпно принялся за работу, выбралъ удобное мѣсто для построенія своей крѣпости на скалѣ, такъ чтобъ со всѣхъ сторонъ на довольно далекое разстояніе можно было видѣть все, что дѣлается въ-окружности, раскинулъ палатки для себя и для своей команды и обнесъ ихъ двойнымъ заборомъ, въ промежуткахъ котораго насыпалъ каменьевъ. — Это называлось тогда крѣпостью. Въ нынѣшнее время на этомъ мѣстѣ возвышается прекрасный, обширный домъ главнаго правителя и построена

батарея съ множествомъ пушекъ, къ которой нетолько дикарь, но и Европеецъ призадумается, какъ подступить.

Барановъ самъ былъ начальникъ, работникъ, поваръ и часовой; ему не надоѣдали всегдашніе дожди, которые и понынѣ почти ежедневно бываютъ въ этой странѣ, рѣдко наслаждающейся продолжительною ясною погодою; онъ не страшился дикарей, ежеминутно угрожавшихъ ему нападеніемъ, что неоднократно случалось и на самомъ дѣлѣ; но опытностію и благоразуміемъ своимъ удачно отражалъ всякій разъ непріятелей, предугадывалъ намѣренія дикихъ и принималъ въ отношеніи къ нимъ самую расчетливую осторожность: попадавшихся къ нему въ-плѣнъ онъ жестоко наказывалъ розгами, но не умерщвлялъ, показывая тѣмъ, что имѣетъ къ нимъ сострàданіе и не желаетъ ихъ гибели.

Чтобъ сильнѣе дѣйствовать на суевѣрные умы дикарей, Барановъ всегда носилъ подъ кожаннымъ платьемъ латы, такъ, чтобъ дикарь не могъ замѣтить ихъ. Бывало, онъ дастъ плѣнному лукъ и стрѣлы и велитъ стрѣлять въ себя, говоря: «ваши стрѣлы не убьютъ меня;» дикарь пробуетъ, мѣтитъ прямо въ сердце, но стрѣла отскакиваетъ; онъ беретъ дру-

гую, осматриваетъ конецъ, снова натягиваетъ лукъ, — стрѣла вторично упадаетъ, не достигнувъ своей мѣты. Дикарь, освободившись изъ плѣна, разсказывалъ своимъ землякамъ эти непостижимыя чудеса, за достовѣрность которыхъ ручался имъ, какъ очевидецъ. Желая увѣрить дикихъ въ своей непобѣдимости, Барановъ показывалъ имъ разные фокусы, отъ которыхъ они приходили въ ужасъ. И дѣйствительно, Калюжи считали его самымъ великимъ шаманомъ, и не смѣли нетолько нападать на крѣпость, но даже если и въ лѣсу встрѣчали во время работы Русскую команду, не рѣшались дѣлать ей помѣхи.

Калюжи такъ стали уважать и бояться Баранова, что многіе изъ нихъ начинали даже пособлять Русскимъ въ нѣкоторыхъ работахъ. Но несмотря на все это расположеніе дикихъ, Барановъ не имѣлъ къ нимъ довѣрія; и когда изъ крѣпости Русскіе отправлялись на работу, то каждый долженъ былъ непремѣнно имѣть при себѣ ружье; оно даже должно было находиться при немъ въ крѣпости, во время ѣды или сна.

Чтобъ пріучить команду свою быть всегда наготовѣ къ отраженію нападеній со стороны дикарей, Барановъ вотъ еще что дѣлывалъ:

запрется въ крѣпости со всею своею командою, вынесетъ котелъ, полный ромомъ, велитъ пить всѣмъ, кто сколько хочетъ, и самъ вмѣстѣ съ ними пьетъ; замѣтивъ, что уже всѣ перепились на-повалъ, онъ вдругъ прикажетъ ударить тревогу. Тогда каждый долженъ былъ находиться въ совершенной исправности на своемъ мѣстѣ. Если кто не могъ доползти до своего мѣста и лежалъ на дорогѣ со всѣми боевыми принадлежностями, того Барановъ всегда благодарилъ; но горе было тому, кто лежалъ пьяный безъ ружья: за эту оплошность онъ подвергался наказанію. Барановъ часто говаривалъ: пей, а свое дѣло знай; если кто лежитъ пьяный съ ружьемъ, того дикарь никогда не тронетъ, боясь, не притворился ли онъ; если же лежитъ безъ ружья, то дикарь смѣло пойдетъ на него, зная, что ему нечѣмъ защищаться.

Такого рода обыкновенія были въ характерѣ тогдашняго народа и служили отдохновеніемъ послѣ тяжелыхъ продолжительныхъ работъ.

Дикихъ въ тѣ времена было ужасное множество по всѣмъ проливамъ; но закравшаяся отъ Русскихъ оспа губила ихъ тысячами; не зная, какъ съ ней обходиться и не постигая причинъ развитія этого губительнаго яда, они въ

жару болѣзни бросались въ холодную воду и умирали цѣлыми семействами, перемѣняли мѣста своего жительства, уходили далеко отъ семействъ, бросали дѣтей — но ни что не спасало ихъ, смерть съ каждымъ днемъ похищала новыя, многочисленныя жертвы. Съ этого времени они и донынѣ не могутъ размножиться по сравненію съ прежнимъ; къ-тому же, будучи разсѣяны по разнымъ мѣстамъ, на довольно далекое разстояніе одни отъ другихъ, они беспрестанно враждуютъ между собою.

Такъ Барановъ, дѣятельностью, самостоятельностью духа и умомъ своимъ, утвердилъ наше владычество на островахъ Восточнаго океана. Онъ умеръ на кораблѣ въ Южномъ океанѣ, во время переѣзда своего въ Россію, оставивъ по себѣ въ лѣтописяхъ Россійско-Американской Компаніи незабвенную память основателя Ново-Архангельскаго Порта, который въ наше время не имѣетъ и признаковъ прежняго. Мы уже сказали, что на томъ мѣстѣ, гдѣ были поставлены палатки, въ которыхъ жили первоначальные основатели, ежеминутно тревожимые дикими, въ нынѣшнее время возвышается огромный домъ главнаго правителя колоній, съ большими, прекрасно убранными залами, изъ которыхъ видны всѣ

стороны Порта. Все селеніе обнесено крѣпкими батареями, съ башнями по угламъ, изъ которыхъ выглядываютъ въ два ряда 20-ти-фунтовыя пушки, а на одной изъ башенъ развѣвается флагъ Россійско-Американской Компаніи.

Тамъ, гдѣ былъ дремучій, непроходимый боръ, стоитъ теперь храмъ во имя Архангела Михаила и часовня для лютеранъ. По прибытіи туда миссіи съ Архіепископомъ Иннокентіемъ, построенъ монастырь, при коемъ находятся семинарія и духовное управленіе. — Кромѣ того, въ Ново-Архангельскѣ замѣчательны слѣдующія зданія и учрежденія: школа для мальчиковъ, въ которой учатъ навигаціи и другимъ предметамъ, воспитательный домъ для дѣвицъ, обязанный благосостояніемъ своимъ добродушію и попеченіямъ жены бывшаго главнаго правителя Этолина, которою положено: выдать воспитанницъ замужъ за порядочныхъ людей, съ наградою изъ тѣхъ денегъ, которыя выручаются питомицами за рукодѣлія, введенныя въ этомъ благодѣтельномъ заведеніи Этолиною же; исправный арсеналъ, обсерваторія, музыкальный классъ, библіотека, въ которую ежегодно привозятся журналы и книги, выписываемые на деньги, жертвуемыя Ситхинскимъ

обществомъ; 2 больницы съ прекрасною аптекою, пильный заводъ, водяная мельница, клубъ, отлично отдѣланный, въ которомъ живутъ неженатые судовые капитаны, прикащики и штурмана, пристань на каменномъ фундаментѣ, выстроенная Этолинымъ; на ней расположенъ запасный магазинъ, такъ, что суда для нагрузки и выгрузки товаровъ могутъ подходить почти вплоть; 3 казармы для рабочихъ холостыхъ и женатыхъ и военныхъ матросовъ, коихъ постоянно находится, по уложенной привиллегіи, человѣкъ до 50, собственно для охраненія Порта и для заграничныхъ походовъ.

Россійско-Американская Компанія имѣетъ 8 судовъ, величиною отъ 100 до 350 тоннъ, одинъ пароходъ съ 14 пушками для проливовъ, и другой, поменьше, для разныхъ посылокъ по редутамъ.

Ново-Архангельскій Портъ есть главное заселеніе Россійско-Амариканскихъ колоній; здѣсь постоянное мѣстопребываніе главнаго правителя всѣхъ колоній или, какъ называютъ его по-тамошнему, Губернатора, въ чинѣ Капитана 1 ранга; онъ непремѣнно долженъ быть изъ флотскихъ, принимаетъ эту обязанность на 5 лѣтъ, съ правами военными и гражданскими, согласно привиллегіи, получаетъ отъ Компаніи

каждый годъ жалованья 10 т. руб. сереб., и по истеченіи срока выбываетъ въ Россію. Помощникъ правителя бываетъ изъ лейтенантовъ и именуется портовымъ начальникомъ; кромѣ того, находится нѣсколько флотскихъ офицеровъ для мореходства.

Въ Ново-Архангельскѣ основана главная колоніальная контора, въ которую поступаютъ отчеты изо всѣхъ прочихъ колоніальныхъ конторъ; колоніи же Россійско-Американской Компаніи заняли мѣста по сѣверному краю Восточнаго океана, начиная отъ сѣверозападныхъ береговъ Америки до Аяна, что на Азіятскомъ берегу при Охотскомъ морѣ. Все это пространство принадлежитъ Компаніи съ правомъ монополіи.

Островъ Ситха служитъ складочнымъ мѣстомъ какъ пушнымъ такъ и другимъ товарамъ, доставляемымъ изъ Россіи чрезъ Охотское море компанейскими судами и привозимымъ кругомъ свѣта на Англійскихъ корабляхъ, по договору съ Гудзонбайской Компаніей. Самое крайнее количество товаровъ, менѣе котораго никогда не потребляется по колоніямъ, простирается ежегодно на милліонъ руб. асс., и то продаютъ ихъ по положенію, то есть, не болѣе того количества, какое на-

значено каждому лицу, смотря по занимаемой имъ въ колоніяхъ должности; въ противномъ случаѣ, привознаго товара было бы очень недостаточно, въ-особенности рому.

При наступленіи весны, товары изъ Ново-Архангельска развозятъ судами во всѣ компанейскія заселенія, именно: на острова Кадьякъ, Уналашку, Атху, Кинай, Георгія, Павла, Урупъ, Симусиръ, Шумшу; въ Константиновскій, въ Александровскій, Николаевскій, Михайловскій редуты, въ Камчатку и Аянъ; изъ этихъ же мѣстъ управляющіе разсылаютъ товары въ байдарахъ или въ байдаркахъ по разнымъ близкимъ одиночкамъ.

Равно и пушные товары изъ всѣхъ колоніальныхъ конторъ и отдѣловъ привозятся въ Ситху: тамъ ихъ сортируютъ, укупориваютъ въ ящики, такъ чтобъ въ каждомъ, вмѣстѣ съ тарою, было вѣсу 2½ пуда, обшиваютъ ящики сыромятными лавтаками, для предохраненія отъ подмочекъ по Охотской дорогѣ, и къ 1-му Мая нагружаютъ судно, которое и отправляется въ Россію чрезъ Аянъ. Пушные товары составляютъ главную статью торговли Россійско-Американской Компаніи.

Съ прибытіемъ компанейскихъ судовъ съ разныхъ отдѣловъ на зимовку въ Ситху, Портъ

оживляется, дѣлается шумнымъ, многолюднымъ, веселымъ; въ клубѣ открывается театръ, на которомъ разыгрываются разныя небольшія піесы, и даются вечеринки, на которыя приглашается все почетное и полупочетное Ситхинское общество. Послѣднее подраздѣленіе зависитъ отъ того, кто сколько получаетъ жалованья. — Въ этихъ вечернихъ собраніяхъ на отдаленномъ островѣ Восточнаго океана, въ странѣ, отдѣленной отъ образованнаго міра пространствомъ нѣсколькихъ тысячъ верстъ, вы встрѣтите болѣе радушія, болѣе непритворной веселости, нежели на самомъ блестящемъ столичномъ балѣ. Здѣсь люди, которые по положенію своему въ свѣтѣ, быть можетъ, никогда бы не сошлись между собою, дружески подаютъ одинъ-другому руку; отдаленность сближаетъ ихъ, и каждый гость, вспоминая о родныхъ, о друзьяхъ своихъ, близкихъ его сердцу, но силою обстоятельствъ далеко имъ покинутыхъ, старается на нѣсколько часовъ отогнать отъ себя думу о горькой утратѣ, и замѣнить ее искреннимъ знакомствомъ съ новыми лицами, съ которыми свела его судьба.

Въ 1845 году воспрещено было употребленіе крѣпкихъ напитковъ, во все время пребыванія въ колоніяхъ, за исключеніемъ морскихъ воя-

жей. Это ужасное для многихъ запрещеніе было объявлено при сборѣ колоніальнымъ служителямъ, изъ которыхъ иные, услыша такую вѣсть, не могли удержаться отъ слезъ.

Тамошніе уроженцы называются креолами и имѣютъ удивительныя способности, можно сказать, ко всему; креолки, изъ которыхъ многія отличаются очень правильными и пріятными чертами лица, вообще очень робки и застѣнчивы. Нѣкоторые изъ пріѣзжающихъ на службу въ колоніи женятся на креолкахъ, и по окончаніи срока контракту, заключенному съ Компаніей, если только не остаются ей должны, выѣзжаютъ съ женами въ Россію.

Окрестности Ново-Архангельска пустынны и дики; тутъ не встрѣтите вы ни зеленыхъ луговинъ, ни тѣнистыхъ садовъ; природа не надѣлила этой отдаленной страны роскошною растительностью и окаймила ее сплошною цѣпью горъ, поросшихъ елью, лиственницею и лушникомъ.

Климатъ на островѣ Ситхѣ самый неблагопріятный. Солнце рѣдкій гость на тамошнемъ сѣверномъ небѣ, почти безпрестанно застилаемомъ густымъ туманомъ. Большую часть года льютъ дожди или дуютъ жестокіе вѣтры. Почва вообще камениста и неудобна къ произведенію

никакихъ плодовъ, кромѣ ягодъ. Огородные овощи произрастаютъ въ самомъ маломъ количествѣ, такъ что ихъ недостаетъ на годичное продовольствіе; нѣкототорые же продукты совершенно не могутъ рости.

Домашняго скота въ Ново-Архангельскѣ не имѣетъ никто, потому что его нечѣмъ кормить. У главнаго правителя есть нѣсколько коровъ, но и имъ съ трудомъ запасаютъ на зимнее время сѣно.

Въ Ново-Архангельскѣ, начиная отъ мальчика и до послѣдняго старика, нѣтъ ни одного человѣка, который бы не зависѣлъ отъ Компаніи и не отправлялъ какой-либо должности, за извѣстное вознагражденіе или плату. Прослужившіе въ Компаніи 15 лѣтъ имѣютъ право селиться гдѣ имъ угодно въ Россійскихъ колоніяхъ; нѣкоторые даже были посланы, по собственному желанію, въ Кинай, со всѣми на одинъ годъ пособіями отъ Компаніи. Но по разнымъ встрѣтившимся неудобствамъ или по какимъ-либо своимъ причинамъ, они опять возвратились въ Ситху; потому-то никто не желаетъ, оставивъ Компанію, идти на свое пропитаніе и заводить какую-нибудь промышленость въ свою пользу.

Всѣмъ пріѣзжающимъ на службу къ Ситху выдаютъ изъ арсенала ружья для охраненія порта отъ дикихъ, и изрѣдка, по приказанію главнаго правителя, внезапно бываютъ тревоги, но не съ такою строгостію, какъ во времена Баранова. Мнѣ самому неоднократно случалось выходить на тревогу съ деревяннымъ кремнемъ въ ружьѣ. Да впрочемъ со стороны дикихъ нельзя ожидать никакой опасности, потому что на ихъ барабары наведены пушки во всѣхъ направленіяхъ, какъ съ крѣпости, такъ и съ судовъ, которые становятся въ линію противъ ихъ селенія; притомъ же близъ крѣпости живетъ очень мало Калюжъ, и только въ весеннее время съѣзжается ихъ тысячи до 1½ для ловли сельдей, изъ которыхъ они топятъ жиръ, употребляемый ими въ пищу. По Ситхинскому заливу водится такое множество рыбы, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трудно проѣхать лодкой. Во время ловли у дикихъ происходитъ неумолкаемый шумъ отъ пѣсенъ и плясокъ; тутъ Калюжи заключаютъ между собою миръ до разсвѣта.

КАЛЮЖИ.

Калюжи сами не знаютъ своего происхожденія, но можно полагать, что они произошли отъ Индійцевъ, живущихъ на Сѣверо-Американскомъ материкѣ. Эти племена очень сходны между собою, только Калюжи имѣютъ болѣе правильности въ лицѣ, нежели Индійцы. Не природа, а Калюжи сами портятъ и обезображиваютъ себя, особливо женскій полъ. При рожденіи младенца, они сжимаютъ у него верхнюю часть головы въ видѣ лопатки, чрезъ что̀ кажутся широколицыми, прокалываютъ себѣ ноздри для вставливанія колечка и дѣлаютъ понѣскольку дырочекъ въ ушахъ, въ которыя продѣваютъ разноцвѣтную шерсть. Въ нижней губѣ они дѣлаютъ сперва маленькую скважинку, и вставляютъ въ нее какую-нибудь металлическую шпильку, потомъ постепенно ее увеличиваютъ, и подъ-старость вставляютъ уже раковинку, величиною по-крайней-мѣрѣ въ 1½ дюйма, которая служитъ какъ-бы блюдечкомъ для носа; причемъ раскрашиваютъ лицо киноварью и сажей, выводя на немъ разные узоры, кому какъ вздумается или какъ пристанетъ къ лицу Волосы у Калюжъ вообще чѐрные, жесткіе, похожіе на лошадиную гриву. Нѣкоторые

изъ Калюжъ собираютъ ихъ наверху головы въ кучку и завязываютъ въ видѣ пучка, или стараются какъ можно перепутать, намазываютъ жиромъ и пересыпаютъ пухомъ. Всѣ эти украшенія сообщаютъ лицамъ дикарей страшный видъ, который незнающаго легко можетъ привести въ испугъ.

Обыкновенная одежда Калюжъ состоитъ въ накидкахъ изъ звѣриныхъ шкуръ, или въ шерстяныхъ разноцвѣтныхъ одѣялахъ, въ которыя они завертываются просто во весь ростъ, и у шеи дѣлаютъ завязки чтобъ одѣяло не могло упасть.

У кого изъ Калюжъ есть какое-нибудь шитое платье, то дикарь надѣваетъ его тогда только, когда вздумается ему пощеголять, и надѣваетъ всегда навыворотъ, такъ что на франта нельзя смотрѣть безъ смѣха.

Всѣ дикари необходимые для себя товары, какъ-то: табакъ, порохъ, свинецъ, ружья, миткаль и разнаго рода одежду, достаютъ отъ Компаніи на промѣнъ пушныхъ товаровъ.

Калюжи селятся при заливахъ или при рѣчкахъ бревенчатыми барабарами, которыя строятъ въ видѣ короба съ плоской крышкой, а наверху прорубаютъ отверзтіе для выхода дыму; внутри барабары постоянно находится огонь,—

почему отъ одежды дикарей всегда пахнетъ дымомъ, даже самое тѣло ихъ какъ-будто пропитано копотью.

Калюжи никому не платятъ дани и не подчиняются никакимъ гражданственнымъ постановленіямъ. Тотъ, кто богатъ, покупаетъ себѣ у другаго, богатаго же Калюжа, людей, и пріобрѣтаетъ ихъ въ вѣчную свою собственность. Онъ называется *таеномъ*, люди же его — *калгами*, или *каюрами*, т. е. работниками.

Когда умираетъ какой-нибудь таёнъ, то родственники его умерщвляютъ нѣсколько изъ его каюръ для того, чтобъ они служили ему въ будущей жизни, о которой Калюжи имѣютъ самое темное и сбивчивое понятіе. Если кто-нибудь изъ тѣхъ каюръ, на которыхъ палъ жребій смерти, убѣжитъ, то его всѣми средствами стараются отыскать до похоронъ; послѣ же, хотя онъ и явится, то его уже не преслѣдуютъ и онъ дѣлается свободнымъ.

Когда умретъ кто-нибудь изъ знатныхъ таёновъ, пользующійся между своими единоземцами особеннымъ уваженіемъ, тогда дѣлятъ каюръ нетолько изъ его команды, но и прочіе таёны, кому сколько заблагоразсудится, жертвуютъ своими каюрами въ честь его имени,— потомъ убираютъ мертвеца въ самое лучшее

платье, какое только у него было, раскрашиваютъ ему лице красною краской, а приближенные къ нему намазываютъ себѣ лице сажею, раскладываютъ все богатство умершаго, развѣшиваютъ передъ нимъ оружіе, звѣриныя шкуры, одѣяла, усаживаются вокругъ, и шаманъ, ударяя въ бубенъ, затягиваетъ съ разными кривляньями погребальную пѣснь, подъ которую всѣ дикіе, сколько ихъ ни находится въ барабарѣ, должны подтягивать, ударяя въ ладоши, или во что-нибудь подъ тактъ бубна. Это продолжается у нихъ цѣлый день; потомъ мертвеца стаскиваютъ въ лѣсъ на сожженіе, чтобъ прахъ его дымомъ достигъ до небесъ.

Когда въ первый разъ мнѣ пришлось увидѣть погребеніе умершаго Калюжскаго таёна, признаюсь, я не могъ безъ содроганія смотрѣть на этотъ обрядъ, со всѣми его варварскими принадлежностями, отправляемый въ дикой, глухой пустынѣ, и къ довершенію всей поразительности этой ужасной картины, въ ночное время. Однажды, возвращаясь съ охоты, я встрѣтилъ множество дикихъ, которые разными тропинками пробирались съ покойникомъ отъ своего селенія въ лѣсъ. Они шли въ глубокомъ молчаніи, какъ будто подавляемые чувствомъ неопредѣленнаго страха. Любопытство подстрек-

нуло меня, и я издали послѣдовалъ за ними, желая посмотрѣть, какъ будутъ жечь покойника. Наконецъ дикари остановились у приготовленнаго костра дровъ, посадили на него покойника, а сами окружили костеръ; болѣе получаса продолжалось молчаніе, изрѣдка, прерываемое вздохами сожалѣнія объ усопшемъ; потомъ зажгли дрова, облитые жиромъ, и громкое, дикое пѣніе разбудило спящій лѣсъ, эхо далекими перекатами повторилось въ высокихъ горахъ и яркое пламя освѣтило шумную толпу дикарей.... но вдругъ все замолкло; одинъ лишь шаманъ колотилъ въ бубенъ и плясалъ съ разными кривляньями; между-тѣмъ дрова развалились и выказали обгорѣвшаго мертвеца, отъ жару сводило у него жилы и онъ дѣлалъ страшныя, судорожныя конвульсіи. Въ это время родственники покойника поправляли разпадавшіяся дрова. Когда у сгорѣвшаго совершенно скорчило все тѣло, тогда снова началось пѣніе и продолжалось до тѣхъ поръ, пока онъ не превратился въ черную, углистую массу, которую ничѣмъ нельзя было отличить отъ сгорѣвшаго древеснаго пня.

Вотъ обрядъ погребенія всѣхъ некрещеныхъ знатныхъ таёновъ, прославившихся въ своемъ родѣ; каюры же ихъ не удостоиваются такихъ

почестей: ихъ просто топятъ въ водѣ безъ всякой церемоніи. — Нельзя безъ глубокаго сожалѣнія смотрѣть на этихъ несчатныхъ, когда ихъ давятъ въ честь умершаго таёна: каюра повалятъ на землю, приложатъ къ его шеѣ палку, нажмутъ на оба конца, страдалецъ разъ или два вздрогнетъ ногами, какъ будто отъ дѣйствія гальваническаго потока, и чрезъ минуту испуститъ духъ.

Когда подъ сгорѣвшимъ покойникомъ охладѣютъ уголья, тогда истлѣвшія кости его собираютъ въ кучку и кладутъ въ ящикъ, устроенный на столбахъ, врытыхъ гдѣ-нибудь на возвышенномъ мѣстѣ.

Каждый годъ родственники покойника дѣлаютъ поминки: одѣваются въ лучшее платье, намазываютъ себѣ лице черной краской, идутъ сидѣть на его могилу, говорятъ про прежнія дѣла, ходятъ по тѣмъ мѣстамъ, по которымъ онъ любилъ ходить, и заканчиваютъ поминки ѣдою.

Если кто изъ Калюжъ пожелаетъ имѣть себѣ жену, то долженъ заплатить отцу и матери ея то, что̀ они потребуютъ за свою дочь.

Родъ у Калюжъ считается по матери, а не по отцу.

Народъ этотъ памятливъ на обиды; самыя дальнія колѣна изъ рода всегда вступаются при малѣйшей какой-нибудь обидѣ за своего родича. Если кто не желаетъ откупиться за свое преступленіе, то Калюжъ, какъ вообще и всѣ дикіе народы на земномъ шарѣ, поставляетъ себѣ за правило: воздавать обидой за обиду, мстить смертію за смерть.

Калюжскія племена разселились по всѣмъ сѣверо-западнымъ проливамъ Америки. Главныя мѣста, гдѣ они живутъ большими селеніями, находятся въ Ситхѣ, Стахинѣ, Хутсновѣ, Ильтуѣ, Кеку, Койганахъ, Якутатѣ, Челькатѣ, Ледяномъ проливѣ, Таикасахъ и Колумбіи; всѣ они почти безпрестанно враждуютъ между собою, и вражда эта ведется еще со временъ ихъ праотцевъ.

При съѣздахъ Калюжей изъ разныхъ селеній въ одно мѣсто, каждый изъ нихъ долженъ держать себя какъ можно осторожнѣе, въ отношеніи къ своимъ же единоземцамъ, но живущимъ въ другомъ селеніи. Одно малѣйшее обстоятельство, подающее поводъ къ ссорѣ, — и дѣло не обойдется безъ драки, всегда сопровождаемой кровопролитіемъ, и нерѣдко даже убійствомъ.

Когда Калюжи съѣзжаются въ Ситху для ловли сельдей и красной рыбы, то они не смѣютъ расположиться по близкимъ островамъ безъ позволенія Ситхинскихъ Калюжъ, и должны прежде послать къ нимъ аманатовъ для удостовѣренія въ своей дружбѣ; равно и Ситхинскіе Калюжи высылаютъ къ нимъ своихъ аманатовъ въ знакъ согласія и мира. По исполненіи съ обѣихъ сторонъ этихъ предварительныхъ статей, пріѣзжіе устроиваютъ барабары, гдѣ кому угодно, начинаются пляски и пѣсни въ знакъ всеобщаго веселья, но все-таки каждое жилье имѣетъ своихъ часовыхъ, которые безотлучно стоятъ на своихъ постахъ, въ отстраненіе всякаго нападенія отъ сосѣдей.

Калюжи преимущественно употребляютъ въ пищу рыбу; они сушатъ ее и ѣдятъ съ сельдянымъ жиромъ; кромѣ того питаются дичью и ягодами, въ-особенности такъ называемою сараной.

Съ большимъ любопытствомъ и удивленіемъ смотрѣлъ я, какъ Калюжи ловятъ сельдей. — Одинъ или двое изъ нихъ садятся въ батъ, т. е. въ выдолбленную изъ дерева лодку; вмѣсто гребка, имѣютъ они въ рукахъ длинную линейку, у которой на одной сторонѣ наколочены гвоздики въ разстояніи на вершокъ одинъ отъ

другаго; дикарь тихонько гребетъ ею, такъ, что при каждомъ взмахѣ вытаскиваетъ сельдей штукъ по 5; такимъ образомъ, онъ въ короткое время можетъ наполнить ими почти до половины бата.

Ситхинскіе Калюжи доставляютъ жителямъ Ново-Архангельскаго Порта большую услугу привозомъ свѣжей провизіи; они снабжаютъ ихъ почти въ достаточномъ количествѣ разною рыбою, какъ-то: палтусиною, трескою, красною рыбою; также дикими утками, гусями и яманами или дикими оленями. Для этого устроенъ въ оградѣ крѣпости рынокъ, на который въ извѣстные часы собираются дикари и продаютъ свою добычу Русскимъ. За самаго большаго ямана, въ которомъ вѣсу 4 пуда, даютъ 5 саженъ миткалю, за утку 1 папушу Американскаго табаку, за гуся 2 папуши; рыба же цѣнится смотря по ея величинѣ; всѣ эти покупки вымѣниваются согласно таксѣ, установленной начальствомъ Ново-Архангельскаго Порта.

Для покупки пушныхъ товаровъ сдѣлана на этомъ же самомъ рынкѣ лавка; дикіе не могутъ входить въ нее, а торгуются въ окно, нарочно для того прорубленное; это сдѣлано собственно съ тою цѣлью, чтобъ отъ дикихъ не происходило никакого воровства, страсть къ

которому развита у нихъ, а также въ соблюденіе осторожности, которая ведется еще со времени Баранова. Хотя послѣднее обстоятельство не требуетъ уже такихъ строгихъ мѣръ, какъ прежде, и Калюжи, въ нынѣшнее время, довольно смирны, но все-таки, какъ говаривалъ нѣкогда Барановъ, «дружбу съ ними води, а камень за пазухой носи.»

Въ бытность мою въ Ново-Архангельскѣ Калюжи неоднократно заводили съ Русскими шумъ изъ какой-нибудь бездѣлицы, такъ что съ ружьями приступали къ крѣпости и грозили нападеніемъ; конечно, они ничего не могутъ сдѣлать противу такого укрѣпленія, и въ такомъ незначительномъ количествѣ, въ какомъ живутъ они на островѣ Ситхѣ, потому что въ этомъ случаѣ было бы достаточно одного удачнаго выстрѣла со всѣхъ крѣпостей, чтобъ ни одного изъ нихъ не оставить въ живыхъ, — но Русскіе этого не дѣлаютъ, и не смѣютъ дѣлать до тѣхъ поръ, пока не будетъ убитъ дикими кто-нибудь изъ нашихъ соотечественниковъ.

Я самъ бывалъ свидѣтелемъ, какъ усмиряютъ Калюжъ, въ случаѣ какого-нибудь враждебнаго движенія съ ихъ стороны; если они сдѣлаютъ шумъ и соберутся къ крѣпости, тогда ударяютъ тревогу, запираютъ крѣпость и начинаютъ уго-

варивать ихъ словесно, чтобъ они прекратили ссору; когда же увѣщанія не дѣйствуютъ, то пускаютъ ядро поверхъ головъ, которое свистомъ своимъ разгоняетъ бунтующую толпу въ лѣсъ или куда попало, — и тѣмъ прекращается весь шумъ.

Непріятнымъ послѣдствіемъ этихъ перебранокъ бываетъ только то, что дикари не приходятъ съ провизіей на рынокъ и не хотятъ ею торговать. Это упорство со стороны дикихъ продолжается иногда по цѣлой недѣлѣ, въ теченіе которой Русскіе поневолѣ должны оставаться безъ свѣжаго продовольствія.

Наконецъ, сами же дикіе, по-необходимости, бываютъ принуждены помириться съ нами, потому что у нихъ истощаются потребности, нужныя для ихъ домашняго быта, въ-особенности табакъ, къ которому они такъ привыкли, и порохъ, безъ котораго они не могутъ обойтись.

Можно сказать, что въ нынѣшнее время Русскіе сдѣлались почти необходимыми для Калюжъ, потому что они получаютъ отъ нихъ всѣ нужные для себя товары, которыми также переторговываются съ дальними Тундровскими Калюжами изъ барыша.

Россійско-Американская Компанія, для облегченія перевозокъ, ежегодно посылаетъ судно

съ товарами по всѣмъ тѣмъ Калюжскимъ селеніямъ, которыя только принадлежатъ Русскимъ; въ тѣхъ же селеніяхъ, гдѣ по договору съ Русскими поселились Англичане, съ платою за арендное содержаніе, и построили свои редуты, Компанія не имѣетъ права производить разторжку съ Калюжами, и пользоваться покупными шкурами, какъ собственностію, равно и Англичане не пользуются шкурами въ Калюжскихъ селеніяхъ, принадлежащихъ Русскимъ. Иногда случается, что Калюжи, не понимая этого раздѣла, привозятъ пушные товары въ то мѣсто, которое находится отъ нихъ ближе; въ такомъ случаѣ, по прошествіи года, Русскіе съ Англичанами дѣлаютъ обоюдный размѣнъ по установленнымъ таксамъ.

Мнѣ нѣсколько разъ приходилось торговаться съ судна по разнымъ Калюжскимъ проливамъ. Для этого вооружаютъ судно какъ слѣдуетъ ему быть въ боевомъ порядкѣ, въ обезопасеніе себя отъ всякаго враждебнаго покушенія со стороны дикихъ, — растягиваютъ вокругъ бортовъ толстыя веревочныя смоленыя сѣтки, и на носу судна устроиваютъ батарею, которую закрываютъ или завѣшиваютъ парусами, такъ чтобъ дикари не могли ее замѣтить; въ противномъ случаѣ ихъ не заманишь на судно для торговли

и они будутъ думать, нѣтъ ли тутъ со стороны Русскихъ какого-нибудь обмана, клонящагося къ ихъ погибели.

Какъ церемоніально съѣзжаются дикари на судно въ тотъ день, который назначенъ для ихъ угощенія! Съ Разныхъ сторонъ залива тихонько плывутъ огромные баты, изъ которыхъ въ каждомъ сидитъ человѣкъ по 20 дикарей, раскрашенныхъ, съ перьями, одѣтыхъ въ лучшія свои одѣянія. Съ бубнами и пѣснями подплываютъ они къ судну, становятся невдалекѣ отъ него всѣми батами въ одинъ рядъ, и показываютъ дружелюбное расположеніе свое пляскою, состоящею изъ разныхъ кривляній, въ продолженіе которой безпрестанно посыпаются орлинымъ пухомъ; потомъ въ чинномъ порядкѣ лѣзутъ на палубу, гдѣ ихъ угощаютъ рисовою кашей съ патокой. Въ это время начинается у нихъ шумный разговоръ; они спорятъ, горячатся и каждый старается перекричать другаго; духъ летитъ повсюду, на палубѣ тѣснота, жаръ и нестерпимый запахъ жиромъ и дымомъ. Вся эта пестрая толпа гордится своимъ обществомъ.

По окончаніи пира, когда дикари начнутъ разъѣзжаться, надобно каждому подарить по листку табаку на дорогу; а нѣкоторые, мимо-

ходомъ, и такъ что-нибудь украдутъ; на этотъ предметъ они очень просты.

На другой день, въ 8 часовъ, на Русскомъ суднѣ поднимаютъ флагъ и чрезъ то даютъ знать дикарямъ, чтобъ они съѣзжались на судно для торговли, съ пушными товарами. Прежде всего Калюжи начинаютъ торговлю съ морскаго бобра, надъ которымъ ужасно долго думаютъ, толкуютъ, совѣтуются, боясь, какъ бы не ошибиться въ цѣнѣ. Назначьте имъ самую большую плату, и они все будутъ сомнѣваться, не мало ли? — Хотя бы шкура совсѣмъ того не стоила, что̀ за нее даютъ, но Калюжи все-таки будутъ просить прибавки. Случается такъ, что они цѣлый день толкуютъ о цѣнѣ, разсматриваютъ товары, стараясь между тѣмъ что-нибудь украсть, и при наступленіи вечера разъѣзжаются, не продавъ ничего. На другой день тѣ же сомнѣнія, тѣ же толки и разговоры, которые самаго хладнокровнаго человѣка въ состояніи вывести изъ терпѣнія.

Наконецъ объявляютъ имъ, что вѣрно они имѣютъ на насъ зло и не хотятъ продавать намъ пушныхъ товаровъ, что завтра же мы уходимъ и никогда болѣе не придемъ къ ихъ селенію.

Эти слова сильнѣе всего дѣйствуютъ на ихъ рѣшимость. Тогда который-нибудь изъ нихъ непремѣнно старается продать бобра, — и если одинъ уже продалъ, примѣру его слѣдуютъ и всѣ прочіе, торговля начинается своимъ порядкомъ, и товары вымѣниваются по цѣнамъ, согласно съ установленною таксою.

Сортировка пушнымъ товаромъ у Калюжъ своя, и достоинству нашихъ товаровъ они дѣлаютъ расцѣнку посвоему: нѣкоторые дешевые товары они предпочитаютъ дорогимъ и дорогіе ставятъ наравнѣ съ дешевыми; но въ этомъ отношеніи мы съ ними не споримъ и платимъ за товары по назначеннымъ въ таксѣ цѣнамъ. Напримѣръ, за большую выдру даютъ имъ 1 одѣяло въ 18 руб., или, вмѣсто него, 5 фун. пороху и 1-ну 10-ти-фунтовую свинцовую плитку, что составитъ 10 руб.; за кошлокъ морскаго бобра 2 одѣяла, 36 руб., или 1 ружье, стоющее 25 руб.; за большую черную медвѣжину 4 бумажки киновари въ 3 руб., или 1 топоръ въ 5 руб. — По ихъ расчетамъ это все равно. Если одному прибавить за какую-нибудь шкуру хотя листокъ табаку, то надо дать и тѣмъ, которые давно уже продали такія же шкуры; въ противномъ случаѣ они будутъ требовать назадъ свою продажу.

Бобръ морской 1-го сорта стоитъ 7 одѣялъ шерстяныхъ, въ томъ числѣ одно красное, которое Калюжи считаютъ за два.	126 р.	
5 фун. пороху.	5 —	
10 фун. картечи или одна плитка свинцу.	5 —	
4 бумажки киновари	3 —	
1 мотокъ шерсти красной. . .		50 к.
2 кремня, ¼ фун. табаку		50 —
Всего на 140 руб.		

Бываетъ иногда, что бобръ обходится и меньше отъ перехода цѣнъ товарамъ, но болѣе 140 руб. платить нельзя.

Въ прежнее время за пушные товары платили Калюжамъ также и ромомъ, но въ 1841 году запретили давать имъ этотъ напитокъ, по причинѣ сильнаго пьянства, во время котораго, по поводу разныхъ упрековъ, возникали между ними ссоры, нерѣдко оканчивавшіяся убійствомъ. Сначала это запрещеніе очень не понравилось Калюжамъ, но впослѣдствіи времени они убѣдились въ благодѣтельности этой мѣры и не требовали болѣе рому.

Россійско-Американская Компанія, кромѣ пушныхъ товаровъ, покупаетъ у Калюжъ въ большомъ количествѣ картофель, который они стали разводить во многихъ мѣстахъ по своимъ проливамъ.

По сравненію съ пушными товарами, картофельная расторжка производится гораздо скорѣе и сопровождается болѣе шумными толками и переговорами. Каждый дикарь старается наперерывъ поскорѣе продать привезенный имъ картофель, боясь, что послѣ у него не купятъ.

Однажды случилась у насъ въ Хутеневѣ довольно шумная исторія съ дикими. Мы были посланы на пароходѣ въ разные проливы для покупки пушныхъ товаровъ, и на обратномъ пути зашли въ Хутеневъ, гдѣ болѣе всѣхъ прочихъ мѣстъ родится картофель.

По приходѣ въ означенное селеніе, мы стали на якорь, завезли съ кормы на берегъ канатъ и закрѣпили его однимъ концомъ за дерево, чтобы пароходъ не могъ вертѣться; потомъ созвали тамошнихъ Калюжъ для угощенія и покупки у нихъ пушныхъ товаровъ.—По окончаніи торга, мы велѣли имъ привезти на другой день поутру картофелю, какъ можно больше, въ надеждѣ закупить его, согласно данному намъ отъ Компаніи приказанію; но въ пол-

ночь мы получили отъ главнаго правителя письмо, въ которомъ приказывалось намъ поскорѣе поспѣшать въ Ситху по причинѣ случившагося тамъ шума съ дикими. Поводомъ къ ссорѣ послужило слѣдующее обстоятельство: Калюжъ нанесъ копьемъ одной Русской женщинѣ рану, къ-счастію, не такъ опасную, и боясь преслѣдованія за свой поступокъ, бѣжалъ къ своимъ землякамъ. Русскіе требовали выдачи виновника, но Калюжи упорствовали въ немедленномъ исполненіи справедливаго требованія. Въ этомъ письмѣ упоминалось также, чтобъ и мы сами были какъ можно осторожнѣе.

Въ исполненіе приказа мы должны были прекратить торговлю съ Калюжами и при разсвѣтѣ сняться съ якоря для слѣдованія въ Ситху. Настало утро. Множество бàтовъ, нагруженныхъ картофелемъ, стояло уже вокругъ нашего парохода. Хутеневскимъ Калюжамъ не было извѣстно, что Ситхинскіе Калюжи сдѣлали шумъ съ Русскими и что мы получили приказаніе скорѣе идти въ Ситху. Дикари, желая распродать намъ привезенный ими картофель, стали проситься на палубу, но мы отказали имъ, сказавъ, что намъ сейчасъ же нужно идти въ Ситху, однако не объявили причины столь скораго ухода.

Калюжи приняли это за обманъ, думая, что мы хотимъ надъ ними посмѣяться; въ минуту, они всѣ разъѣхались, выгрузили изъ своихъ батовъ картофель на берегъ, и чрезъ короткое время съѣхались гораздо въ большемъ количествѣ, всѣ вооруженные копьями и ружьями, окружили нашъ пароходъ и не хотѣли выпустить его изъ залива; мы съ своей стороны открыли пушечные борты и показали имъ горящіе фитили, которыхъ испугались они скорѣе, нежели мы ихъ ружей и копьевъ. Они кинулись на берегъ, гдѣ былъ привязанъ канатъ, въ той увѣренности что Русскіе непремѣнно пріѣдутъ съ парохода, чтобъ отвязать конецъ каната, до чего рѣшились они не допускать ихъ, полагая такимъ образомъ удержать пароходъ; но увы! они напрасно ободряли себя этою надеждою, и къ великому своему удивленію, увидѣли, что всѣ старанія ихъ были напрасны. Мы выпустили съ парохода другой конецъ каната и преспокойно вышли изъ залива, зная, что сами же Калюжи привезутъ канатъ въ Ситху, что̀ такъ и случилось.

Калюжи вообще довольно робки съ Русскими, хотя и заводятъ съ ними иногда шумъ; но это дѣлаютъ они въ той увѣренности, что Русскіе никогда ихъ сначала не тронутъ, пока не замѣ-

тятъ со стороны ихъ какого-либо покушенія на убійство; между же собою они очень храбры. Я неоднократно бывалъ свидѣтелемъ, съ какимъ остервененіемъ дерутся они копьями, во время какой-нибудь ссоры, поводомъ къ которой служитъ иногда обстоятельство самое бездѣльное. Они сбѣгаются большими кучами въ одну толпу, какъ будто между ними начинается генеральное сраженіе, и главнокомандующимъ бываетъ всегда какая-нибудь старуха изъ громкаго таёнскаго рода: несмотря на шумъ и крикъ, голосъ ея всѣхъ слышнѣе, отъ ней все дѣло разгорается, отъ ней и потухаетъ.

Калюжи весьма почтительны къ людямъ престарѣлымъ, но особеннымъ уваженіемъ пользуются у нихъ старухи. Затѣвая какое-нибудь важное предпріятіе, они отнюдь не рѣшатся приступить къ нему безъ совѣта и согласія старухи.

Когда мнѣ еще мало было извѣстны обычаи этого народа, въ одно время, въ Ледяномъ проливѣ, вокругъ нашего парохода стояло множество батовъ съ дикарями, пріѣхавшими съ разной провизіей. Въ числѣ ихъ находилась пресмѣшная старуха. Увидя ее, я не могъ удержаться отъ смѣха. Она поняла, что смѣются надъ нею, ужасно взбѣсилась, стала осыпать

меня громкою бранью; прочіе дикари приняли сторону старухи и взволновались за обиду, нанесенную ихъ начальницѣ.

Видя свою ошибку, я принужденъ былъ, въ избѣжаніе дальнѣйшей ссоры, просить у старухи извиненія, позвалъ ее въ каюту и угостилъ водкой, а прочимъ дикарямъ подарилъ по листку табаку. Послѣ этого старуха, гнѣвъ которой я успѣлъ обезоружить моею лаской, а еще болѣе водкой, подружилась со мною и доставляла мнѣ разныя, довольно рѣдкія бездѣлушки. Что касается до выдѣлки послѣднихъ, то искуству дикарей надлежитъ отдать въ этомъ отношеніи должную справедливость: самымъ простымъ инструментомъ, однимъ ножемъ, вырѣзываютъ они изъ аспиднаго камня удивительныя фигуры, трубочки, чашечки и разнаго рода мелочи, очень красиво и чисто; ткутъ изъ шерсти дикихъ барановъ накидки, украшая ихъ разнообразными изображеніями и узорами, по своему вкусу, — впрочемъ, послѣдняго рода рукодѣльемъ занимаются очень рѣдкіе; дѣлаютъ изъ древеснаго корня прекрасныя *ишкаты* или корзинки, столь плотныя, что если налить въ нихъ воды, то она не встрѣтитъ ни малѣйшей скважинки, сквозь которую могла бы проступить наружу; изъ того же древеснаго корня плетутъ

цырелы, похожія на рогожи, но отдѣланныя красиво, тонко и чисто. Дикари часто употребляютъ ихъ вмѣсто парусовъ на своихъ батахъ, и многіе изъ Русскихъ покупаютъ эти рогожи на постилку половъ. Время отъ времени произведенія ихъ улучшаются, и можно ожидать, что при содѣйствіи Русскихъ къ образованію этого отдаленнаго края, Калюжи мало по малу будутъ отставать отъ своихъ обычаевъ, и просвѣщаемые постепенно свѣтомъ религіи христіанской, измѣнятъ свой теперешній образъ жизни и тѣснѣе соединятся съ нами взаимными отношеніями потребностей и выгодъ.

Вотъ утѣшительный фактъ, нѣсколько оправдывающій наши надежды: съ прибытіемъ на островъ Ситху Архіепископа Иннокентія, заботливымъ внушеніемъ его многіе Калюжи стали принимать православную вѣру. Въ бытность мою въ Ново-Архангельскѣ было 40 человѣкъ Калюжъ, воспріявшихъ св. крещеніе, и еще нѣкоторые имѣли намѣреніе послѣдовать ихъ примѣру. Конечно, отъ новообращенныхъ невозможно еще требовать строгаго исполненія обязанностей христіанина; но можно надѣяться, что съ теченіемъ времени, они все болѣе и болѣе будутъ утверждаться въ истинахъ вѣры, и старанія духовныхъ нашихъ пастырей, имѣю-

щія единственною цѣлію распространеніе свѣта евангельскаго ученія въ странѣ, омраченной язычествомъ, не останутся тщетными. Давно ли тѣ, которые приняли вѣру христіанскую, были язычники; давно ли сожигали они трупы отцовъ своихъ и варварски умерщвляли своихъ единоплеменниковъ?.... Посмотрите на нихъ теперь, посмотрите на этихъ младенцевъ вѣры въ то время, когда звукъ колокола извѣститъ ихъ о начатіи божественной службы! Съ какимъ рвеніемъ спѣшатъ они въ Божій храмъ, какъ тихо, какъ смиренно стоятъ въ немъ! Они не понимаютъ еще таинственнаго смысла нашихъ церковныхъ обрядовъ, но по окончаніи божественной службы Владыко приглашаетъ ихъ къ себѣ, и чрезъ переводчика, сообразуясь въ выраженіяхъ своихъ съ ихъ понятіями, объясняетъ имъ законъ Божій.

Все это увѣряетъ насъ, что дикія Калюжскія племена выйдутъ со временемъ изъ мрака невѣжественныхъ заблужденій, въ который погружены теперь. Притомъ же, въ семинаріи, учрежденной при монастырѣ, построенномъ въ Ново-Архангельскѣ Преосвященнымъ Иннокентіемъ, учатъ мальчиковъ Калюжскому языку, и Владыко положилъ твердое намѣреніе вы-

строить въ Калюжскомъ селеніи церковь, для богослуженія на туземномъ языкѣ.

Одинъ изъ крещеныхъ Калюжъ, еще до принятія имъ святаго крещенія, будучи незначительнымъ таёномъ, всегда отличался отъ прочихъ своею скромностію, не ввязывался ни въ какія ссоры, торговался хорошо, даже много товаровъ забиралъ въ долгъ и всегда расплачивался честно и дружно.

Россійско-Американская Компанія, давно желавшая установить между Калюжами зависимое начальство, но не имѣвшая въ виду такихъ Калюжъ, которые бы могли принять на себя эту обязанность, не упустила изъ виду благопріятнаго случая привести въ исполненіе намѣреніе свое и избрала упомянутаго торговца къ принятію предполагаемой власти. Она представила правительству его всегдашнюю дружбу къ Русскимъ, честное и хорошее поведеніе, и просила сдѣлать ему отличіе, дабы показать его землякамъ, что и они удостоятся такой же чести, если будутъ вести себя также хорошо какъ и онъ. Государь Императоръ, въ примѣръ другимъ, соизволилъ пожаловать ему кафтанъ, вышитый золотомъ, саблю и треугольную съ разноцвѣтными перьями шляпу; сверхъ того, Компанія сдѣлала его главнымъ таёномъ

и выдала 10 т. руб., чтобъ онъ выстроилъ себѣ въ Калюжскомъ же селеніи небольшой домъ, накупилъ себѣ каюръ, могъ, въ случаѣ, усмирять бунтующихъ и извѣщать Русскихъ о какомъ бы то ни было враждебномъ намѣреніи своихъ земляковъ. Въ 1844 году, въ виду всѣхъ дикарей и въ присутствіи всего Ново-Архангельскаго начальства, надѣли на него этотъ Царскій подарокъ, и повели въ церковь для принятія присяги въ вѣрности возложенной на него обязанности. О, съ какою важностью, по окончаніи обряда, посмотрѣлъ онъ на своихъ собратовъ, съ какою гордостью, мысленно, онъ сказалъ имъ: «будьте мнѣ покорны!» съ какою завистью, молча они отвѣчали ему: «подумаемъ!»

Такимъ образомъ, Калюжи болѣе и болѣе сближаются съ Русскими. Каждый день приходятъ въ Портъ наниматься въ работу, и даже нѣкоторые изъ нихъ рѣшаются идти въ море матросами, дѣлаютъ продолжительные походы и научаются говорить по-Русски.

Между Калюжами много есть дѣтей, незаконнорожденныхъ отъ Русскихъ; отцы стараются воспитывать ихъ въ христіанской вѣрѣ, запрещаютъ безобразить себя, пріучаютъ къ своему образу жизни, снабжаютъ одеждою; земляки

незаконнорожденныхъ не обижаются за это, чрезъ что между Русскими и Калюжами устанавливаются болѣе и болѣе тѣсныя соотношенія, и можно быть увѣрену, что съ теченіемъ времени и съ распространеніемъ вліянія Русскихъ, Калюжскія племена переобразуются во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ 1838 году, Англичане, по договору съ Россійско-Американской Компаніей, заняли на десять лѣтъ нѣкоторыя мѣста, принадлежащія Русскимъ колоніямъ и заселенныя Калюжами, съ тѣмъ чтобъ заплатить за это аренду и производить торговлю съ дикими, которые по условленному раздѣлу будутъ находиться на земляхъ, взятыхъ ими въ арендное содержаніе.

Англичане надѣялись получить чрезъ то значительныя выгоды; но грубое и неуважительное обращеніе послужило большимъ препятствіемъ успѣхамъ торговли ихъ съ Калюжами, которые до-того честолюбивы, что за малѣйшее оскорбленіе мстятъ смертію даже лучшему своему пріятелю. Англичане, заключивъ упомянутый договоръ съ Компаніей, ошиблись въ своемъ расчетѣ. Причиною тому было и давнее пребываніе Русскихъ на островѣ Ситхѣ и ихъ болѣе дружескія сношенія съ дикими. Калюжи

нѣсколько лѣтъ живутъ съ Русскими, Русскіе умѣли пріучить ихъ къ себѣ ласковымъ и снисходительнымъ обхожденіемъ. Но Англичане народъ малоизвѣстный для Калюжъ; они знали про нихъ только то, что Англичане во времена Баранова хаживали судами въ Калюжскіе проливы, брали на свои корабли по-нѣскольку человѣкъ дикихъ и увозили въ дальніе проливы для ловли пушныхъ звѣрей; обходились съ ними самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, даже случалось иногда, что по окончаніи плаванія высаживали дикихъ на необитаемые острова и бросали ихъ тамъ на произволъ судьбы.

Всѣ эти поступки не изгладились еще изъ памяти дикихъ, которые и до сихъ поръ видятъ въ Англичанахъ враговъ своихъ.

Первоначально Англичане поселились въ Стахинѣ, гдѣ Русскими устроенъ редутъ во имя Св. Діонисія. До заключенія условія съ Англичанами редутъ этотъ принадлежалъ намъ. Когда мы стали выбираться изъ него въ Ситху, чтобъ очистить мѣсто наемщикамъ, Стахинскіе Калюжи съ неудовольствіемъ смотрѣли на это перемѣщеніе и очень жалѣли, что должны разстаться съ Русскими, съ которыми жили уже нѣсколько лѣтъ въ мирѣ и согласіи. Не пони-

мая причины этого перемѣщенія и думая, что Англичане насильственно вытѣсняютъ Русскихъ, они очень непріязненно встрѣтили новыхъ жильцовъ: злобными кучами бросились они къ жолобу, который былъ устроенъ Русскими для провода воды и начали ломать его, приговаривая: «не доставайся же врагамъ Русская работа.» Нѣсколько разъ Стахинскіе Калюжи покушались сжечь всю крѣпость, въ которой поселились Англичане; но тщательные и строгіе караулы не допустили дикарей къ совершенію этого гибельнаго замысла.

Англичане находились въ это время въ такомъ же положеніи въ отношеніи къ дикимъ, какъ нѣкогда Русскіе во времена Баранова. Однако потребность въ товарахъ, которые сдѣлались почти необходимыми къ домашнему быту дикихъ, заставила послѣднихъ постепенно сближаться съ Англичанами и производить съ ними торговлю пушными товарами. — Теперь скоро кончится срокъ договору, заключенному съ Англичанами Россійско-Американскою Компаніею, и вѣроятно, ко всеобщему удовольствію Стахинскихъ Калюжъ, Русскіе снова сдѣлаются полновластными хозяевами въ Стахинѣ.

АЛЕУТЫ.

Перейдемъ къ другому народу — Алеутамъ, и въ краткихъ очеркахъ опишемъ ихъ обычаи и образъ жизни, какъ самимъ намъ лично приходилось это видѣть.

Алеуты занимаютъ гораздо большее пространство земли по сравненію съ занимаемымъ Калюжами и живутъ по островамъ, начиная отъ сѣверо-западныхъ береговъ Америки и до Камчатки.

Всѣ они находятся подъ покровительствомъ Россійско-Американской Компаніи, которою во многихъ изъ ихъ селеній учреждены конторы.

Въ прежніе годы до основанія Ново-Архангельскаго Порта, когда еще существовали частныя компаніи Рязанова и Шелехова, Алеуты не знали надъ собой никакой власти, нападали на приходящія къ нимъ суда, грабили, рѣзали и жгли все, чтобъ не оставить признаковъ своего варварства, въ-случаѣ прихода новыхъ судовъ.

По прибытіи Баранова на островъ Кадьякъ, Алеуты увидѣли, что насталъ конецъ ихъ грабежамъ и разбоямъ. Баранову извѣстны были эти звѣроподобные народы, и онъ силою оружія покорилъ ихъ своей власти. Горе было

тѣмъ, которые сопротивлялись ему: онъ губилъ ихъ нещадно, развозилъ на пустынные острова, отнималъ всѣ средства къ взаимному сближенію, и перемѣшивалъ ихъ племена, чтобъ между ними не могъ составиться какой-либо злобный заговоръ противу Русскихъ. Онъ страшенъ былъ дикарямъ; они считали его грозою небесною и, не имѣя возможности противиться ему, принуждены были сдѣлаться его рабами и забыть прежнюю вольность, которой въ недавнее еще время пользовались такъ необузданно. Усмиривъ дикарей, Барановъ сдѣлался ихъ добрымъ начальникомъ.

Алеуты по большей части средняго роста, не безобразятъ себя такъ какъ Калюжи, кромѣ того что прокалываютъ въ ноздряхъ одну дырочку, въ которую вставляютъ иногда во время игръ *цукли* (длинныя, круглыя, пустыя внутри раковинки, похожія на трубочки, слегка согнутыя дугой). Алеуты, какъ мужскаго, такъ и женскаго пола, постоянно носятъ *парки*—одежду, сшитую на-манеръ женскаго платья, по большей части изъ евражекъ и тарабагановъ. Они говорятъ не всѣ однимъ языкомъ; такъ напримѣръ Кадьякскіе и Ахтинскіе Алеуты не понимаютъ другъ друга.

Большая половина Алеутовъ, принявъ св. крещеніе, ходятъ въ церковь или въ часовни, устроенныя при Русскихъ заселеніяхъ; къ тѣмъ же, которые живутъ при одиночкахъ, ѣздитъ каждый годъ священникъ, для причащенія какъ ихъ, такъ и находящихся тамъ Русскихъ. Непринявшіе христіанской вѣры придерживаются шаманства.

Компанія устроиваетъ для Алеутовъ *кажимы* — это не что иное, какъ длинное деревянное строеніе, похожее нѣсколько на сарай, обсыпанное землею, а иногда обложенное дерномъ и имѣющее небольшія окошечки; нѣкоторые же изъ нихъ живутъ, или лучше сказать, водятся въ отдѣльныхъ землянкахъ. Человѣкъ съ тонкимъ обоняніемъ и не входи въ жилище къ Алеуту: тамъ въ высшей степени неопрятность и нестерпимая вонь отъ разныхъ морскихъ животныхъ, которыхъ Алеуты употребляютъ въ пищу, — а еще болѣе отъ того, что они выдѣлываютъ тамъ промысловыя шкуры и лавтаки для байдарокъ, и очищаютъ кишки для шитья *камлеекъ* (одежда на-манеръ рубашки, съ капюшономъ, надѣваемая во время дождя и при отправкѣ въ море, для предохраненія отъ сырости и мокроты); и все это сушится, прѣетъ и производитъ несносный за-

пахъ, такъ что ежели войти туда Русскому человѣку, то онъ никакъ не въ состояніи пробыть тамъ долгое время отъ ядовитаго духа, который почти выѣдаетъ глаза. Алеуты могли бы избавиться отъ этого аромата, но они привыкли къ нему и спокойно засыпаютъ въ своей душной атмосферѣ.

Россійско-Американская Компанія нанимаетъ Алеутовъ въ разныя работы, посылаетъ матросами во многіе дальніе походы, составляетъ изъ нихъ партіи для морскихъ промысловъ, снабжаетъ всѣмъ нужнымъ для лова, и сверхъ того платитъ за все добытое ими по таксѣ. За шкуру большаго морскаго бобра платятъ 50 руб., средняго—30, а за кошлаки 15 руб.

Компанія обыкновенно назначаетъ мѣсто, гдѣ должно производить ловъ, посылаетъ при партіи Алеутовъ одного изъ ихъ таёнокъ, которымъ они повинуются, и еще кого-нибудь изъ Русскихъ для распоряженій.

Мнѣ случилось однажды быть при ихъ партіи, составленной изъ Алеутовъ и Чугачъ, которые живутъ въ Нучикѣ. Мы отправились судномъ къ Якутамъ для ловли морскихъ бобровъ; въ этомъ же мѣстѣ живутъ Калюжи, непримиримые враги Чугачъ, къ которымъ питаютъ неприязнь еще съ давнихъ поръ. По при-

ходѣ нашемъ туда, Калюжи завели съ нами споръ, зачѣмъ мы пришли ловить ихъ бобровъ, и грозили нападеніемъ на Алеутовъ, если они выѣдутъ въ море на промыслы. Однако мы вскорѣ прекратили эту ссору, угостивъ Калюжъ и подаривъ главнымъ ихъ таёнамъ по одѣялу. — Мы сказали имъ, что Кадьякскіе наши бобры зашли къ нимъ въ проливы, и что мы хотимъ въ наказаніе за это перебить своихъ бобровъ, а Калюжскихъ трогать не станемъ. Дикари повѣрили нашимъ словамъ и безпрепятственно позволили Алеутамъ перебраться съ судна на берегъ. Послѣдніе раскинули тамъ свои палатки, къ которымъ были приставлены Русскіе часовые, для предохраненія Алеутовъ отъ нападенія Калюжъ.

На другой день нашего прибытія Алеуты не выѣзжали на промыслъ, по причинѣ вѣтреной погоды, въ которую они никогда не отправляются на ловлю бобровъ, потому что въ это время никогда невозможно замѣтить звѣря въ волнахъ. На третій день было ясно и тихо, и вѣтерокъ легкимъ дыханіемъ своимъ едва бороздилъ зеркальную поверхность водъ. Алеуты пустились въ море на 30 байдаркахъ.

Байдарка есть остроконечная кожаная лодка, сдѣланная изъ переплетеныхъ довольно крѣпко

дранокъ и обтянутая снизу и сверху сіучьимъ лавтакомъ, который вымазанъ жиромъ. Съ виду походитъ она на продолговатый надутый пузырь. На верху байдарки сдѣланы одинъ, два или три круглые люка. Самая большая байдарка въ три люка бываетъ въ 5 арш. длиною и въ $^3/_4$ арш. шириною, легка и быстра на ходу, но ужасно вертка. Алеуты привыкли къ этимъ лодкамъ, смѣло садятся въ нихъ, надѣваютъ камлейки, затягиваютъ ими люки, чтобъ въ байдарку не могла проникнуть вода, и пускаются далеко отъ береговъ въ море. Сидя въ байдаркахъ, Алеуты не страшатся бури; гигантскія волны океана для нихъ нипочемъ, они носятся по нимъ какъ птицы морскія. Байдарка то подымается на вершины волнъ, то вдругъ сбрасывается въ промежутки, образуемые ими; иногда набѣжавшая громадная волна совершенно покрываетъ ее собою, думаешь, что она потонула, но байдарка опять появляется на поверхости водъ, съ своими отважными и ловкими пловцами, которые беззаботно продолжаютъ путь.

На верхней части байдарки прикрѣпляются всѣ принадлежности, необходимыя для ловли. Алеуты не стрѣляютъ ружьями бобровъ или другихъ какихъ-либо звѣрей, собственно для

того, чтобъ не испугать звѣря ружейнымъ гуломъ.

Главное оружіе составляютъ у нихъ стрѣлы, которыми бьютъ они чрезвычайно вѣрно и никогда почти не даютъ промаха. Увидѣвъ на морѣ бобра, они быстро бросаются къ нему, окружаютъ его байдарками и начинаютъ пускать въ него стрѣлы; они ни за что не позволяютъ ему выплывать изъ круга, образуемаго байдарками. Бобръ ныряетъ, но, не будучи въ состояніи долго пробыть подъ водою безъ воздуха, безпрестанно выставляетъ свою голову и кричитъ какъ ребенокъ. Алеуты гоняютъ его до тѣхъ поръ, пока онъ совершенно выбьется изъ силъ отъ истекшей крови; тогда онъ оборачивается на спину и показывается почти весь на водѣ. Въ это время подплываютъ къ нему Алеуты, берутъ его на байдарку и разсматриваютъ самымъ внимательнымъ образомъ, кому онъ принадлежитъ.

Стрѣлки, употребляемыя Алеутами при ловлѣ бобровъ, сдѣланы изъ кости и имѣютъ на одной сторонѣ зубчики, для того, чтобъ стрѣлка не выходила изъ бобра, какъ онъ нырнетъ въ воду. Стрѣлка, имѣющая въ длину обыкновенно 1½ верш., насаживается на ровную палочку, которая, будучи кинута въ бобра, всплы-

ваетъ на поверхность, между тѣмъ какъ наконечникъ ея остается въ животномъ. Алеуты непремѣнно берутъ каждый свою палочку, по замѣткамъ, которыя дѣлаютъ они, кому какія вздумается, какъ на ней, такъ и на оконечникѣ. Случается, что бобру наносятъ иногда ранъ до десяти и болѣе. Поэтому у Алеутовъ дѣлается общій постоянный договоръ, состоящій въ томъ, кто въ какое мѣсто попадетъ и чья стрѣлка глубже сидитъ. Если при осмотрѣ вздумается кому нибудь сплутовать и сказать, что такая-то чужая стрѣлка принадлежитъ ему, тогда сличаютъ обѣ замѣтки, какъ на оконечникѣ, такъ и на палочкѣ, и ложь тотчасъ же обнаруживается. Когда находятъ стрѣлки въ дозволенныхъ мѣстахъ, иногда по двѣ или по три, то смотря по тому, чья стрѣлка глубже и къ какой сторонѣ ближе, тотъ и пользуется бобромъ.

Алеуты употребляютъ въ пищу бобровое мясо, но весьма рѣдко, и тогда только, когда у нихъ другаго нѣтъ. Обыкновенная пища ихъ состоитъ въ китовинѣ, сивучинѣ, нерпахъ и сушеной рыбѣ. Тѣ, которые служатъ Компаніи, получаютъ по пуду муки въ мѣсяцъ. Но самое лучшее и любимое ихъ кушанье — это китовина. У Алеутовъ тотъ день почитается

праздничнымъ, когда они найдутъ гдѣ-нибудь кита, выкинутаго морскими волнами на берегъ. Первые, нашедшіе этотъ кладъ, не говоря о томъ никому, запасаются сначала на будущее время и наѣдаются до-упаду, потомъ объявляютъ о своей находкѣ землякамъ и тѣ, какъ касатки, нападаютъ на мертваго великана и оставляютъ отъ него однѣ только кости.

Алеуты часто стрѣляютъ въ китовъ аспидными стрѣлками, которыя, глубоко уходя въ мясо, дѣлаютъ рану; соленая морская вода постепенно разъѣдаетъ ее; китъ мало-по-малу обезсиливаетъ и дня черезъ три умираетъ; волною выбрасываетъ его на берегъ, и тутъ начинается у Алеутовъ пиръ-горой.

Во время моего путешествія мнѣ случалось встрѣчать много дикихъ и полудикихъ племенъ, но я не видывалъ народа лѣнивѣе Алеутовъ, живущихъ въ отдаленіи отъ Кадьякскаго заселенія. Съ какою неохотою, для собственной же своей выгоды, отправляются они въ партію, когда посылаетъ ихъ Компанія! Алеутъ непремѣнно умретъ съ-голоду, если кто-нибудь не пошлетъ его на добычу. Онъ пролежитъ три дня безъ пищи, лишь была бы вода, которую онъ пьетъ безпрестанно, и для забавы будетъ колотить въ

бубенъ, да напѣвать шаманскія пѣсни. Многіе изъ Алеутовъ и понынѣ еще придерживаются шаманству и разнымъ предразсудкамъ; такъ, напримѣръ, промышленники морскаго промысла тайно раскапываютъ покойниковъ, достаютъ черепъ и кладутъ его въ носъ своей байдарки, въ той увѣренности, что съ этимъ талисманомъ ловъ морскихъ звѣрей будетъ для нихъ удачнѣе и они не погибнутъ въ морѣ. Впрочемъ можно надѣяться, что Алеуты скоро отстанутъ отъ шаманства, отъ суевѣрныхъ своихъ обрядовъ и предразсудковъ. Вотъ уже большая половина изъ нихъ, принявъ св. крещеніе, оставляютъ прежнія заблужденія и отдаютъ дѣтей своихъ для обученія въ школы, устроенныя въ Кадьякѣ, Ситхѣ и Уналашкѣ. Воспитанники выходятъ изъ школъ съ хорошими понятіями, поступаютъ въ разныя должности и смѣются надъ невѣжествомъ и суевѣрными обычаями своихъ же земляковъ.

Преосвященный Иннокентій послалъ въ Кадьякъ одного изъ студентовъ духовной семинаріи, для того, чтобъ онъ выучился Алеутскому языку и составилъ Алеутскую азбуку. Студентъ употребилъ на это пять лѣтъ и успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Въ 1846 году назначено было печатать Алеутскія книги и разсылать

потомъ по колоніямъ. Евангеліе уже переведено на Алеутскій языкъ Преосвященнымъ Иннокентіемъ, въ то время, когда еще онъ былъ священникомъ, и теперь читается иногда въ колоніальныхъ церквахъ.

Алеуты всегда со вниманіемъ слушаютъ чтеніе Евангелія и ревностно исполняютъ Законъ Божій, особливо Уналашкіе Алеуты. Какъ они почтительны къ христіанской религіи, сколько дѣлаютъ пожертвованій въ Уналашскую церковь лучшими пушными товарами, какъ богобоязливы и смиренны во время совершенія божественной службы! Это самые набожные и трудолюбивые Алеуты изъ всѣхъ своихъ единоплеменниковъ.

Уналашкіе Алеуты выдѣлываютъ очень искусно изъ моржеваго зуба рѣзныя вещи, ткутъ изъ особенной травы узорчатыя ткани, вышиваютъ камлейки, дѣлаютъ изъ дерева превосходныя шкатулки, которыя чистотою отдѣлки не уступаютъ Американскимъ, и вообще очень добры и уважительны къ Русскимъ. Они чрезвычайно искусно выткали изъ тонкихъ древесныхъ корней и различныхъ травъ орлицы, служащія для подножія во время отправленія божественой службы Архіереемъ и принесли ихъ въ даръ Прео-

священному Иннокентію, который переслалъ эту рѣдкость къ Московскому Митрополиту Филарету. Надобно замѣтить, что эти орлицы или подножія были вытканы, или лучше сказать сплетены руками; поэтому можно судить, какъ много обѣщаютъ они въ будущемъ....

ВОСТОЧНЫЙ ОКЕАНЪ.

Какъ неожиданна была моя радость, когда извѣстили насъ, что корабль отправляется въ Калифорнію, въ ту страну, про которую мнѣ разсказывали такъ много прекраснаго и которая, на угрюмомъ островѣ Ситхѣ, заселенномъ грубыми, невѣжественными народами, представлялась моему воображенію земнымъ раемъ.

Насталъ день, въ который надлежало намъ выйдти въ море. Радость была написана на лицѣ каждаго. Какъ дружно и успѣшно шла на кораблѣ работа! Каждый матросъ утѣшалъ

себя мыслію, что вознаградитъ труды свои въ первомъ шинкѣ Калифорніи.

Команда корабля состояла изъ 25 человѣкъ военныхъ матросовъ и еще изъ 5 служителей Россійско-Американской Компаніи, всего изъ 30 человѣкъ. Отдали паруса, сдѣлали Ново-Архангельской крѣпости семивыстрѣльный салютъ и подъ вымпеломъ, съ полнымъ вѣтромъ, корабль нашъ понесся къ югу. Вечеромъ съ кормы корабля, мы простились взорами съ нашимъ прежнимъ, печальнымъ жилищемъ, которое рисовалось вдали черною полосою. Тамъ было темно, и грозныя тучи носились надъ оставленнымъ нами островомъ.

— Вѣдь занесло же въ такую даль этихъ проклятыхъ бобровъ, сказалъ одинъ матросъ, смотря на виднѣвшуюся вдали землю, — экая поганая сторона какая, и шинка не заведутъ.— Да, отвѣчалъ другой, вспомнишь батюшку Баранова; бывало, вынесетъ котлы, крикнетъ: пей ребята, а самъ затянетъ пѣсню; такъ иной нарѣжется, что и глаза въ земь. А нынче, вишь, какія времена, урвешь, гдѣ попадется, только что поразгуляешься, анъ и въ казаматъ.

— Вишь, говорятъ, въ этихъ сторонахъ подписываютъ всѣхъ въ какое-то трезвое общество.

— Да чтожъ это за трезвое такое общество?

— И самъ не знаю; говорятъ, вишь, сехта.

— Сехта?... мудрено что-то...

— Давно бы вышелъ я отсюда, да съ чѣмъ пойдешь?

— Кабы я былъ дилéхтуръ, подхватилъ матросъ изъ стоявшей кучки, велѣлъ бы всѣмъ, при выѣздѣ, давать по бобру.

— По бобру, хорошо бы; поживиться-то нельзя: сунься-ка, заведи-ка шкуру, такъ и свою отдашь. Вонъ ужъ не намъ чета, пріѣзжалъ Нѣмецъ мухоловъ *, хотѣлъ-было провезти отсюда воротничекъ, да подходя къ Охотску и бросилъ въ море; струсилъ обыска...

— Эге! а вотъ Мишка-то Хомякъ удралъ какую штуку, когда выходилъ на матерую.... провезъ 5 фунтовъ бобровой струи, ей-Богу! взялъ сахарную голову, выдолбилъ ее и напихалъ со свинцомъ бобровой струи; а донышко вставилъ опять сахарное и завязалъ въ бумагу попрежнему, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

— Э, да это былъ голова съ покойникомъ Ѳедькой. Они что, бывало, дѣлывали, когда я съ ними ходилъ въ Охотскъ!... Ты самъ знаешь,

* Натуралистъ.

какъ трудно во время стоянки въ Охотской рѣкѣ провезти съ берега водку, — а у нихъ она всегда водилась. Постой, думаю, узнаю какъ же это Ѳедька съ Хомякомъ провозятъ водку? — Давай присматривать. Вотъ, смотрю: Хомякъ зашевелился ночью, вылѣзъ изъ койки, полѣзъ на палубу. Я крадусь за нимъ. Онъ спустился на гальюнъ, я подкрался къ борту, и смотрю въ щелочку, что будетъ. Гляжу, Хомякъ тащитъ изъ воды какую-то длинную веревку; вдругъ на ней показалася привязанная за горлышко бутылка; Хомякъ проворно ототкнулъ ее, перелилъ изъ ней въ пузырь, который принесъ съ собою, и опять опустилъ бутылку въ воду. А, пріятель, постой, знаю теперь!... Только онъ полѣзъ назадъ, я цапъ за воротъ... А онъ толкнулъ меня, молчи, говоритъ, вишь часовой подходитъ, завтра все разскажу. Поутру съѣхали мы съ судна на работу и пошли съ Хомякомъ по берегу; прочіе рабочіе пошли впереди. Ѳедька, чтобъ отманить ихъ подальше отъ мѣста, кувыркается передъ ними; а Хомякъ пріостановилъ меня да и показываетъ веревку, привязанную за камешекъ. — Видишь, говоритъ, къ этой веревкѣ посерединѣ привязана бутылка; находится одинъ конецъ на судиѣ, привязанъ за ватерштакъ, а

другой вотъ здѣсь. Какъ нужно привезти водки, нальешь въ бутылку, привяжешь на середину веревки, да и тяни съ гальюна. Вотъ съ этой поры, мы съ Хомякомъ во всю стоянку такъ позагуляли, что я тебѣ скажу!... Спасибо, еще командиръ былъ хорошій, по выходѣ въ море приказалъ прикащику выдать въ счетъ жалованья, — а поди-ка, сдѣлай это у другаго, такъ бы не то было.

— То-то вотъ оно и есть: нашего брата стоитъ поколотить; пропьется до нитки, какъ Грекъ, да и еще жалуется, что ничего не выслужишь.

— Водку пить! — крикнулъ боцманъ.

Это магическое слово доносится до слуха матроса на самой вершинѣ мачты, въ шумную бурю; оно пробуждаетъ его и изъ глубокаго сна и никогда не повторяется дважды; въ одну минуту толпа собирается вокругъ ендовы и каждый съ нетерпѣніемъ ждетъ своей очереди.

Наступилъ вечеръ; погода была прекрасная, вѣтеръ былъ ровный, попутный, луна съ безоблачнаго неба отражала томный ликъ свой въ трепетныхъ волнахъ, и громкія пѣсни матросовъ

росовъ, смѣшиваясь съ глухимъ шумомъ моря, каждому напоминали его родину; далеко уносились мечты мои и я незамѣтно уснулъ на палубѣ.

Къ утру корабль нашъ находился уже во 160 миляхъ отъ острова Ситхи и мы съ каждымъ днемъ приближались къ Калифорніи. Воздухъ становился теплѣе и благорастворениѣе. — На четырнадцатый день нашего плаванія штурманъ доложилъ при рапортѣ командиру, что умеръ матросъ.

Покойника зашили въ парусину, привязали къ ногамъ два пушечныя ядра и потащили за бортъ.

— Что, братъ, надоѣли сухари-то, — сказалъ одинъ матросъ, сидѣвшій верхомъ на бортѣ, чтобъ принять покойника; — экъ какъ отъѣлся; пуда четыре будетъ. Ну, прощайся съ бѣлымъ свѣтомъ. Ухъ, какъ бойко полетѣлъ къ Лептуну-то * въ гости, знать, водку почуялъ.

— Придетъ время, и мы, братъ, полетимъ туда же.

---

* Такъ матросы называютъ Нептуна. Когда корабль вступаетъ подъ экваторъ, тогда матросы даютъ представленіе въ честь этого миѳологическаго божества.

— Чтожъ дѣлать!.... за-то просторъ.... Фу, батюшки, какой валитъ туманъ; вѣрно Ишпанія близко; у ея береговъ всегда туманъ стоитъ стѣною.

Дѣйствительно, мы находились въ 80 миляхъ отъ Санто-Францизко, самаго сѣвернаго заселенія Испанцевъ въ Новой Калифорніи; но не видавъ береговъ, по причинѣ закрывавшаго ихъ непроницаемаго тумана, мы не смѣли идти въ гавань по одному счисленію; ктому же опасались сильнаго теченія воды у этихъ береговъ, могущаго увлечь судно въ такой заливъ, изъ котораго трудно выйдти. Не имѣя даже полуденной обсерваціи, мы, къ нетерпѣнію нашему, принуждены были лавировать цѣлую недѣлю въ густомъ туманѣ.

Наконецъ съ правой стороны открылись Ферлонскіе камни и опять закрылись туманомъ, но мы таки-успѣли ихъ взять на пеленги и опредѣлить мѣсто, гдѣ находится гавань. — Мы рѣшились пробраться въ нее; убрали лишніе паруса и болѣе 6-ти часовъ находились въ самомъ критическомъ положеніи; слышали, какъ шумѣлъ бурунъ, ударявшійся объ скалы каменистаго берега, но берегъ былъ невидимъ для насъ. Смѣлость и опытность командира ручались намъ за успѣхъ начатаго дѣла; онъ при-

казалъ изготовить на всякій случай якорь, смѣрить глубину и слушать, въ какой сторонѣ сильнѣе бьетъ волна. Вдругъ открылась передъ нами обширная гавань, со множествомъ судовъ разныхъ націй. Съ врожденною отважностью Русскихъ, въ виду всѣхъ иностранцевъ, мы подъ двумя парусами отъ свѣжаго вѣтра пошли прямо срединою пролива въ длинную бухту Санто-Франциско, оставивъ за собою зыбкую стѣну тумана, сдѣлали между судами поворотъ и стали на якорь.

— Ай да молодцы Русскіе!.... кричалъ кто-то съ Американскаго брига.

Въ гавани было ясно, но солнышко склонялось уже къ закату и слабыми лучами своими освѣщало на правомъ берегу лавровую рощу. По всему обширному заливу разносился ароматный запахъ душистыхъ травъ и цвѣтовъ; вокругъ залива, въ живописныхъ ландшафтахъ раскиданы были, на далекое одни отъ другихъ разстояніе, помѣстья Калифорнцевъ, между которыми разстилались зеленые луга и долины съ пасущимися на нихъ овцами, коровами, лошадьми и мулами; гдѣ-то вдалекѣ кричали дикіе гуси.

На лѣвомъ берегу залива стояли красиво-выстроенные деревянные домики; изъ нихъ,

какъ замѣтилъ я въ зрительную трубку, выглядывали прекрасныя личики Испанокъ. За селеніемъ виднѣлась высокая зеленая гора съ небольшимъ кустарникомъ; по ней бѣжала дикая зебра и ловкій Испанецъ арканилъ быка.

Послѣ долгаго пребыванія на пустынномъ островѣ, въ кругу дикихъ народовъ, гдѣ все мертво, однообразно, безжизненно, какъ пріятно мнѣ было очутиться въ этой роскошной странѣ, щедро надѣленной всѣми дарами природы.

Долго любовался я берегами Калифорніи; наконецъ замѣтилъ, что изъ селенія Вербобойно, гдѣ живетъ капитанъ порта и Американскій консулъ, плыветъ небольшая шлюпка съ тремя Испанцами прямо къ нашему судну.

Мы стояли неподалеку отъ лѣваго берега близъ новой миссіи, или иначе селенія Вербобойно, которое находится въ шести верстахъ отъ Санто-Франциско; шлюпка подъѣхала къ намъ; изъ нея вышли двое мужчинъ, въ полосатыхъ сарапахъ, лаковыхъ черныхъ шляпахъ съ широкими полями, и съ пахитосами въ зубахъ; они съ важностью посмотрѣли на судно и заговорили на Испанскомъ языкѣ, котораго изъ насъ никто не понималъ, кромѣ нѣсколькихъ матросовъ, но и тѣ заняты были на за-

ливѣ нужною работою. Настало молчаніе, которое обратилось въ смѣхъ; наконецъ одинъ изъ насъ сказалъ по-Англійски: «что̀ вамъ угодно?» Они отвѣчали по-Англійски же, и мы пригласили ихъ въ каюту, къ капитану, гдѣ они старались выказать свою ловкость разными расшаркиваніями и учтивыми движеніями по своему обычаю.

Капитанъ нашъ былъ человѣкъ молодой, образованный; принялъ ихъ очень ласково и просилъ объясниться, какую они имѣютъ до насъ нужду? — «Мы таможенные чиновники, — сказалъ одинъ изъ Испанцевъ, присланы отъ капитана порта, по уложенному здѣсь правилу, освидѣтельствовать ваше судно, сколько оно имѣетъ мѣры, какіе находятся въ немъ товары, и если вы не имѣете отъ нашего губернатора, который живетъ въ Монтерео, письменнаго дозволенія на право торговли, то до его разрѣшенія не можете торговать въ здѣшнемъ мѣстѣ. Для этого одинъ изъ насъ долженъ здѣсь остаться.»

«Смѣрить судно я вамъ позволю, господа, отвѣчалъ капитанъ; товаровъ у насъ никакихъ нѣтъ, кромѣ взятыхъ для команды на походъ,— дозволенія же на право торговли отъ вашего губернатора я не имѣю оттого, что не захо-

дилъ въ Монтерео по причинѣ самой уважительной; а въ залогъ того, что мы до разрѣшенія губернатора не станемъ производить торговлю въ здѣшнемъ мѣстѣ, достаточно одного моего слова; слѣдовательно, быть вамъ здѣсь смотрителями я не позволю, потому что это будетъ оскорбленіе для нашей Русской чести.»

Испанцы, выслушавъ этотъ монологъ и не говоря ни слова, съ почтеніемъ раскланялись и уѣхали на берегъ.

На другой день командиръ и я поѣхали въ селеніе Испанцевъ для переговора съ капитаномъ порта; домъ его былъ построенъ на большомъ бугрѣ и обнесенъ палисадомъ. Подходя ближе къ капитанскому дому, мы увидѣли, что изъ него вышла очень миловидная, живая, ловкая дѣвушка, лѣтъ пятнадцати. Она встрѣтила насъ какъ будто давнишнихъ знакомыхъ, взяла командира за руку и заговорила съ нимъ по-испански. Мы не понимали Испанскаго языка, но по ея движеніямъ догадались, о чемъ шла рѣчь; шедшій за нами матросъ, знавшій по-испански, перевелъ намъ, что она зоветъ насъ въ домъ капитана, ея отца.

Мы нарочно пошли потише; намъ пріятно было смотрѣть на нашу миловидную спутницу, особенно послѣ тѣхъ страшныхъ, раскрашен-

ныхъ лицъ, которыя поминутно окружали насъ въ Ситхѣ; она замѣтила наше вниманіе, начала что-то съ улыбкою говорить по-испански и своимъ прозрачнымъ пальчикомъ грозила шедшему позади насъ матросу, чтобъ тотъ не переводилъ.

Наконецъ мы очутились у самаго порога капитанскаго дома, и взошли прямо въ большую комнату, гдѣ прежде всего взорамъ нашимъ представилась богато-убранная кровать.

Кровать составляетъ у Испанцевъ первое украшеніе въ домѣ. Въ иномъ домѣ вы не увидите далѣе пола, и встрѣтите вмѣсто него сухую глинистую землю, но за-то непремѣнно обратитъ на себя ваше вниманіе пышная кровать, съ отлично-убранными длинными подушками.

У капитана порта въ домѣ была прекрасная мебель; самъ онъ сидѣлъ на диванѣ за большимъ краснаго дерева столомъ и читалъ какую-то толстую книгу.

Когда мы вошли, онъ проворно всталъ, раскланялся съ нами и на Англійскомъ языкѣ попросилъ насъ сѣсть въ кресла, стоявшія близъ дивана, самъ же вышелъ въ противоположную комнату, похожую болѣе на бесѣдку.

Черезъ минуту онъ возвратился къ намъ съ Англійскою книгою въ рукахъ и началъ читать намъ уложеніе на право торговли въ предѣлахъ Санто-Франциско.

Мы сами очень хорошо знали, что судно не имѣетъ права входить въ Санто-Франциссскій заливъ, не заѣхавъ прежде въ Монтерео, гдѣ постоянно живетъ губернаторъ Калифорніи, и не получивъ отъ него позволенія на право торговли. Но намъ не хотѣлось идти судномъ въ Монтерей, потому что Санто-Франциско лежалъ ближе къ нашему пути; къ тому же онъ окруженъ тѣми селеніями, въ которыхъ намъ нужно было закупать для острова Ситхи пшеницу, фриголь, горохъ, кукурузу, масо, сало, монтеку (чистое сало, которое можно ѣсть съ хлѣбомъ вмѣсто масла) и проч.; сверхъ того изъ Санто-Франциско въ Монтерео можно дойдти судномъ въ одинъ день, для обратнаго же пути изъ Монтерео въ Санто-Франциско нужно употребить три недѣли, и болѣе, по причинѣ всегдашняго противнаго теченія и постоянно дующихъ противныхъ *NW* вѣтровъ.

Такимъ образомъ, чтобъ не ходить въ Монтерео, мы прибѣгнули къ хитрости: нарочно сняли гротовую брамъ-стеньгу, какъ будто ее

сломало бурей, сказали капитану порта, что не можемъ безъ починки стеньги идти въ Монтерео, и намѣрены здѣсь ее поправить, — и просили его, чтобъ онъ позволилъ съѣздить берегомъ въ Монтерео къ губернатору, для взятія тамъ позволенія на право торговли и для уплаты за якорное мѣсто пошлинъ, которыхъ съ нашего судна приходилось на Русскія деньги 1666 руб. 66 к. асс.

Причина нашего прихода была самая уважительная. Мы заплатили за якорь капитану порта; онъ же написалъ къ губернатору рапортъ, въ коемъ объявлялъ, что въ Санто-Францисскій заливъ прибыло Русское военное судно для покупки жизненныхъ припасовъ въ Россійскія колоніи, но не можетъ слѣдовать въ Монтерео безъ продолжительной значительной починки, почему, заплативъ за якорное мѣсто въ портѣ Вербобойно, проситъ позволенія на право торговли въ предѣлахъ Санто-Францисско. Пакетъ былъ посланъ съ нарочнымъ къ губернатору въ Монтерео; мы поблагодарили капитана порта за оказанную намъ доброту и поѣхали обратно на корабль.

Черезъ 2 дня мы получили отъ губернатора Калифорніи, Донъ-Кастро, разрѣшеніе, заключавшееся въ томъ, что мы можемъ дѣлать по-

купки на наличныя деньги, но сами не должны ни продавать, ни вымѣнивать никакихъ своихъ товаровъ, не заплативъ за то особой пошлины.

КАЛИФОРНІЯ.

Обратимся теперь къ странѣ, которая еще такъ мало извѣстна у насъ, но которая занимаетъ нынѣ столь важное мѣсто въ промышленномъ мірѣ. — Я говорю о Калифорніи.

Первое заселеніе, гдѣ остановился корабль нашъ, было Вербобойно. *Вербобойно*, или *Новая Миссія*, состоитъ изъ небольшихъ домиковъ, расположенныхъ, въ разныхъ направленіяхъ, при Сан-Францисскомъ заливѣ, воды котораго, во время большихъ приливовъ, подступаютъ довольно близко къ строеніямъ.

Здѣсь нѣтъ пристани и гребныя суда подходятъ всегда къ тому мѣсту, гдѣ берегъ нѣсколько круче, по сравненію съ другими берегами; однако все-таки неудобно выходить изъ

ялботовъ безъ выкидныхъ траповъ, не говоря уже о другихъ большихъ судахъ, которыя, по причинѣ встрѣчающихся тутъ отмелей, должны оставаться на довольно далекомъ разстояніи отъ берега.

Первое строеніе, которое бросилось намъ въ глаза, когда, при выходѣ на берегъ, мы поднялись на холмъ, былъ шинокъ. Содержатель его — Французъ, служившій нѣкогда въ войскахъ Наполеона. Очень не кстати онъ началъ разсказывать намъ про побѣдоносные походы свои въ Россію.

— А это что такое? — спросилъ одинъ изъ насъ, разсматривая Московскаго произведенія лубочную картинку, прилѣпленную на стѣнѣ и изображавшую, въ каррикатурномъ видѣ, выходъ Французовъ изъ Москвы. — Сослуживецъ Наполеона, украсилъ ею небольшую комнатку своего знаменитаго шинка, какъ будто въ обличеніе наклонности своей къ хвастовству. Какъ ни забавенъ былъ этотъ случай, а я унесся грустными мыслями далеко, далеко, за моря, за снѣжныя степи, въ бѣлокаменную Москву. Двадцать тысячъ верстъ отдѣляли меня отъ нея.... и гордо Русскій флагъ развѣвался у отдаленныхъ береговъ Калифорніи!

Спустившись съ холма въ небольшую лощину, мы встрѣтили другой шинокъ, гораздо обширнѣе перваго. Въ немъ хозяйствовалъ Шведъ, который, какъ самъ разсказывалъ, покинулъ свою родину отъ злой жены. Теперь онъ доволенъ своей судьбой, дѣла его въ цвѣтущемъ состояніи, звонъ стакановъ и рюмокъ не умолкаетъ съ утра до глубокой ночи. Избравъ мѣстомъ пребыванія эту ложбину, какъ будто для того, чтобъ и здѣсь не возмутила его спокойствія докучливая подруга его жизни, — Шведъ имѣлъ въ виду свою цѣль, состоявшую собственно въ томъ, чтобъ имѣть возможность къ званію шинкаря присоединить и занятіе контрабандиста, потому что матросы, съѣзжающіе съ судовъ на берегъ, первымъ долгомъ поставляютъ посѣтить шинокъ, и именно этотъ самый, какъ скрытый отъ взоровъ судоваго начальства и предоставляющій имъ полную свободу — производить продажу товаровъ, привозимыхъ ими съ своихъ судовъ.

Черезъ небольшую луговину, по прямой линіи, отъ Шведскаго шинка, стоитъ красиво выстроенный домикъ, съ галлереею, обнесенный небольшимъ полисадникомъ. Тутъ живутъ двое товарищей, и оба Нѣмца. Они служили нѣкогда матросами на китоловномъ Американскомъ

суднѣ, но кочующая морская жизнь, слишкомъ тревожная для осѣдлыхъ ихъ наклонностей надоѣла имъ, и они рѣшились навсегда поселиться въ Калифорніи, женились на Испанкахъ, наплодили дѣтей, развели утокъ, куръ, гусей и живутъ въ полномъ довольствіи. Избравъ самое выгодное въ той сторонѣ мастерство, именно портное, они сдѣлались извѣстными во всѣхъ окружныхъ помѣстьяхъ, а такъ какъ ихъ только двое и есть посреди довольно большаго количества жителей, то Нѣмцы наши завалены работою по-горло и берутъ за нее цѣну очень значительную. Такъ напр. за шитье брюкъ на Испанскій фасонъ, надо заплатить имъ 10 піастровъ, не говоря уже объ сукнѣ, которое тамъ въ большой цѣнѣ. — Я однажды видѣлъ, и именно въ шинкѣ у Шведа, какъ одинъ матросъ продалъ ярдъ темносиняго сукна по 5 піастровъ; сукно было довольно грубо, и у насъ стоило бы не болѣе 6 руб. асс. за аршинъ. Такое повышеніе цѣны ни мало не покажется удивительнымъ, судя по тому, какъ бѣдна Калифорнія мануфактурными произведеніями.

Неподалеку отъ домика портныхъ строится мельница однимъ переселенцемъ Англичаниномъ. Онъ избралъ предметъ промышлености, самый выгодный въ тѣхъ странахъ, потому что

у Калифорнцевъ нѣтъ ни водяныхъ, ни вѣтреныхъ мельницъ съ большими жерновами. У нѣкоторыхъ, и то весьма у немногихъ, имѣются небольшія ручныя мельницы; по большей же части, жители Калифорніи трутъ муку посредствомъ двухъ плоскихъ камней. Представьте же себѣ, много ли можетъ натереть муки въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ одинъ человѣкъ? — не больше, сколько нужно на одинъ присѣстъ одному Русскому Коломенскому извощику. По этой причинѣ въ Калифорніи, при почти баснословномъ произрастаніи пшеницы, мукà дорога. Тамъ булка, величиною въ половину нашего французскаго хлѣба, стоитъ 1 реалъ, то есть, на піастръ даютъ 8 булокъ, и то съ трудомъ вы можете раздобыться этимъ продуктомъ.

Здѣсь нельзя не упомянуть еще про одного Американца. Онъ пришелъ въ Калифорнію съ 5 піастрами, былъ простымъ работникомъ, теперь же имѣетъ богатый магазинъ, наполненный разными товарами, по-крайней-мѣрѣ на 20 т. піастровъ, покупаетъ контрабандный грузъ съ приходящихъ судовъ, входитъ въ разныя политическія сужденія, и въ недавнее время получилъ титулъ Американскаго консула!

Мнѣ случилось однажды имѣть съ нимъ небольшое дѣло. Я продалъ ему 50 ар. фламскаго бѣлаго полотна за 20 піастровъ, 2 пуда листоваго Виргинскаго табаку за 40 піастр., и 5 паръ выростковыхъ сапоговъ за 25 піастр.

Кстати объ табакѣ и кожахъ.

Курительный табакъ въ Калифорніи въ такомъ же употребленіи, какъ у насъ чай. — Отъ малаго и до большаго, не исключая и женскаго пола, тамъ всѣ курятъ табакъ, за-то и наложена на него самая большая пошлина. Нѣкоторые изъ жителей Калифорніи старались разводить табакъ въ своихъ помѣстьяхъ; онъ росъ, но по качествамъ своимъ, вѣроятно отъ физическихъ какихъ-либо причинъ, никакъ не могъ сравниться съ табакомъ, растущимъ по восточнымъ берегамъ Сѣверной Америки.

Что касается до кожъ, то хотя онѣ, по причинѣ изобилія въ нихъ, и составляютъ главную и общую промышленость въ Калифорніи, но только въ сыромъ видѣ. Калифорнцы не имѣютъ кожевенныхъ заводовъ и не могутъ обработывать сырыя кожи въ такомъ совершенствѣ, въ какомъ обработываются онѣ у насъ, а потому кожи нашей выдѣлки въ большомъ уваженіи въ Калифорніи, особенно если изъ нихъ что-нибудь сшито, какъ напр. сапоги, башма-

ки, чепраки и т. п. Причиною тому можно почесть и недостатокъ въ сапожныхъ мастерахъ. Во время моего пребыванія въ Вербобойно, Сан-Франциско и другихъ окружныхъ мѣстахъ, мнѣ не случалось встрѣчать ни одного сапожнаго мастера, въ полномъ смыслѣ этого слова. Видалъ иногда въ нѣкоторыхъ домахъ кой-кого, занимающагося шитьемъ сапоговъ или башмаковъ, и то какъ будто для себя только, довольно непрочно, грубо, копотно; прибавьте къ тому и вѣчнаго врага всѣхъ возможныхъ на свѣтѣ занятій — лѣность.

Возлѣ магазина Американскаго консула, выстроенъ домъ красивѣе всѣхъ прочихъ. Въ немъ живетъ Англійскій консулъ, человѣкъ пунктуальный до nec plus ultra, серьёзный, гордый и ненаходящій никого себѣ равнаго во всемъ этомъ новомъ заселеніи. Позади его дома выходитъ родъ площадки. Посреднѣ ея стоятъ длинныя, низенькія, деревянныя и ни кѣмъ незанятыя казармы, а у дверей ихъ лежатъ на лафетахъ двѣ небольшія позеленѣвшія мѣдныя пушки. — Вотъ охранное мѣсто селенія Вербобойно, на которомъ никогда не встрѣтите вы ни одного солдата.

По лѣвую сторону отъ казармъ строится большой каменный торговый домъ одной Ан-

глійской компаніей. Нельзя не удивляться неусыпной и дѣятельной предпріимчивости этого народа. Англичанинъ готовъ поселиться вездѣ, гдѣ только торговая промышленость представляетъ ему выгоды. Загляните въ любой изъ лучшихъ портовъ въ цѣломъ морѣ, и вы непремѣнно встрѣтите тамъ Англичанина. Вотъ, напримѣръ, Англичане заселяются теперь въ Калифорніи. Что влечетъ ихъ сюда изъ-за далекихъ морей и странъ? Не предчувствіе ли, что Калифорнія рано или поздно сдѣлается самою цвѣтущею и богатѣйшею страною. Въ-самомъ-дѣлѣ, давно ли мѣстечко Вербобойно было безлюдною пустынею, гдѣ только бродилъ дикій скотъ, да привольно разгуливали гуси; а теперь здѣсь слишкомъ до 60 красиво-выстроенныхъ домиковъ, и заселеніе увеличивается все болѣе и болѣе, и съ каждымъ годомъ неминуемо должно расширяться, судя по теперешнему стеченію народа, который, въ надеждѣ скораго обогащенія, стремится почти со всѣхъ сторонъ Европы къ берегамъ Калифорніи. Въ бытность мою въ Вербобойно, число жителей селенія простиралось до 300 человѣкъ обоего пола, состоявшихъ по большой части изъ переселенцевъ, навсегда покинувшихъ родину и избравшихъ здѣсь каждый свою промышле-

ность, какая кому казалась прибыльнѣе и способнѣе.

Здѣсь нѣтъ ни садовъ, ни большихъ огородовъ, которые бы служили предметомъ постоянной промышлености для жителей Вербобойно. Только немногіе изъ нихъ занимаются садоводствомъ или огородничествомъ; по большой же части фрукты и огородные овощи привозятся сюда, какъ въ портовое мѣстечко, на судахъ изъ ближайшихъ помѣстьевъ.

Въ - окружности Вербобойно очень много *раньжъ*, или помѣстьевъ, изобилующихъ всѣми дарами природы. — Самая ближайшая раньжа находится въ разстояніи не болѣе полумили отъ заселенія. Въ ней живетъ семейный Испанецъ, сыроваръ, содержатель довольно большаго количества коровъ и первый поставщикъ молока, которое привозитъ въ Вербобойно для продажи стоящимъ въ гавани судамъ. Это давнишній, коренной житель Калифорніи. Помѣстье его представляетъ картину самую живописную. Посреди гладкой зеленой долины возвышается жилище хозяина; съ одной стороны оно обнесено плетнякомъ, служащимъ загономъ для лошадей, а съ другой ограничивается ого-

родомъ, на которомъ насажены арбузы, тыквы и кой-гдѣ возвышаются яблони да груши; далѣе простираются пашни, засѣянныя пшеницею, ячменемъ, кукурузою и горохомъ. И все это благоухаетъ, цвѣтетъ и зрѣетъ въ полномъ, даже можно сказать, въ баснословномъ изобиліи. Многіе ли повѣрятъ, что въ Калифорніи 1 фанега ($3^{1}/_{2}$ пуд.) пшеницы даетъ отъ 80 и до 100 фанегъ крупнаго и полнаго зерна. Но это нимало неудивительно въ Калифорніи, гдѣ человѣку нѣтъ надобности трудиться въ потѣ лица надъ удобреніемъ полей, гдѣ сама природа щедрою рукою раскрываетъ передъ нимъ всѣ сокровищницы растительнаго царства. Дожди, столь необходимые для посѣвовъ, рѣдко посѣщаютъ эту страну; за-то ихъ замѣняютъ почти каждодневныя росы, которыя бываютъ такъ сильны, что образуютъ на землѣ лужи, и если простоятъ съ четверть часа на открытомъ мѣстѣ, то можно промокнуть до костей. Съ восходомъ солнца все это исчезаетъ въ испареніяхъ, однако утренники бываютъ довольно холодны; за-то и Испанецъ, вѣрный природной своей склонности къ лѣни, до тѣхъ поръ не покажется изъ своего жилища, пока солнечные лучи не разогрѣютъ холодной атмосферы. Тогда выходитъ онъ на свои, нивы, въ

сарапѣ * и въ соломенной шляпѣ съ широкими полями; за нимъ слѣдуютъ жена и дѣти; между тѣмъ работникъ разводитъ у своей хижины огонекъ и начинаетъ заниматься приготовленіемъ завтрака, т. е. третъ кукурузу и печетъ изъ этой муки что-то въ родѣ лепешекъ, или лучше сказать, что-то похожее на наши Русскіе блины, варитъ скотское мелко изрубленное мясо въ котликѣ, кладетъ туда масла, соли и такое безмѣрное количество стручковаго перцу, что безъ привычки невозможно проглотить одного куска безъ сильной горечи. Печей вы тутъ не найдете; развѣ только встрѣтите ихъ у весьма немногихъ, — причиною тому недостатокъ кирпича въ Калифорніи, а потому жители этой благословенной страны разсудили за лучшее приготовлять пищу подъ открытымъ небомъ. Послѣ завтрака, Испанецъ беретъ любимый инструментъ обоего пола —гитару, и отправляется подъ древесную тѣнь, на зеленое бархатистое ложе, или садится

* Тканый узорчатый коверъ въ 4 арш. длиною и около 1½ арш. шириною. Посрединѣ его сдѣлана дыра, въ которую просовываютъ голову, и такимъ образомъ носятъ его вмѣсто плаща.

верхомъ на лошадь и ѣдетъ на свои пашни — посмотрѣть, какъ работаютъ наемные Индійцы. — Этотъ ловкій народъ довольствуется ниткою чернаго, бѣлаго или краснаго бисера, длиною въ сажень. Бисеръ служитъ у нихъ главнымъ украшеніемъ какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, и потому въ Калифорніи онъ находится въ значительной цѣнности. Такъ одинъ матросъ продалъ тамъ 5 ливровъ бисеру за 10 піастровъ, тогда какъ у насъ въ Россіи такое количество стоило бы не болѣе 5 руб. ас. Въ-прибавокъ къ упомянутой платѣ бисеромъ, Индійца нужно накормить еще пареной пшеницей, безъ всякихъ приправъ, не потому чтобы онъ не желалъ или бы не могъ ѣсть лучше, а потому, что Испанецъ не даетъ ему ничего другаго получше, говоря, что онъ и этого не стоитъ за свою работу. Впрочемъ, Индіецъ не требуетъ пищи болѣе вкусной, и если вздумается ему полакомиться, то постарается поймать полевую мышь, проткнетъ ее на палочку, изжаритъ на огнѣ и съѣстъ съ наслажденьемъ. Они выжигаютъ иногда большія поля для того, чтобъ удобнѣе можно было ловить полевыхъ мышей.

Есть между ними много такихъ, которые уже привыкли жить при домахъ, и исправляютъ

всѣ работы касательно домашняго быта. Калифорнцы платятъ имъ жалованье, или одѣваютъ и кормятъ ихъ приличною пищею. Если Индійцу надоѣдаетъ эта подначальственная жизнь, онъ имѣетъ право удаляться въ родныя горы, гдѣ ножъ и лукъ со стрѣлами составляютъ все его богатство. Они хорошо умѣютъ стрѣлять изъ ружей и винтовокъ, но немногіе пользуются этими оружіями, требующими дорогихъ въ той сторонѣ припасовъ, именно, свинцу и пороху. Послѣдній служитъ Индійцамъ, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, для украшенія тѣла. Они накалываютъ грудь, лице, руки и спину разными фигурами, и затираютъ порохомъ; отъ чего наколотыя фигуры получаютъ синій цвѣтъ и явственно изображаются на тѣлѣ. Это у нихъ своего рода щегольство.

Но обратимся къ нашему почтенному Испанцу; заглянемъ во внутренность его дома, посмотримъ на его семейную жизнь и познакомимся нѣсколько съ ежедневнымъ бытомъ жителей Калифорніи.

Войдя въ первую комнату его жилища, не встрѣтишь ничего любопытнаго. Сухой глинистый полъ, простой деревянный столъ, обставленный такими же скамейками, и голыя стѣны, изъ которыхъ на одной висятъ чепраки,

шпоры и вообще вся конская сбруя. Это прiемная комната для прiѣзжающихъ. Направо другая комната, такой же величины, но гораздо интереснѣе первой. Здѣсь прежде всего бросится въ глаза большая двуспальная кровать, убранная съ такою тщательностью и богатствомъ, что и любая изъ нашихъ Европейскихъ красавицъ позавидовала бы ей, — а между тѣмъ полъ такой же, какъ и въ первой комнатѣ. Въ одномъ углу стоитъ боченокъ съ ромомъ для продажи. Сундуки, разставленные вдоль стѣнъ, служатъ скамейками для посѣтителей, которыхъ собирается здѣсь иногда очень много, особенно въ праздничные дни, по прекращенiи корабельныхъ работъ. Тогда вы встрѣтите тутъ Англичанина съ серьезнымъ видомъ, съ бутылкой, Француза съ его хвастливыми фразами, и тоже съ бутылкою, и Русскаго, съ его открытой, замысловатой физiономiей, и съ двумя бутылками. Есть еще третья комната, можетъ быть, интереснѣе всѣхъ прочихъ, но входъ въ нее задернутъ занавѣскою и она доступна не для всѣхъ любопытныхъ взоровъ. Въ ней живетъ дочь почтеннаго Испанца, гостепрiимная, живая, ловкая, прелестная, и, что однакоже довольно рѣдко встрѣчается вмѣстѣ, очень умная дѣвушка.

Такимъ образомъ раньжа эта, снабженная всѣми вышеупомянутыми удобствами, привлекаетъ къ себѣ множество посѣтителей, ищущихъ развлеченія въ долинахъ Калифорніи.

Вамъ нужна верховая лошадь — заплатите піастръ, и катайтесь цѣлый день гдѣ угодно. Вы хотите рому и передъ вами тотчасъ же явится цѣлая бутылка, тоже за одинъ піастръ. Наслаждайтесь ею гдѣ вамъ только вздумается: за большимъ ли столомъ, или на вольномъ воздухѣ, подъ древесною тѣнью. Вамъ пріятно утолить жажду густымъ, ароматнымъ молокомъ — пейте за одинъ реалъ хоть до отвалу. Быть можетъ, вы любите помечтать — передъ вашими глазами и теченіе волнъ залива, и туманная даль, все, надъ чѣмъ только можетъ разыграться воображеніе мечтателя. Но вы морякъ, вы видите лишь небо, да море, да привычныя лица своихъ товарищей; вамъ желалось бы унести съ землею на влажную стихію воспоминаніе о чемъ-нибудь прекрасномъ, — ступайте, займитесь разговоромъ съ милою дочерью Испанца, и невольный вздохъ вылетитъ изъ груди вашей, когда долгъ службы опять позоветъ васъ на корабль, готовый къ отплытію отъ этого блаженнаго берега.

Однимъ словомъ, тутъ и глаза и сердце и желудокъ равно найдутъ для себя и пищу и упоеніе. — Мнѣ памятна эта раньжа еще по одному разсказу о происшествіи, котораго былъ я очевиднымъ свидѣтелемъ издали. Одинъ матросъ съ нашего корабля пришелъ къ дочери Испанца и просилъ отпустить ему молока. Онъ объяснялъ ей просьбу свою разными знаками, но та не понимала его, или, можетъ быть, для шутки притворилась, что ничего не понимаетъ. Что́ было дѣлать бѣдняку? Переводчика нѣтъ, а пріѣхать на корабль безъ молока — значило бы прогнѣвить команду. Вдругъ въ головѣ его блеснула счастливая мысль. Матросъ сталъ на четвереньки, приставилъ къ головѣ руку въ видѣ роговъ и заревѣлъ по коровьему. Испанка расхохоталась и вынесла матросу 2 бутылки молока, не взявъ съ него въ уплату денегъ.

Вѣрно, ей очень понравилась смѣтливость Русскаго. Впрочемъ, надо замѣтить, что Русскіе въ тѣхъ краяхъ пользуются особеннымъ уваженіемъ, по сравненію съ другими иностранцами, за свое ласковое обращеніе съ туземцами; имя Русскаго въ отдаленныхъ предѣлахъ Восточнаго океана служитъ эмблемою добро-

душія, привѣтливости, смѣтливости и находчивости.

По лѣвую сторону отъ описанной мною раньжи подымается по небольшой песчаной горѣ дорога въ Сан-Франциско.

Въ одно прекрасное утро я нанялъ у хозяина *раньжи* лошадь и отправился осмотрѣть Сан-Франциско, этотъ послѣдній сѣверный городокъ Калифорніи. Дорога довольно гориста и по большей части песчана; временемъ попадаются ровныя, покрытыя мелкимъ кустарникомъ пространства, по которымъ бродятъ табуны дикихъ лошадей или стада быковъ. Послѣдняго рода животныхъ здѣсь неимовѣрное множество, и они составляютъ главную промышленость Калифорнцевъ. Самый крупный быкъ или корова, величиною съ нашего вола, стоитъ здѣсь 8 піастровъ, средней величины 6 піастр. вмѣстѣ со шкурою; безъ шкуры же сбрасывается по 2 піастра. Цѣна эта постоянна, и никогда ни повышается, ни понижается.

Каждое стадо имѣетъ своего хозяина, и гдѣ бы оно ни бродило, онъ непремѣнно отыщетъ его, если понадобится ему скотъ. Ежегодно

отправляются *бокеры* * въ блуждающіе табуны и кладутъ мѣтки на вновь родившихся телятъ выжиганіемъ клейма, разрѣзываніемъ ушей или подпиливаніемъ роговъ; поэтому бокеръ сразу видитъ, чья мѣтка и кому принадлежитъ скотъ.

Мнѣ не однажды случалось видѣть ловлю дикихъ быковъ смѣлыми и опытными бокерами.

Два смѣльчака, на привычныхъ коняхъ, помахивая въ воздухѣ жиловыми или волосяными арканами, стремглавъ бросаются въ рогатый табунъ. Животныя, какъ бы предчувствуя приближающуся къ нимъ смерть, озираются вокругъ испуганными взорами, испускаютъ дикій ревъ, и въ надеждѣ, спастись отъ неумолимыхъ своихъ преслѣдователей бѣгствомъ, разсыпаются въ разныя стороны. По напрасно. Бокеры еще издали выбираютъ свою жертву; въ одно мгновеніе мѣткій арканъ падаетъ на заднюю ногу животнаго, другой арканъ обхватываетъ переднюю, и животное, не имѣя болѣе

---

* *Бокерами* называются въ Калифорніи лучшіе верховые ѣздоки. Имъ поручается скотъ, и они ловятъ его арканами и приводятъ къ хозяину живьемъ или битаго, смотря по надобности.

возможности бѣжать, упадаетъ на землю всею тяжестію своей массы. (Лошади въ прямую линію растягиваютъ арканы и ни на вершокъ не трогаются съ мѣста). Бокеры завертываютъ конецъ аркана на сѣдельную луку, спрыгиваютъ на землю и преспокойно отрѣзываютъ голову разъяренному, но безсильному въ злобѣ своей дикому животному. Въ продолженіе всего этого дѣйствія, лошади стоятъ какъ вкопаныя, до тѣхъ поръ, пока не развяжутъ аркановъ.

Есть еще другой родъ ловли быковъ, и онъ показался мнѣ любопытнѣе перваго. — Здѣсь одинъ бокеръ, съ помощію ученаго быка (для этой цѣли всегда выбирается самый большой и сильный быкъ), смѣло отправляется на ловлю дикихъ. Онъ также съ однимъ арканомъ несется на быстромъ конѣ въ стадо быковъ, закидываетъ арканъ на переднюю ногу быка, даетъ разбѣжаться послѣднему, потомъ вдругъ останавливаетъ его; быкъ непремѣнно спотыкается и падаетъ. Тогда бокеръ проворно соскакиваетъ съ лошади (которая между тѣмъ не даетъ ослабнуть аркану, тянетъ его впередъ и такимъ образомъ препятствуетъ быку встать), подходитъ къ животному, также спокойно какъ и во время ловли перваго рода, связываетъ ему ноги и дѣлаетъ совершенно неподвижнымъ;

потомъ подводитъ къ дикарю ученаго быка, связываетъ ихъ вмѣстѣ рогъ съ рогомъ и наконецъ развязываетъ дикому быку ноги. Послѣдній встаетъ, и не въ силахъ будучи оторваться отъ своего товарища, поневолѣ слѣдуетъ за ученымъ быкомъ, который, по указанію бокера, исполински тащетъ обреченную жертву на мѣсто убіенія. — Ученый быкъ служитъ болѣе для перевозки мяса. Иногда случается бокеру поймать быка такъ далеко отъ селенія, что одной лошади бываетъ трудно везти цѣлую тушу, вѣсомъ пудовъ до 20; тащить же быка живьемъ на арканѣ одному весьма неудобно, потому что онъ безпрестанно будетъ путаться въ большихъ кустарникахъ. — Ученый быкъ гуляетъ иногда вмѣстѣ съ дикими быками, и они между собою не ссорятся. Завидѣвъ вдали ѣдущаго верхомъ человѣка, дикіе быки разбѣгаются, а ученый стоитъ, не трогаясь съ мѣста. Онъ знаетъ, что его не станутъ ловить для убоя. Но если быки встрѣтятъ пѣшаго человѣка, то непремѣнно забодаютъ; особливо трудно найти отъ нихъ спасеніе, попавшись имъ гдѣ-нибудь на ровномъ мѣстѣ, а потому въ Калифорніи, какъ мужчины, такъ и женщины, никогда никуда не ходятъ пѣшкомъ.

Въ Калифорніи быки употребляются также

для перевоза. У нѣкоторыхъ миссіонеровъ есть повозки, въ которыхъ перевозятъ они разные съѣстные припасы. Повозки эти скорѣе похожи на курятникъ; онѣ имѣютъ плоскую деревянную крышку, и съ задней стороны сдѣлано въ нихъ отверстіе, въ которое влѣзаютъ пассажиры; вмѣсто колесъ имъ служатъ толстые, неровно округленные обрубки, которые во время ѣзды производятъ ужасный скрипъ. Въ эту снасть запрягаютъ пару быковъ, которые тихимъ и медленнымъ шагомъ пробираются съ продуктами изъ одной миссіи въ другую.

Во время проѣзда моего изъ Вербобойно по Сан-Франциской дорогѣ, мнѣ попался навстрѣчу одинъ изъ этихъ смѣшныхъ экипажей; въ немъ однакоже не было никакихъ припасовъ, кромѣ одной очень миловидной Испанки и ея матери. Послѣдняя вязала чулокъ, а первая, казалось, о чемъ-то мечтала. Напереди сидѣлъ Испанецъ и безпрестанно погонялъ быковъ, которые чуть-чуть передвигали ноги.

Я уже находился на половинѣ дороги въ Сан-Франциско. Окруженный великолѣпною, могучею растительностью, я шагомъ поднялся на зеленую, отлогую гору, покрытую мелкимъ лѣсомъ. Вокругъ все было тихо; лишь по временамъ легкій вѣтерокъ шелестилъ листьями

деревъ, да кой-гдѣ кузнечикъ заводилъ свою однозвучную пѣсню, и опять все смолкало.

Вдругъ съ правой стороны дороги мнѣ послышался трескъ сухихъ сучьевъ и шорохъ падающихъ листьевъ. Любопытство подстрекнуло меня своротить съ дороги; я заглянулъ въ лѣсокъ.... и что же? передо мною стояла молодая Индіянка. На ней не было ни лоскутка одежды, она не тронулась съ мѣста, и съ робостью, но безъ стыда, смотрѣла прямо мнѣ въ глаза.

«Вотъ дитя природы!» подумалъ я про-себя, и подъѣхалъ къ ней ближе.

Индіаянка молчала и попрежнему стояла на одномъ мѣстѣ. Мнѣ стало ее жаль; я далъ ей платокъ; она взяла его, но ни полслова, ни поклона въ отвѣтъ. И когда, отъѣхавъ отъ нея на довольное разстояніе, я оглянулся назадъ, дикарки уже не было.

Спустясь подъ гору и миновавъ кустарники, я очутился на обширной пустой полянѣ; тутъ вздумалось мнѣ попробовать бѣгъ моего коня. Я пустилъ повода, задалъ шпоры и рѣзвый бѣгунъ понесъ меня по ровному пространству, съ быстротою стрѣлы, пущенной сильною рукою изъ туго-натянутаго лука. Не прошло и пяти минутъ, какъ она была уже позади меня,

и я находился у подошвы высокой песчаной горы. Разгоряченный конь галопомъ взбѣжалъ на ея вершину.... Тутъ я остановилъ его.... притомъ же это была послѣдняя года по дорогѣ въ Сан-Франциско. — Съ высоты ея представлялся глазамъ весь городъ, состоящій изъ одного монастыря и не болѣе двадцати низенькихъ, обмазанныхъ бѣлою глиною домовъ, расположенныхъ въ разныхъ направленіяхъ.

При спускѣ внизъ, у подошвы горы течетъ небольшой протокъ; по другую его сторону вырытъ ровъ въ видѣ заливчика для скопленія воды. Тутъ мнѣ встрѣтились три женщины; онѣ мыли бѣлье, а неподалеку отъ нихъ мальчишка ловилъ арканомъ пѣтуха. Далѣе стоялъ длинный домъ, у дверей котораго сидѣлъ Испанецъ, съ гитарою въ рукахъ. — Увидавъ меня, онъ всталъ, поздоровался со мною пожатіемъ руки, и просилъ садиться на его мѣсто, безпрестанно повторяя по-Испански: «славный народъ Русскіе! славный народъ!» Это радушіе незнакомца чрезвычайно мнѣ понравилось.

Я вошелъ къ нему въ комнату; она была темновата, простиралась во всю длину дома, походя какъ бы на коридоръ, и освѣщалась двумя дверьми. Въ одномъ углу, по обыкновенію,

стояла кровать, задернутая шелковою занавѣскою, а на противоположной стѣнѣ висѣла бурая медвѣжина. Болѣе ничего не было видно.

— Гдѣ же ваше семейство? спросилъ я Испанца.

— У меня нѣтъ семейства.

— Чѣмъ же вы занимаетесь?

— Ничѣмъ.

— Вѣдь этакъ можно умерсть съ голоду, сеньоръ.

Онъ улыбнулся и сказалъ:

— У меня есть лошадь и крѣпкій арканъ.

Странный человѣкъ! подумалъ я, надо поподробнѣе узнать его жизнь. — Но развѣдывать объ этомъ мнѣ было теперь нѣкогда, потому что я долженъ былъ въ скоромъ времени вернуться въ обратный путь; притомъ же любопытство влекло меня далѣе, мнѣ хотѣлось повнимательнѣе осмотрѣть Сан-Франциско. И такъ, оставивъ новаго знакомца, я продолжалъ путь мой дальше.

Прямо передо мною стоялъ другой домъ, въ которомъ, повидимому, было несравненно болѣе движенія и жизни, чѣмъ въ первомъ. Неподалеку отъ него лежали на сарапахъ два Испанца (должно быть, хозяева дома). Одинъ изъ нихъ курилъ папироску; а другой игралъ на

гитарѣ. Они тоже поздоровались со мной, и предлагали лечь на разостланный сарапъ. Я поблагодарилъ ихъ и попросилъ напиться воды. Они указали мнѣ на дверь дома.

Я вошелъ въ домъ. Онъ состоялъ изъ одной комнаты съ перегородкой; полъ былъ глиняный, чисто выметенный; въ углу, по обыкновенію, красовалась кровать, убранная съ наивозможною изысканностью; вдоль стѣны стоялъ большой сундукъ; на немъ сидѣла толстая Испанка и курила папироску. Я объяснилъ ей свою жажду, и сеньора съ заботливостью исполнила мою просьбу. За эту услугу я предложилъ ей маленькую сигару, она взяла ее, поблагодарила меня, и сказала, какъ и первый мой знакомецъ:

«Русскіе славный народъ!»

При выходѣ изъ дома, я замѣтилъ изъ боковой двери дворъ, обнесенный плетнемъ. Посреди двора устроены были вѣшалки. «Вѣрно, какая-нибудь промышленость,» подумалъ я, и не ошибся. Два Индійца рѣзали скотское мясо тонкими лентами, слегка солили его и вѣшали на жердочки, приготовляя такимъ образомъ сухое мясо, которое въ Калифорніи составляетъ немаловажный предметъ торговли. Преимущественно заготовляютъ сухое мясо по миссіямъ,

гдѣ представляется болѣе удобства въ отношеніи мѣста. Въ Вербобойно и въ Сан-Франциско этою промышленостью занимаются немногіе, и то для себя.

На противоположной сторонѣ отъ описаннаго дома, черезъ небольшую площадку, стояло длинное, низкое, каменное строеніе, съ большими рамами; къ концу его пристроенъ монастырь, съ высокою колокольнею, во имя св. Франциска.

Мнѣ очерь желалось осмотрѣть внутренность монастыря, но, къ несчастію, онъ былъ запертъ, и я нашелся въ необходимости опять вернуться къ толстой сеньорѣ и узнать отъ нея, когда отпирается монастырь и кто этимъ дѣломъ завѣдываетъ.

Когда я проходилъ черезъ площадку, мнѣ попался навстрѣчу тотъ самый мальчишка, который ловилъ на арканъ пѣтуха Я обратился къ нему, въ надеждѣ, не можетъ ли онъ объяснить мнѣ того, о чемъ я хотѣлъ просить толстую сеньору, охотницу до папиросокъ. Шалунъ, дѣйствительно, проводилъ меня къ дому съ большими окнами и сказалъ, что тутъ живетъ отецъ его, занимающій должность монастырскаго сторожа, и что теперь нѣтъ его дома, потому что онъ уѣхалъ къ пастору въ

миссію. Дѣлать нечего; дай войду хоть сюда; посмотрю, какъ живетъ сторожъ. — Я отворилъ дверь и нога моя ступила на кирпичный полъ. Обширная комната очень походила на манежъ; вокругъ нея по стѣнамъ стояли длинныя скамейки, а посрединѣ одинъ столъ, поперегъ всего зданія. Все это было покрыто толстымъ слоемъ пыли. По правую сторону комнаты висѣла небольшая занавѣска, сквозь которую выглядывала человѣческая фигура, и на одномъ окнѣ лежала связка ключей, обращавшихъ на себя особенное вниманіе своею огромностью. Я взялъ ихъ въ руки и началъ вертѣть. Тутъ изъ-за занавѣски вышла ко мнѣ женщина и сказала, что это ключи отъ монастыря.

— Вы, должно быть, жена сторожа? спросилъ я ее.

— Точно такъ, — отвѣчала она.

— Гдѣ же вашъ мужъ?

— Уѣхалъ къ пастору. — Начто онъ вамъ?

— Мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть внутренность монастыря.

— Извольте, я покажу вамъ, мужъ мой, можетъ быть, долго еще не пріѣдетъ, пойдемте. Я отопру вамъ монастырскія двери.

Она взяла ключи, и мы отправились въ монастырь.

— Вы, должно быть, Русскій? — спросила она.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Славный народъ! — замѣтила супруга почтеннаго сторожа.

Подходя къ дверямъ, я замѣтилъ небольшую мѣдную пушку; она стояла на дурномъ лафетѣ и находилась въ совершенномъ небреженіи.

— Зачѣмъ стоитъ здѣсь это орудіе? спросилъ я.

— А когда пріѣзжаетъ сюда губернаторъ изъ Монтерео, отвѣчала моя проводница, такъ ему дѣлаютъ встрѣчу выстрѣломъ изъ этой пушки.

Наконецъ, желѣзная дверь заскрипѣла на петляхъ и мы вошли подъ высокіе монастырскіе своды. При входѣ, по лѣвую сторону, прежде всего бросилась въ глаза небольшая комната; въ ней стоялъ гробъ съ младенцемъ; по лѣвую было пробито въ стѣнѣ что-то въ родѣ чулана, за желѣзною рѣшеткою. Это исповѣдальница, въ которую входитъ пасторъ во время совершенія исповѣди. — Богатый алтарь составляетъ главное украшеніе монастырской церкви; живопись въ ней довольно старая; Евангелисты, стоящіе на высокихъ пьедесталахъ, отличаются отчетливою рѣзьбою; весь иконостасъ покрытъ золотомъ и серебромъ, а каѳедра для проповѣд-

никовъ обнесена вызолочеными перилами, хоры для пѣнія и музыки устроены подъ самыми сводами. — За неимѣніемъ органа, здѣсь играютъ на скрипкахъ. Венеціянскія окна, отстоящія аршинъ на шесть отъ пола, сообщаютъ мрачный видъ всему зданію, который наводитъ на душу какое-то болѣзненно-тягостное чувство.

— А что, часто бываетъ здѣсь служба? спросилъ я мою провожатую.

— Нѣтъ, только по праздникамъ, отвѣчала она.

Кромѣ этого монастыря, который одинъ только и можетъ еще привлечь къ себѣ вниманіе путешественника, я ничего не нашелъ особенно любопытнаго въ Санъ-Франциско, развѣ того только, что тамъ такое множество собакъ, что на каждаго изъ жителей непремѣнно придется по одной собакѣ, если только не по двѣ.

Неподалеку отъ монастыря, по дорогѣ въ Монтерео, я не могъ не замѣтить одного домика. Онъ былъ красивѣе прочихъ и служилъ жилищемъ одной вдовѣ, занимавшейся продажею рома и джина. Вокругъ него росли оливковыя деревья; подъ однимъ изъ нихъ сидѣла Индіянка, вѣроятно, работница хозяйки, и ощипывала перья катарнизовъ. — Это небольшія птички, дикаго цвѣта, съ червенькимъ высо-

кимъ хохолкомъ, не болѣе какъ въ три пера; онѣ имѣютъ бѣлое, вкусное и нѣсколько сладкое мясо, часто встрѣчаются въ Калифорніи и употребляются тамошними жителями въ пищу.

Сзади селенія видны были мѣстами пашни, засѣянныя пшеницею и ячменемъ, съ правой стороны разстилалась зеркальная поверхность небольшаго озера, а за нимъ раскинута была роща.

Время клонилось къ полудню, и почти у каждаго домика показался дымокъ Это было знакомъ приготовленія къ обѣду.

По Монтерейской дорогѣ скакали во весь опоръ два всадника. Когда подъѣхали они ближе къ селенію, я могъ удобно разсмотрѣть ихъ. Это были Испанскіе солдаты. Они везли извѣстіе о пріѣздѣ губернатора въ Сан-Франциско. Одежда ихъ состояла изъ темносиней суконной куртки съ красными обшлагами, и изъ брюкъ такого же цвѣта, съ красными лампасами и разрѣзами внизу. Я не говорю объ огромныхъ шпорахъ, которыя составляютъ принадлежность каждаго Испанца. Черная лаковая шляпа съ широкими полями довершала нарядъ. Длинная пика съ краснымъ флачкомъ прикрѣплена была къ ногѣ, и пара пистолетовъ виднѣлась изъ-подъ чепрака.

Жители селенія, услышавъ о пріѣздѣ губернатора Калифорніи, засуетились. Нѣкоторые изъ гражданъ обратились къ монастырской пушкѣ, и стали заряжать ее съ такою нерасторопностью и вмѣстѣ съ такимъ шумомъ, что, глядя на нихъ, я не могъ удержаться отъ смѣха. Мало-по-малу народъ скоплялся въ этомъ мѣстѣ, пушка была наготовѣ, и толпы любопытныхъ стояли въ ожиданіи своего начальника. Вотъ на концѣ поляны показалась группа верховыхъ, постепенно приближавшаяся къ Санъ-Франциско.

Раздавшійся пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ о приближеніи губернатора. Тогда можно было ясно разсмотрѣть всю эту кавалькаду, приближавшуюся легкой рысью. Она состояла человѣкъ изъ тридцати. У иныхъ изъ офицеровъ кивера походили на уланскіе, но только были гораздо неуклюжѣе, у другихъ имѣли они круглую форму, съ шишечкою наверху. Темносиніе и темнозеленые суконные мундиры, съ фалдами, отличались красными или желтыми отворотами, а брюки широкими лампасами. Свѣтлая сабля составляла все оружіе офицера.

Самъ губернаторъ, находившійся среди своей воинственной свиты, ѣхалъ въ длинномъ голубомъ бархатномъ плащѣ, съ маленькимъ тако-

того же цвѣта воротничкомъ, похожимъ на женскую пелерину и обшитымъ шелковою бахрамою; подъ плащемъ видѣнъ былъ казакинъ, или, лучше сказать, ахалукъ изъ зеленаго бархата, подпоясанный шелковымъ кушакомъ, изъ-за котораго виднѣлся красивый кинжалъ. Черная лаковая шляпа и длинные черные усы придавали лицу его воинственно-суровое выраженіе.

Это былъ донъ-Кастро, губернаторъ Калифорніи.

Увидавъ меня, стоявшаго верхомъ посреди зѣвающей толпы, онъ спросилъ, кто я.

«Русскій, съ корабля Наслѣдникъ,» отвѣчалъ я.

Губернаторъ поздоровался со мною пожатіемъ руки, и мы вмѣстѣ съ нимъ отправились въ комнату монастырскаго сторожа. Тамъ уже накрытъ былъ столъ бѣлою скатертью; на немъ стояли стаканы, 2 бутылки рому, нѣсколько графиновъ воды.

Я-было хотѣлъ откланяться губернатору, но онъ попросилъ меня сѣсть и выпить стаканъ грогу.

Я исполнилъ его просьбу и выпилъ за здоровье всѣхъ присутствующихъ.

Губернаторъ потрепалъ меня по плечу, и мы разстались.

Время было еще довольно раннее, и я поѣхалъ на раньжу, находящуюся въ четверти мили отъ Сан-Франциско, близъ самаго залива. Она принадлежитъ одному недавнопоселившемуся здѣсь Нѣмцу, сыну Рижскаго купца, служившему нѣкогда въ Россійско-Американской Компаніи. Прослуживъ законтрактованное время въ Компаніи, онъ женился въ Ситхѣ на креолкѣ, поселился здѣсь для приращенія своего капитала, и слыветъ подъ именемъ Русскаго, чрезъ что и пользуется общимъ уваженіемъ отъ Испанцевъ. *Раньжа* его очень красива мѣстностью, но обработана для пашни. Онъ дѣятеленъ и предпріимчивъ,— слѣдовательно, соединяетъ въ себѣ два важнѣйшія качества, указующія самый вѣрный путь къ скорѣйшему обогащенію въ расцвѣтающей Калифорніи.

Домъ его построенъ въ небольшомъ размѣрѣ, съ трубою и русскою печью, и обнесенъ огородомъ, на которомъ растетъ капуста, рѣпа, лукъ и картофель.

Въ комнатахъ у него свѣтло и чисто; по стѣнамъ развѣшаны картины хорошей гравировки, мебель краснаго дерева; но вниманіе

путешественника болѣе всего останавливается здѣсь на одномъ предметѣ, именно на фортепіано. Господинъ Геппенеръ (такъ фамилія хозяина раньжи) прекрасно играетъ на этомъ инструментѣ и привлекаетъ къ себѣ много слушателей, въ-особенности нѣкоторыхъ изъ туземцевъ, неимѣвшихъ еще случая видѣть этотъ музыкальный инструментъ. Иногда въ торжественные дни фортепіано его носятъ въ монастырь, чрезъ что̀ Г-нъ Геппенеръ дѣлается все болѣе и болѣе извѣстнымъ въ тѣхъ мѣстахъ. Самъ губернаторъ, при посѣщеніи Сан-Франциско, первымъ долгомъ поставляетъ посѣтить артиста, во-первыхъ для того, чтобъ оказать ему свою благосклонность, какъ Русскому поселенцу, а во-вторыхъ и для того, чтобъ послушать его игру на фортепіано. Скота и пашней онъ еще не имѣетъ по причинѣ недавняго заселенія; но, современемъ, эти двѣ статьи составятъ главный предметъ его промышлености, и Г-нъ Геппенеръ принесетъ большую услугу Россійско-Американской Компаніи, а, можетъ быть, и краю гораздо отдаленнѣйшему, доставкою пшеницы, гдѣ она въ высшей степени облегчитъ нужду въ хлѣбѣ.

Въ бытность мою въ *раньжѣ*, или помѣстьѣ Г. Геппенера, мы часто разсуждали съ нимъ

о плодоносной, богатой Калифорніи, въ высшей степени способной къ произращенію произведеній природы, необходимыхъ человѣку, и мысленно переносились въ знакомыя намъ мѣста Восточной Сибири. Какая разительная противоположность! Огромныя пространства, покрытыя снѣгомъ, — вѣчно зеленѣющія и роскошныя долины, — человѣкъ, почти оледенѣлый отъ холода, угрюмый, нелюдимый, недѣятельный, потому что сама природа полагаетъ границы его дѣятельности, — и человѣкъ, вѣчно согрѣтый лучами солнца, спокойный, веселый и коснѣющій въ лѣни, на лонѣ природы, предлагающей ему лучшіе дары свои, безъ всякаго за то возмездія, — и посреди этихъ двухъ столь различныхъ сферъ жизни, жадная, кипучая дѣятельность промышлености — все это составляетъ картину самую оживленную и сильно возбуждающую любопытство мыслителя.

Далекое пространство раздѣляетъ жителей того и другаго края, и они чужды другъ другу, между тѣмъ какъ могли бы дѣлиться плодами трудовъ своихъ и способностей, и выгодно обмѣниваться произведеніями родныхъ странъ.

Пробывъ на раньжѣ Г-на Геппенера нѣсколько времени, я хотѣлъ возвратиться въ

Вербобойно на свой корабль, но онъ предложилъ мнѣ ѣхать въ шлюпкѣ въ Сан-Пауло, небольшое селеніе, расположенное на другомъ берегу Сан-Францисскаго залива, въ разстояніи 2 миль отъ берега. Оставивъ свою лошадь у Геппенера, я отправился съ нимъ по его приглашенію.

Въ Сан-Пауло живетъ не болѣе семи семействъ, каждое въ особенномъ домикѣ, окруженномъ палисадниками и огородами и увѣшанномъ по стѣнамъ стручковымъ краснымъ перцемъ, который сушится для продажи, а также и для собственнаго употребленія въ пищу. Испанцы страстные охотники до перцу. Въ одномъ домѣ дѣлали мыло, довольно крѣпкое и хорошей доброты. Въ другихъ домахъ вялили мясо, топили скотское сало и наливали въ бычачьи, сшитыя мѣшкомъ, шкуры. Лучшее мозговое сало наливаютъ въ бычачьи пузыри; оно называется *монтеко* и очень пріятно на вкусъ. Все это составляетъ немаловажный предметъ торговли Калифорнцевъ. Неподалеку отъ селенія устроена загородка: тамъ молотили пшеницу. Два Индійца гоняли неподкованныхъ лошадей по разостланнымъ на голой, но твердой землѣ снопамъ. Отъ этой дурной молотьбы очень много пропадаетъ зеренъ,

ибо одни втаптываются глубоко въ землю, а другія остаются въ колосѣ. Можно положить, что отъ десяти фанегъ чистой пшеницы пропадаетъ по-крайней-мѣрѣ ⅓ часть. Далѣе тянулись обширныя зеленыя долины, ничѣмъ незасѣянныя. Прекрасное мѣстоположеніе, открывавшееся передъ моими глазами, долго удерживало меня на одномъ мѣстѣ; мнѣ не хотѣлось разстаться съ этими очаровательными видами, но время клонилось уже къ вечеру, и я принужденъ былъ отправиться обратно къ Г-ну Геппенеру, гдѣ, взявъ оставленную мною лошадь, поѣхалъ въ Вербобойно.

Прибывъ на свой корабль, я узналъ, что чрезъ два дня будетъ на немъ фанданго. И дѣйствительно, на другой день были разосланы поутру приглашенія къ нѣкоторымъ лицамъ, живущимъ въ окружности Вербобойно, особенно семейнымъ.

Насталъ тотъ день, въ который назначена была вечеринка. Шканецъ корабря невозможно было узнать; нельзя было подумать, что по этой палубѣ, по которой скользятъ грозные валы океана, будутъ скользить нѣжныя, маленькія ножки Испанокъ. Тентъ былъ растянутъ до половины судна, т. е. съ гакъ-борта до гротъ-мачты, а бока его дотянуты до фальш-

бортовъ, которые, начиная съ палубы и до самаго тента, вокругъ всѣхъ шканочныхъ бортовъ, обшили полосатымъ тикомъ. Пушки поставили вдоль судна, положили на нихъ доски, обтянутыя сукномъ, и устроили такимъ образомъ диваны для гостей. Штульцъ занавѣсили флагомъ съ изображеніемъ двуглаваго орла, съ борту и до борта сняли капы, растянули надъ ними сѣтки, штаги и мачты обвили флавдугомъ, и освѣтили эту подвижную корабельную залу тридцатью фонарями.

Матросы въ красныхъ рубашкахъ сидѣли въ катерахъ, шлюпкахъ, и яликахъ, готовыхъ для перевоза гостей. Все дышало весельемъ, этимъ рѣдкимъ гостемъ на кораблѣ, все приняло какой-то праздничный видъ, необыкновенный для незнакомца.

Вотъ показались на берегу званые гости, и гребныя суда отправились принять пассажировъ. Въ первомъ катерѣ, приставшемъ къ парадному корабельному трапу, находился капитанъ порта съ двумя дочерьми, сыроваръ тоже съ дочерью, и нѣкоторыя другія семейныя лица. Время отъ времени стекались гости съ разныхъ сторонъ, какъ верхомъ, по берегу, такъ и въ лодкахъ, заливомъ. Многіе изъ Испанцевъ были съ гитарами, и сверхъ того

два скрипача довершали оркестръ. Подъ звуки этой довольно пріятной гармоніи стройно начался танецъ, извѣстный подъ названіемъ фандаго. Какъ граціозно вся эта пестрая группа двигалась взадъ и впередъ, какъ миловидны были Испанки въ національныхъ своихъ костюмахъ! Въ это время какое-то чувство, вмѣстѣ и грустное и радостное, овладѣло мною; казалось, будто веселилась вокругъ родная семья, но все было чуждо и глазамъ, и слуху, и сердцу, привыкшимъ видѣть, слышать и любить иное, болѣе имъ близкое, но отдаленное неизмѣримыми пространствами.

Въ каютѣ и каютъ-компаніи были накрыты столы, уставленные ягодами и бутылками. Испанки незастѣнчиво пили легкія вина, а Испанцы крѣпкія. Около полуночи на шканцахъ разлались Русскія плясовыя пѣсни матросовъ; нѣкоторые изъ гостей скинули свои сарапы, курточки, и расположились какъ дома. Нечего грѣха таить, и мы на нѣкоторое время забыли дисциплину, не выходя однакожъ изъ границъ приличія. Со стороны прекраснаго пола, вмѣсто капризовъ, встрѣчалъ насъ дружескій, радушный смѣхъ. Наконецъ сонъ мало-по-малу началъ одолѣвать насъ, и почти на самомъ разсвѣтѣ гости разъѣхались, съ чув-

ствами непритворной благодарности за привѣтствіе и угощеніе Русскихъ.

Россійско - Американскія компанейскія суда ежегодно посѣщаютъ Калифорнію для покупки съѣстныхъ припасовъ, и всегда, во время стоянки, командиръ каждаго Русскаго судна считаетъ почти долгомъ сдѣлать вечеринку, или по-тамошнему фанданго. Нѣсколько разъ мнѣ приходилось бывать въ Калифорніи, и я никогда не видалъ, чтобъ которое-нибудь изъ стоящихъ тамъ иностранныхъ судовъ вздумало сдѣлать для Испанцевъ вечеръ; за-то и Калифорнцы, съ своей стороны, не удостоивали этой чести никого изъ иностранцевъ, кромѣ Русскихъ, которые умѣли возбудить къ себѣ ихъ довѣренность и уваженіе. Никогда не забыть мнѣ вечера, когда Испанцы, въ благодарность за наше угощеніе, сдѣлали фанданго собственно для Русскихъ, въ селеніи Вербобойно, въ самыхъ тѣхъ казармахъ, о которыхъ я уже говорилъ. Казармы были прекрасно освѣщены и умеблированы. Испанскихъ винъ и фруктовъ было вдоволь; пушки, дотолѣ стоявшія въ забвеніи, не умолкали отъ выстрѣловъ. Испанцы, въ изліяніи дружескихъ чувствъ, качали насъ на рукахъ и кричали по-русски ура! Не знаю, какое Русское сердце не забилось бы отъ

радости при этомъ родномъ привѣтствіи изъ устъ иностранцевъ!

Прибывъ на нашъ корабль послѣ вечера, который давали въ честь намъ Испанцы, я мысленно долго еще не могъ разстаться съ обществомъ радушныхъ Калифорнцевъ; шумъ минувшаго пира еще раздавался въ моихъ ушахъ; наконецъ сонъ мало-по-малу одолѣлъ меня, и я проснулся уже поздно утромъ.

Намъ нужны были огородные овощи и въ томъ числѣ фрукты, какъ для собственнаго употребленія, такъ для главнаго правителя Россійско-Американскихъ колоній въ Ситхѣ; поэтому мнѣ поручено было сдѣлать упомянутыя закупки въ мѣстечкѣ Сан-Кларо, находящемся при Сан-Францисскомъ заливѣ, въ разстояніи 26 миль отъ Вербобойно.

Время и служба не терпѣли отлагательства, и я почти съ сонными глазами отправился за покупками, въ барказѣ, съ 8 человѣками матросовъ. Вѣтеръ былъ попутный, и мы подъ косыми парусами пустились вдоль залива, мимо Геппенеровой рапьжи, и чрезъ пять часовъ достигли селенія Сан-Кларо.

Оно тоже состоитъ изъ немногихъ домовъ, расположенныхъ невдалекѣ отъ залива. Каждый домикъ отстоитъ одинъ отъ другаго на

довольно далекое разстояніе; въ промежуткахъ разведены огороды, съ капустою, рѣпою, лукомъ, огурцами, горчицею; находятся также пустые, ничѣмъ незасѣянные участки земли; сзади селенія тянутся сады съ яблонями, грушами, дулями, оливками, сливами, вишнями и виноградомъ; есть также грецкіе орѣхи и чернильные; за садами разстилаются поляны или бахчи съ тыквами, дынями и арбузами. — Селеніе Сан-Кларо красивѣе всѣхъ прочихъ по своему мѣстоположенію. Взоръ останавливается то на небольшихъ зеленыхъ холмикахъ, поросшихъ кустарникомъ, то на густыхъ рощахъ, гдѣ растутъ дубы и исполинскія *чаги*, то на ровныхъ долинахъ, которыя далеко сливаются съ горизонтомъ, или упираются въ синія горы, чуть видимыя вдали; свѣтлый заливъ довершаетъ картину; вокругъ глубокая тишина, и вездѣ та же безпечность, которою отличаются вообще всѣ жители этихъ благословенныхъ странъ.

Загорѣлый Испанецъ, съ папироскою во рту, съ откинутою гитарой, лежалъ у палисадника своего дома и смотрѣлъ, какъ наемный Индіецъ собиралъ огурцы въ его огородѣ и укладывалъ ихъ въ скрипучій возокъ, запряженный двумя волами Эта экспедиція отправлялась чрезъ Сан-

Франциско въ Вербобойно. Жена Испанца, подсѣвъ къ смирной коровѣ, доила въ стаканъ молоко, которымъ хотѣла утолить свою жажду; здѣсь погребовъ нѣтъ и негдѣ держать молоко долгое время. Утренніе удои молока употребляются на сыръ, если нѣтъ продажи; если же кому вздумается напиться, то прямо отправляются къ коровѣ и доятъ въ стаканъ, или во что нибудь другое, парное молоко, которое пьютъ какъ воду.

Я подошелъ къ Испанцу, поздоровался съ нимъ и объяснилъ ему свою надобность.

— У меня есть все, чтò вамъ нужно, отвѣчалъ онъ; прикажите вашимъ людямъ рвать въ корзины сколько чего вамъ потребуется, а послѣ мы увидимъ, что это будетъ стоить. — Вѣроятно, продолжалъ Испанецъ, вы здѣсь ночуете по причинѣ поздняго времени, къ тому же вѣтеръ вамъ противный для отъѣзда на корабль, и такъ можно приняться за работу завтра поутру, а теперь напьемся чаю.

И онъ приказалъ Индіанкѣ грѣть чайникъ. Самоваровъ въ этой странѣ нѣтъ, и ихъ замѣняютъ мѣдные чайники.

Матросы разбрелись кому куда вздумалось, а я съ Испанцемъ пошелъ къ нему въ домъ. Домъ Испанца не такъ былъ красивъ, но сра-

ненію съ другими, но за-то въ немъ всего было изобильно; уже много значило и то, что Донъ Хосе (имя хозяина) пилъ чай, которымъ въ Калифорніи пользуются не многіе, по дороговизнѣ его. Здѣсь одинъ фунтъ чаю стоитъ $3\frac{1}{2}$ піастра (17 руб. 50 коп.), слѣдовательно, напитокъ этотъ составляетъ въ Калифорніи особенную роскошь.

Донъ-Хосе имѣетъ пятерыхъ дѣтей; изъ нихъ самой старшей дочери лѣтъ 17. Къ-сожалѣнію, она была больна и не пользовалась никакими медицинскими пособіями, потому что медики въ Калифорніи очень рѣдки, и жители, въ случаѣ болѣзни, по большей части предаются произволу судьбы.

Хозяйка начала приготовлять ужинъ: мѣсить дартіи и варить рубленое мясо, приправленное краснымъ стручковымъ перцемъ, какъ необходимымъ почти во всѣхъ Испанскихъ кушаньяхъ. Двое маленькихъ сыновей принесли яблоковъ, грушъ, арбузовъ. Тутъ пришли другіе Испанцы; между ними составился кружокъ и завязался довольно любопытный разговоръ.

Изъ числа собесѣдниковъ, одинъ, довольно пожилыхъ лѣтъ, удивилъ меня своими познаніями. Съ-виду онъ походилъ на Испанца, но впослѣдствіи я узналъ, что это былъ Англій-

скій капитанъ, навсегда оставившій родину и поселившійся по сосѣдству съ домомъ Донъ-Хосе. Онъ разсуждалъ о начинающейся войнѣ Американцевъ съ Мексиканцами, и говорилъ, что первымъ нужна Калифорнія; что они, какъ народъ предпріимчивый, завладѣвъ сю, значительно заселятъ западные берега Америки, заведутъ свой флотъ на Восточномъ океанѣ, сблизятся съ Сандвичевыми островами, съ Китаемъ, расширятъ свои торговыя сношенія, и даже, можно полагать, обратятъ вниманіе и на Японію: тогда оба океана, Восточный и Атлантическій, будутъ наполнять Сѣверную Америку богатствами съ береговъ Восточной Азіи и Западной Европы.—Посмотрите, продолжалъ онъ, какъ ускорятся тогда торговыя сношенія береговъ Восточнаго океана съ берегами Атлантическаго. Американцы непремѣнно устроятъ складочныя мѣста въ Акапулко или Массатланѣ. Тогда корабли ихъ, находящіеся на Восточномъ океанѣ, не будутъ ходить въ Атлантическій, а будутъ складывать товары въ означенныхъ портахъ; изъ нихъ сухимъ путемъ чрезъ Мексику товары перевезутся въ портъ Веракруцъ, при Мексиканскомъ заливѣ, и который въ такомъ случаѣ сдѣлается складочнымъ мѣстомъ; изъ Веракруца грузъ перепра-

вится въ Европу на корабляхъ, находящихся въ Атлантическомъ океанѣ. Такимъ же образомъ и обратно, грузъ изъ Европы или изъ восточныхъ странъ Америки будетъ доставляться тоже черезъ Мексику на западные берега Америки, въ Массатланъ или Акапулко, или чрезъ океанъ на восточную сторону Азіи.

Всѣ эти предположенія Англичанина весьма были вѣроятны и согласовались также и съ моимъ мнѣніемъ. Прочіе собесѣдники внимательно слушали разсказъ своего селянина, и хотя многаго не понимали, но чувствовали, что Калифорнія недолго будетъ находиться въ спокойномъ состояніи, рано или поздно измѣнитъ Мексиканскіе законы и сдѣлается рабынею сильнѣйшихъ.

— Американцы, — говорилъ далѣе Англичанинъ, — имѣя подъ своимъ владѣніемъ Калифорнію, могутъ служить также и Россіи доставкою хлѣба въ Камчатку, или Охотскъ, если только Русскіе примутъ ихъ услуги и не захотятъ сами пользоваться этими выгодами, т. е. посылать свои суда изъ Охотскаго порта въ Калифорнію за пшеницею, горохомъ и ячменемъ. Тогда Американцы значительно понизятъ цѣны на жизненные припасы, которые въ пре-

дѣлахъ Охотскаго моря, какъ я слышалъ, очень велики.

— Да, — замѣтилъ я, — ржаная мука, привезенная изъ Якутска въ Охотскъ постоянно бываетъ отъ 8 до 10 руб. за пудъ; крупа отъ 10 до 12 руб. за пудъ.

— Почему же такъ дорого? — съ удивленіемъ спросилъ Англичанинъ.

— Потому что мука и крупа, привозимыя изъ Иркутскихъ окружныхъ мѣстъ въ Якутскъ, продаются тамъ отъ 1 руб. 50 коп. до 2 руб. 50 коп., за пудъ; изъ Якутска доставляютъ продукты эти карavаномъ на вьючныхъ лошадяхъ въ Охотскъ, съ платою за провозъ на каждую лошадь, отъ 30 до 40 рублей, а такъ какъ на лошадь навьючиваютъ муки или крупы не болѣе 5 пудовъ, то сложивъ провозъ съ покупкою; мы ясно увидимъ, что хлѣба нельзя продавать ниже означенныхъ цѣнъ. Притомъ, при отправкѣ провіанта изъ Якутска въ Охотскъ, набиваютъ его въ сыромятныя сумы, и чрезъ пространство слишкомъ 1,000 верстъ везутъ иногда по цѣлому мѣсяцу; на этомъ отдаленномъ пути, отъ частыхъ переправокъ черезъ рѣки бродомъ, хлѣбъ, набитый въ сумы, часто промокаетъ; къ тому же отъ верховой перевоз-

ки онъ пропахиваетъ лошадинымъ потомъ, теряетъ первобытную свѣжесть.

— Видите ли, какія неудобства, — сказалъ Англичанинъ. Отчего же Охотскіе купцы не заведутъ своихъ судовъ, чтобъ ходить въ Калифорнію за хлѣбомъ, который бы принесъ имъ значительныя выгоды?

— Оттого, что Охотскіе купцы, — отвѣчалъ я,—хотя и имѣютъ достаточные капиталы для заведенія собственнаго судна, но они еще не такъ коротко ознакомились съ Калифорніей, чтобъ могли вступить съ большою самоувѣренностью въ торговыя сношенія съ этой страной.

— Судя по всѣмъ этимъ обстоятельствамъ,— продолжалъ Англичанинъ, — жители восточнаго края Россіи будутъ рады, если Американцы станутъ доставлять имъ съѣстные припасы свѣжіе, безвредные, здоровые, — къ тому же за половинную цѣну, сравнительно съ теперешней цѣной, какъ существуетъ она въ предѣлахъ Охотскаго моря. Жители же Калифоріи, расчитывая на большую потребность своихъ произведеній, безъ сомнѣнія, приложатъ большее стараніе къ разведенію въ принадлежащихъ имъ помѣстьяхъ пшеницы и другихъ припасовъ.

— Но Американцы, — сказалъ я, — могутъ вывозить пушные товары, если дозволятъ имъ ходить въ предѣлы Охотскаго моря.

— Противу этого надлежитъ принять мѣры, между которыми самою лучшею почитаю я строгій таможенный осмотръ.

— Теперь Калифорнцы сбываютъ свои произведенія только Россійско-Американской Компаніи, замѣтилъ Донъ-Хосе.

— Почему же, — возразилъ я, — мы съ затрудненіемъ сбираемъ количество припасовъ, потребное намъ, и случается иногда, что встрѣчаемъ въ нихъ недостатокъ?

— Это потому, — продолжалъ Англичанинъ, что — Россійско-Американская Компанія передала Стахинъ на аренду Англичанамъ, съ тѣмъ, чтобы Гудзонбайская Англійская Компанія доставляла въ Россійскія колоніи на своихъ судахъ кругомъ свѣта разный грузъ, въ томъ числѣ пшеницу, горохъ и другіе припасы. Между тѣмъ количество жизненныхъ припасовъ, доставляемое Англичанами изъ Колумбіи, оказалось недостаточнымъ для Россійско-Американской Компаніи, въ особенности, когда она открыла торговлю съ Камчаткою разными товарами, въ томъ числѣ и мукой. Эта причина понудила Компанію ходить еще своими судами

въ Калифорнію, и покупать пшеницу отъ Калифорнцевъ, которые, не бывъ пріучены къ большимъ посѣвамъ, не обращаютъ и понынѣ вниманія на засѣвы своихъ полей, запродаваемые иногда ими въ опредѣленномъ количествѣ, приходящимъ торговымъ судамъ. — Вотъ почему вамъ предстоитъ теперь затруднительный сборъ пшеницы, гороху, ячменю и другихъ припасовъ; но по всему можно предполагать, что современемъ пшеница составитъ первую промышленость жителей Калифорніи.

Но вотъ принесли чайникъ и вмѣстѣ съ нимъ ужинъ. Испанцы во время разговора сидѣли въ шляпахъ; сѣвъ за столъ, они также не снимали ихъ. Семейство Донъ-Хосе помѣстилось за однимъ столомъ, который былъ уставленъ разными кушаньями; но хлѣба не было; его замѣняли *дартіи*. Первое блюдо, приготовленное изъ рубленаго мяса, начала хозяйка; по ея примѣру потянулись и мы съ ложками на средину стола. Въ этомъ кушаньи было такъ много перцу, что у меня съ двухъ кусковъ ободрало ротъ, между тѣмъ какъ Испанцы ѣли его съ удовольствіемъ. Когда оно было съѣдено, хозяйка принялась за другое блюдо, состоявшее изъ жареной баранины, рѣзаной большими узенькими ломтями; за нимъ слѣдовала

варенная съ бараньимъ саломъ фриголь (маленькіе бобы), тоже сильно приправленная перцемъ; потомъ поджаренный молодой сыръ, взрѣзанный ломтиками и похожій на творожные пряженчики, наконецъ печеныя яблоки, и въ заключеніе ужина чай.

Испанцы, вставъ изъ-за стола, закурили сигары и отправились полежать на чистый воздухъ, приглашая съ собою и меня. Жена Донъ-Хосе и дѣти, которыя были побольше, тоже закурили сигары и остались дома.

Отказавшись отъ предложенія Испанцевъ и пожелавъ имъ насладиться отдыхомъ на чистомъ воздухѣ, я пошелъ одинъ смотрѣть селенье Сан-Кларо. Въ нѣкоторыхъ домахъ выходилъ маленькій дымокъ, означавшій время приготовленія ужина; вокругъ царствовало глубокое безмолвіе, даже слышно было, какъ что-нибудь жарится; изрѣдка межъ домовъ бродили куры, овцы щипали траву, кой-гдѣ мычали коровы или фыркали кони; неподалеку отъ берега мальчишки босикомъ бѣгали въ-запуски; у одного дома Индіецъ дѣлалъ себѣ постилку, въ родѣ ковра, перевязывая солому и обрубая краешки для ровности; далѣе — вправо тянулись сады, огороженные жердочками; тамъ наши матросы насыщались, лакомившись плодами. Не встрѣтивъ

ничего любопытнаго, я пошелъ обратно въ домъ Хосе, гдѣ уже была приготовлена для меня постель. Вдругъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собаки, дотолѣ лежавшія смирно, подняли лай и побѣжали изъ селенія, а за ними и мальчишки. Эта тревога возбудила мое любопытство, и я пошелъ въ ту сторону, куда сбѣгались собаки. Пройдя дома четыре, я увидѣлъ передъ собою долину; по ней двое бокеровъ, верхомъ, вели на арканахъ въ растяжку медвѣдя. Они поймали его въ дубовой рощѣ, и для потѣхи привели живаго въ селеніе. Онъ былъ бураго цвѣта и вышиною не менѣе аршина. Свирѣпое животное злобно посматривало на лающихъ вокругъ него собакъ и на мальчишекъ, которые смѣло поколачивали его палочками, зная, что звѣрь, затянутый за переднюю и заднюю ноги, не въ состояніи сдѣлать имъ ни малѣйшаго вреда. Бокеры увѣряли, что они пустятъ его по долинѣ и опять поймаютъ арканами; любопытно было бы посмотрѣть на эту отважную ловлю, но ее нельзя было допустить, ибо медвѣдь могъ бы броситься на собравшуюся толпу народа. Испанцы принудили бокеровъ убить животное тутъ же на мѣстѣ. Одинъ бокеръ вынулъ изъ-за голенища широкій ножъ и твердою рукою вонзилъ его въ затылокъ звѣрю. Медвѣдь за-

шатался на ногахъ и съ ужаснымъ ревомъ упалъ на землю. Бокеры отвязали арканы и заставили Индійцевъ сдирать съ него кожу. Я отправился спать въ домъ Хосе. Усталость въ прошедшій вечеръ скоро усыпила меня, и я непробудно проспалъ до разсвѣта; но тутъ я уже не могъ сомкнуть глазъ; *каёты* (родъ шакаловъ), бѣгая вокругъ селенія, безпрестанно безпокоили меня своимъ воемъ. Ихъ ужасное множество по всей Калифорніи. Въ ночную тишину они сбѣгаются къ селеніямъ на добычу, таскаютъ овецъ, если онѣ не въ загонѣ, но при появленіи человѣка разбѣгаются въ лѣса. — Одѣвшись наскоро, я велѣлъ матросамъ рвать въ корзины и мѣшки фрукты и огородныя овощи, сколько чего было нужно, и самъ пошелъ съ ними въ садъ. Проходя мимо того мѣста, гдѣ наканунѣ убили медвѣдя, я не нашелъ и слѣдовъ его внутренностей, которыя были кинуты Индійцами и ночью растасканы *каётами.*

Мнѣ никогда не случалось видѣть, чтобъ Испанцы ѣли медвѣжье мясо. Они пользуются только шкурою и саломъ этого животнаго, которыя продаютъ на торговыя суда. Индійцы же съ удовольствіемъ ѣдятъ медвѣжатину.

Матросы въ короткое время наполнили плодами и овощами всѣ корзины и мѣшки, взятые

нами съ корабля. Оставалось только расчитаться съ хозяиномъ и ѣхать обратно на свой корабль. . . . .

Мы были готовы, но жители Сан-Кларо еще покоились сномъ и двери домовъ были заперты, ибо утренній туманъ несовсѣмъ очистился, и атмосфера была холодна. Не желая безпокоить Хосе, я сталъ дожидаться его пробужденія. Наконецъ солнце довольно высоко поднялось на голубомъ небѣ, туманъ исчезъ, воздухъ сдѣлался теплѣе; въ нѣкоторыхъ домахъ отворились двери; изъ домовъ стали показываться люди; изъ загоновъ выгонялся домашній скотъ; Индійцы и Индіянки пошли доить коровъ; потомъ у домиковъ показался дымокъ; начались приготовленія къ завтраку такимъ же порядкомъ, какъ и къ ужину.

Наконецъ и Донъ-Хосе вышелъ изъ дому заняться хозяйственными распоряженіями по своему помѣстью. Увидѣвъ насъ готовыми въ путь, онъ поздоровался со мною и просилъ меня остаться съ нимъ завтракать. Я, боясь встрѣтить противный вѣтеръ, и желая воспользоваться тихою погодою, отговорился тѣмъ, что люди, находящіеся при мнѣ, нужны для работъ на кораблѣ, заплатилъ ему за фрукты и овощи товаромъ, который въ Калифорніи

нужнѣе денегъ, именно: бисеромъ, чаемъ и миткалемъ, и распростился съ нимъ и съ его семействомъ. По дорогѣ я зашелъ къ Англичанину, который тоже старался удержать меня, но я отблагодарилъ его и отправился на свой корабль.

Къ 2-мъ часамъ пополудни мы уже были на кораблѣ; на немъ перетягивали такелажъ, который ослабѣлъ отъ сильныхъ жаровъ, а съ слабымъ такелажемъ легко можно потерять стеньги, въ-особенности при сильной качкѣ судна.

По пріѣздѣ изъ Сан-Кларо, мнѣ предстояла совершенная свобода до самаго нашего выхода изъ Сан-Францискаго залива. Я рѣшился воспользоваться этимъ временемъ и нашелъ случай побывать въ Монтерео, столицѣ Калифорніи, находящейся отъ селеніи Вербобойно въ разстояніи 250 миль.

Рано утромъ пустился я въ путь по Сан-Франциской дорогѣ, взявъ съ собою въ проводники бокера, съ ружьемъ и неразлучнымъ арканомъ. Миновавъ Сан-Франциско, мы очутились на широкой зеленой равнинѣ, пересѣкаемой тропинками, едва замѣтными отъ рѣдкой по ней верховой ѣзды. Проѣхавъ равниною миль около 10, мы встрѣтили три домика,

огороженные жердочками. Въ нихъ жили два Испанца съ своими семьями. Позади жилищъ лежали коровы, лошади, и мѣстами росла пшеница. Кругомъ никого не было видно, лишь слышенъ былъ лай собакъ. Когда мы подъѣхали къ одному изъ домиковъ, къ намъ навстрѣчу вышелъ Испанецъ и приглашалъ къ себѣ; время не позволяло мнѣ долго оставаться здѣсь. Перемѣнивъ лошадей, мы опять съ бокеромъ пустились по долинѣ къ Монтерео. Рѣзвые кони мигомъ донесли насъ до другаго небольшаго селеньица при Монтерейской дорогѣ. Въ каждомъ изъ встрѣчавшихся намъ селеній можно было перемѣнять лошадей за умѣренную плату. — На пути въ Монтерео встрѣчается множество живописныхъ мѣстъ. Безпрестанно приходилось намъ проѣзжать небольшими рощицами; въ нихъ росли дубъ, липа, букъ, чаги ужасной толщины, ольха, изрѣдка тополь и дикій виноградникъ. Встрѣчались также и большіе лѣса лавровника, но мы старались какъ можно скорѣе проѣзжать ихъ, боясь головной боли, которая могла произойти отъ сильнаго запаху лавроваго листа. Вдали виднѣлись различной величины горы и пригорки, покрытые и непокрытые лѣсомъ и кустарникомъ; озера, по которымъ плавали дикія утки и гуси, ру-

чейки и небольшія рѣчки, вытекающія изъ горъ или озеръ и бѣгущія по песчаному и, можетъ быть, золотоносному грунту. Въ сторонѣ отъ дороги часто вился дымокъ, дававшій знать о близости Индійскихъ селеній.

Въ одномъ мѣстѣ, у подошвы небольшой горы, въ довольно далекомъ разстояніи отъ дороги, я замѣтилъ болѣе дыму.

Вѣроятно, тутъ большое Индійское селеніе, подумалъ я, и, никогда еще не видавъ внутренняго быта Индійцевъ, рѣшился посмотрѣть на ихъ шалаши, и для того, своротивъ съ дороги, поѣхалъ съ проводникомъ моимъ прямо къ селенію.

Приближаясь къ селенію, я увидѣлъ, что оно состояло изъ 12 шалашей, расположенныхъ въ разномъ направленіи; нѣкоторые изъ нихъ были покрыты кожами лошадей, зебръ, лосей, а другіе древесной кожей или тростникомъ. У перваго шалаша сидѣлъ Индіецъ и дѣлалъ ножемъ стрѣлу. Увидѣвъ насъ, онъ оставилъ свою работу, и не вставая съ мѣста, съ ножемъ въ рукахъ, смотрѣлъ на насъ. Лицо его, съ небольшими острыми глазами (общими всѣмъ Индійцамъ), было звѣрски-безобразно. Я далъ ему сигару и попросилъ посморѣть на его работу. Онъ быстро вскочилъ, какъ будто хотѣлъ броситься

на меня, побѣжалъ въ свой шалашъ и принесъ мнѣ совсѣмъ отдѣланную стрѣлу съ лукомъ.— Стрѣла, сдѣланная изъ чажнаго дерева, имѣла въ длину 2½ фута; на одномъ концѣ ея была насажена зубчатая стрѣлка изъ крѣпкой кости, дюймовъ въ 9, а на другомъ были врѣзаны вдоль палочки, или стержня, три пера, для того чтобъ стрѣла ровно летѣла къ цѣли. На лукъ была чрезвычайно туго натянута воловья жила, длиною футовъ въ пять. Желая полюбопытствовать, какъ высоко поднимается стрѣла, я черезъ бокера, знавшаго по-Индійски, попросилъ Индійца пустить ее вверхъ. Индіецъ исполнилъ мою просьбу; стрѣла взвилась въ высоту, въ одно мгновеніе ока исчезла изъ глазъ, потомъ упала неподалеку отъ меня, врѣзавшись вершковъ на пять въ землю. Вскорѣ окружило насъ множество Индійцевъ. Всѣ они отличались одинаково звѣрскими, загорѣлыми отъ жару лицами, на которыхъ наколоты были разныя фигуры, что составляетъ у нихъ щегольство; черные, грубые, длинные волосы завязывались назади пучкомъ; одежда состояла болѣе изъ лоскутовъ тонкой кожи; на нѣкоторыхъ были бумажныя, или шерстяныя ткани, добытыя, вѣроятно, отъ Испанцевъ за работы, а можетъ быть, и краденыя, потому что Индій-

цы, какъ и всѣ вообще дикіе народы, очень склонны къ воровству.

Въ собравшейся толпѣ не находилось ни одной женщины.—Женщины у Индійцевъ исправляютъ почти всѣ работы, между тѣмъ какъ мужья ихъ покоятся въ лѣности. Въ этомъ селеніи я много встрѣтилъ женщинъ, и всѣ онѣ были чѣмъ-нибудь заняты, а мужчины лежали или сидѣли, ничего не дѣлая. Весьма немногіе изъ нихъ работали что-нибудь, напр. точили ножи или дѣлали стрѣлы. Вотъ у одного шалаша женщина тесала топоромъ колъ для своего шалаша, а Индіецъ, должно быть мужъ ея, жарилъ на палочкѣ мясо. Въ иныхъ шалашахъ женщины жали сокъ изъ дикаго винограда (служащій для приготовленія вина), плели изъ древесныхъ корней шкатьі — плотныя, крѣпкія и очень красивыя корзинки, заступающія у нихъ мѣсто посуды, или дѣлали повязки изъ разноцвѣтныхъ птичьихъ перьевъ, которыя какъ мужчинами, такъ и женщинами употребляются на головное украшеніе. Въ срединѣ самаго селенія три женщины сдирали кожу съ быка. Быкъ навѣрно былъ краденый. Бокеръ хотѣлъ посмотрѣть, нѣтъ ли на немъ какой замѣтки, но я удержалъ его, боясь, чтобъ не навлечь на себя подозрѣнія, за которое, мо-

жетъ быть, дорого бы пришлось намъ расплачиваться. Въ селеніи господствовала въ высшей степени неопрятность, отвратительная для взгляда; болѣе же всего звѣрскій видъ Индійцевъ наводилъ какой-то страхъ, — къ тому же день уже вечерѣлъ, и я поспѣшилъ выѣхать изъ Индійскаго селенія на Монтерейскую дорогу.

До Монтерео оставалось еще болѣе половины пути, и намъ нужно было найти себѣ ночлегъ въ какой нибудь раньжѣ. Вотъ показались вдали крыши Испанскаго селенія. Въ немъ я расположился ночевать. Оно состояло изъ четырехъ домовъ съ разными пристройками. Въ селеніи росло множество оливковыхъ деревьевъ и мѣстами виднѣлись яблони и груши. Тутъ я не встрѣтилъ ничего любопытнаго, потому что всѣ Испанскія селенія почти походятъ одно на другое. Я остановился у одного семейнаго Испанца, который принялъ меня очень ласково. Усталость отъ верховой ѣзды клонила меня ко сну, и я крѣпко заснулъ на разостланной зебровой шкурѣ. Поутру, перемѣнивъ лошадей, приготовленныхъ для насъ еще вечеромъ, мы, несмотря на холодный туманъ, поспѣшили продолжать путь. По дорогѣ, кромѣ живописной мѣстности, не встрѣчалось намъ ни одного

предмета, достойнаго любопытства. Иногда попадались въ лѣсахъ дикія кошки, но онѣ убѣгали отъ насъ, и намъ не удалось застрѣлить ни одной изъ нихъ.

Въ лошадяхъ для перемѣны мы не имѣли препятствій, и потому вскорѣ достигли Монтерео. — Мы поднялись на гору, съ вершины которой показался крестъ Монтерейскаго монастыря. Наконецъ, миновавъ мелкій кустарникъ, въѣхали въ городъ, расположенный на отлогомъ берегу Монтерейскаго залива. Дома въ немъ расположены съ нѣкоторою правильностью; во многихъ изъ нихъ были лавки и магазины, въ которыхъ товары очень дороги, ибо правительство, не имѣя никакихъ особенно значительныхъ доходовъ съ городковъ Калифорніи, налагаетъ большія пошлины на ввозимые туда товары.

Домъ губернаторскій находился въ срединѣ города. Наружность его была красивѣе прочихъ. Неподалеку отъ него находились казармы — длинное одноэтажное строеніе съ небольшими окошками и во многихъ мѣстахъ ветхое. Стоявшія передъ казармами пушки были нѣсколько поисправнѣе тѣхъ, которыя видѣлъ я въ Вербобойно. Возлѣ казармъ устроена

ратуша, а сзади ея тюрьма. Подошедъ къ последней, я увидѣлъ сидящаго за желѣзной рѣшеткою Индійца, осужденнаго на разстрѣляніе. Лицо преступника, и безъ того уже обезображенное татуированіемъ, было еще ужаснѣе отъ дикихъ, свирѣпыхъ взглядовъ, которые бросалъ онъ вокругъ себя. Вотъ въ чемъ состояло его преступленіе. Онъ укралъ быка у одного Испанца, владѣтеля раньжи. Въ то время, какъ похититель велъ животное къ себѣ въ селеніе, съ нимъ встрѣтился бокеръ. Узнавъ по помѣткѣ, кому принадлежитъ быкъ, онъ поймалъ на арканъ Индійца, который хотѣлъ было спастись отъ него бѣгствомъ, и привелъ вора вмѣстѣ съ быкомъ къ обкраденному хозяину раньжи. Послѣдній жестоко высѣкъ Индійца и отпустилъ его на волю. Съ злобою и мщеніемъ въ сердцѣ онъ вышелъ изъ дому, но прежде осмотрѣлъ въ подробности всю мѣстность. На слѣдующую ночь онъ осторожно подкрался къ дому, и, замѣтивъ отворенное окно, пробрался въ спальню Испанца и зарѣзалъ его вмѣстѣ съ женою. Сынъ ихъ, спавшій въ ближней комнатѣ, пробужденный шумомъ, громко закричалъ; Индіецъ бросился къ нему, но на крикъ сбѣжались люди; Индіецъ, съ ловкостью дикаго звѣря, опять выскочилъ въ окно, думая

спастись бѣгствомъ, но его нагнали и схватили.

Въ Монтерео устроенъ кожевенный заводъ возлѣ небольшой рѣки; я заходилъ въ него и смотрѣлъ тамъ кожи, которыя достоинствомъ были гораздо хуже нашихъ. Ближе къ заливу лежала огромная куча раковинъ, которыя, какъ узналъ я, обжигаютъ, и онѣ служатъ вмѣсто извести для обмазки домовъ. Обширный заливъ былъ уставленъ купеческими судами, пришедшими для продажи товаровъ или покупки тамошнихъ произведенiй. Между ними находилось много китоловныхъ судовъ, которыя пристаютъ для починокъ или для запаса воды. Одно Французское судно было подтянуто къ самой пристани. Оно пришло за живымъ скотомъ для Сандвичевыхъ острововъ. Болѣе я ничего не нашелъ замѣчательнаго въ городѣ, и поспѣшилъ въ обратный путь къ своему кораблю.

Спустя три недѣли послѣ нашей стоянки въ Вербобойно, пришли изъ колонiй въ Сан-Францисскiй заливъ еще два судна: *Константинъ* и *Байкалъ*, для нагрузки пшеницею и мясомъ; намъ же присланъ былъ отъ главнаго правителя колонiй пакетъ, съ приказанiемъ идти за

солью на островъ Карминъ, лежащій въ Калифорнскомъ заливѣ, или *Багряномъ морѣ.*

Такъ-какъ на покупку соли и для платы за якорныя мѣста, нужны были наличные піастры, которыхъ мы не имѣли въ достаточномъ количествѣ, кромѣ векселя Россійско-Американской Компаніи, суммою въ 5 т. піастровъ (по тамошнему 25 т. руб. асс.), то намъ и предстояло непремѣнно зайдти въ какой-нибудь ближайшій къ нашему пути портъ, гдѣ бы можно было безъ затрудненія размѣнять вексель. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надлежало намъ брать соль и вообще по всѣмъ окружнымъ мѣстамъ Калифорнскаго залива, мы бы никакъ не могли сдѣлать размѣна векселя въ такую сумму; ибо у тамошнихъ жителей нѣтъ большихъ денегъ, а если и есть, то весьма у немногихъ; притомъ же, они не имѣютъ значительныхъ торговыхъ сношеній съ конторами богатыхъ портовъ, куда бы могли перевести вексель. Европейскія суда бываютъ здѣсь очень рѣдко, и то по какому-нибудь особенному случаю, напр. по надобности налиться водою, или что-либо починить въ суднѣ; за солью же приходятъ въ Калифорнскій заливъ очень рѣдко, даже и самая Россійско-Американская Компанія посылаетъ за этимъ продуктомъ на Карминъ черезъ три года,

и всегда снаряжаетъ *для* подобной экспедиціи судно, имѣющее въ себѣ вмѣстимости болѣе прочихъ.

Такъ-какъ корабль *Наслѣдникъ*, на которомъ находились мы, есть самый большой, сравнительно съ прочими компанейскими судами, годными къ плаванію, то намъ и было предписано не грузить пшеницы въ Калифорніи, а идти за солью; пшеницу же долженствовали доставить въ колоніи пришедшіе бриги, *Константинъ* и *Байкалъ*.

Что могло быть пріятнѣе этого извѣстія? Угрюмая Ситха, съ ея безпрестанными дождями и туманами, наскучила каждому изъ насъ, каждому хотѣлось подолѣе повеселиться въ чужихъ портахъ, понѣжиться въ благоухающемъ климатѣ.

Теперь надлежало найти портъ, въ которомъ бы навѣрно и выгодно можно бы размѣнять вексель. Атласъ указалъ намъ на *Массатланъ*, лежащій при Восточномъ океанѣ, на западномъ берегу Сѣверной Америки.

Опытность командира и привычная ловкость матросовъ не заставили долго медлить и выжидать времени попутнаго вѣтра. Сдѣлавъ необходимые запасы провизіи и налившись водою, мы, несмотря на большіе труды при вытаски-

ванія якоря изъ иловатаго грунта Сан-Францисскаго залива, въ 3 часа, съ пѣснями вышли въ океанъ, и къ 8-ми часамъ вечера отдѣлились отъ береговъ на 70 миль.

Чѣмъ ближе подходили мы къ югу, тѣмъ ощутительнѣе становился жаръ; океанъ какъ бы утихалъ постепенно, вѣтеръ дулъ ровнѣе, и вплоть до самаго мѣста якорной стоянки брамсели постоянно были растянуты. Иногда, и то очень рѣдко, пробѣгало небольшое облачко по голубому небу, или ударялъ крупный теплый дождь, но черезъ десять минутъ, вся эта пріятная влага исчезала отъ лучей солнечныхъ, не оставляя по себѣ и слѣда. Корабль нашъ все ближе подходилъ къ тропику; смола на вантахъ прилипала къ рукамъ, и мы должны были безпрестанно смачивать водою палубу, чтобъ не разсыхались доски. — Рубашка, бѣлыя брюки, башмаки и соломенная шляпа составляли всю одежду каждаго изъ служителей корабля. Мы постепенно привыкали къ жаркому югу, и только какъ природные жители сѣвера, вспоминали о нашихъ глубокихъ снѣгахъ и трескучихъ морозахъ. — Красивыя рыбки, блистая на солнцѣ то золотою, то серебряною чешуею, плавали вокругъ нашего корабля. Много разъ случалось намъ ловить на

удочку *банитъ*. Рыба эта величиною въ аршинъ. Ея красивая кожа отражается въ водѣ розовыми, зелеными и голубыми полосками, мясо бѣлое, вкусное и довольно жирное. Однажды трое сутокъ не отставала отъ насъ извѣстная въ зоологіи молотокъ-рыба. Какъ мы ни старались поймать ее харпуномъ или петлей, но всѣ труды наши были напрасны: она какъ будто играла съ нами, и скрылась потомъ въ глубинѣ океана. Болѣе всѣхъ встрѣчались намъ летучія рыбки: онѣ иногда сами попадали къ намъ на палубу; впрочемъ, мясо ихъ не годно ни къ какому употребленію.

За кормой нашего корабля постоянно висѣла веревочка съ крючкомъ, на который была надѣта солонина, служившая приманкою для жителей тропическаго океана. Многіе изъ нихъ, схватывая ее, попадали на крючокъ, и эта забава была для насъ нѣкоторымъ развлеченіемъ въ скучные часы нашего однообразнаго плаванія. Разъ на крючокъ попался *шаркъ*, величиною въ 5 четвертей. Едва подняли его на палубу и вытащили крючокъ изъ его рта, онъ началъ дѣлать чрезвычайно высокіе прыжки и укусилъ одному матросу ногу такъ, что тотъ былъ потомъ двѣ недѣли боленъ, и потерялъ охоту забавляться подобною ловлею, которая

прежде очень ему нравилась. Вотъ еще одинъ случай: матросъ былъ спущенъ на бесѣдкѣ за бортъ и поправлялъ краскою бѣлую полосу; онъ находился по крайней мѣрѣ аршина на два отъ воды и спокойно продолжалъ свою работу, размахивая спущенными съ бесѣдки ногами. Вдругъ шаркъ вынырнулъ изъ воды и схватилъ съ ноги матроса башмакъ; вѣроятно, онъ цѣлилъ на всю ногу, но вышина не позволила ему исполнить этого намѣренія. Случай этотъ заставилъ насъ быть поосторожнѣе съ шарками, которыхъ очень много водится въ тропическихъ моряхъ, и потому подъ тропиками весьма опасно купаться съ корабля.

Но вотъ съ лѣвой стороны открылась земля; это былъ мысъ Лукасъ, составляющій оконечность Калифорнскаго полуострова. Тутъ попадалось къ намъ на корабль много разныхъ мелкихъ птичекъ. Относимыя отъ берега вѣтрами, онѣ дѣлались постоянными нашими пассажирами и плыли вмѣстѣ съ нами къ землѣ.

Такъ-какъ цѣль нашего прибытія состояла единственно въ размѣнѣ векселя, требовавшей весьма непродолжительнаго времени, то капитанъ заблагоразсудилъ съѣздить въ катерѣ на берегъ, и сдѣлать тамъ размѣнъ векселя, а корабль оставить лавировать близъ береговъ:

во-первыхъ для того, чтобъ вслѣдствіе предписанія главнаго правителя колоній, не платить за якорное мѣсто (хотя впрочемъ корабль нашъ былъ военный, подъ вымысломъ, а по морскому уложенію, военныя суда не платятъ за стоянки въ иностранныхъ портахъ), — а во-вторыхъ, и еще болѣе, для того чтобъ не тратить лишнихъ трудовъ и времени на отданіе и вытаскиваніе якоря.

Это распоряженіе, извѣстное до того времени лишь одному капитану, опечалило почти всѣхъ служителей корабля, потому что каждый думалъ повеселиться по-своему въ богатомъ иностранномъ портѣ, — и теперь всѣ планы будущихъ удовольствій должны были рушиться; но дѣлать было нечего: служба требовала покорности.

Достигнувъ рейда, капитанъ приказалъ привести судно въ дрейфъ и спустить четырнадцати-весельный катеръ; гребцамъ велѣно было надѣть мундиры и взять съ собой на всякій случай ружья. — Командиръ, я и второй штурманъ сѣли въ катеръ и отправились къ берегу; между тѣмъ корабль нашъ, порученный старшему штурману, сдѣлалъ въ морѣ поворотъ, чтобы безопаснѣе можно было лавировать въ ожиданіи возвращенія катера. На кор-

мѣ нашего катера развѣвался флагъ Россійско-Американской Компаніи, съ двуглавымъ орломъ; боцманъ-манъ (помощникъ боцмана) правилъ рулемъ и командовалъ матросами въ свистокъ; въ гребцы нарочно были выбраны рослые, здоровые матросы.

По обширному рейду стояли военные фрегаты: 3 Американскихъ, 60-пушечные, 2 Англійскихъ, тоже 60-пушечные, и одинъ Мексиканскій транспортъ. Борта упомянутыхъ судовъ были унизаны зрителями, смотрѣвшими на нашъ катеръ и на лавирующій корабль; каждому хотѣлось знать причину прихода Русскаго военнаго корабля въ портъ, который никогда еще не посѣщало ни одно Русское судно.

Проѣхавъ рейдъ, мы вошли въ гавань, въ которой стояло много купеческихъ разныхъ націй судовъ 3-хъ-мачтовыхъ и 2-хъ-мачтовыхъ. На пристани также было большое стеченіе любопытныхъ зрителей, собравшихся посмотрѣть на Русскихъ, еще небывалыхъ гостей въ Массатланѣ. Дѣйствительно, многіе изъ тамошнихъ жителей, зная объ Русскихъ только по слуху, почитали ихъ какимъ-то особеннымъ народомъ, и вотъ причина, по которой они съ такимъ любопытствомъ смотрѣли

на Русскій катеръ, еще въ первый разъ приближавшійся къ пристани Массатлана.

Когда мы вышли изъ катера на пристань, насъ встрѣтилъ комендантъ порта, и дружески поздоровавшись съ нами, спросилъ насъ о причинѣ нашего прихода, и почему мы не становимся на якорь.

Капитанъ объяснилъ свою надобность и упомянулъ также, что, можетъ быть, за якорь потребуется плата.

— Намъ очень пріятно видѣть Русскихъ, — отвѣчалъ капитанъ, — и вы хорошо бы сдѣлали, еслибъ стали на якорь и погостили въ нашемъ далекомъ городкѣ подольше. О платѣ не безпокойтесь: корабль вашъ военный, и вы имѣете право стать гдѣ вамъ угодно, не платя ни реала; между тѣмъ вы размѣняете вексель, на что̀ потребуется вамъ времени болѣе, нежели какъ вы полагаете.

Мы поблагодарили коменданта за его ласковое предложеніе и внутренно радовались случаю пробыть подо̀лѣе въ этомъ портѣ, который понравился намъ съ перваго раза.

Командиръ, желая отвѣтить учтивостью на учтивость, попросилъ у коменданта позволенія отсалютовать крѣпости. Комендантъ не отказался отъ этой чести, и нашъ катеръ отправился съ штурманомъ на корабль Наслѣдникъ,

съ приказаніемъ командира стать на якорь и отсалютовать крѣпости семью выстрѣлами. Комендантъ пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать.

Пройдя небольшую, но длинную каменную пристань, на концѣ которой построена таможня, мы встрѣтили человѣка въ синемъ мундирѣ, съ краснымъ воротникомъ, и съ палочкою въ рукѣ. Набалдашникъ палочки изображалъ одноглаваго орла. Это былъ таможенный чиновникъ. Онъ раскланялся съ нами, и не взирая на главнаго своего начальника, шедшаго съ нами, спокойно курилъ папироску. Мы вступили на широкую набережную, вымощенную камнемъ улицу. Передъ нами тянулись по лѣвую сторону бѣлые двухъ и трехъ-этажные домы, довольно красивой архитектуры. Въ нижнемъ этажѣ почти каждаго дома видны были погребки, уставленные тѣсными рядами бутылокъ и бутылей; въ нѣкоторыхъ изъ домовъ раздавался стукъ бильярдныхъ шаровъ и повременамъ слышались звуки фортепіано.

По набережной мы достигли комендантскаго дома и взошли на парадное каменное крыльцо. Арабъ, служившій за швейцара, отворилъ намъ стеклянную дверь въ галлерею, уставленную цвѣтами и разными деревьями; два зеленые попугая, сидѣвшіе на лимонныхъ деревьяхъ, что-

то говорившая намъ въ слѣдъ. Галлерея кончалась аркой, которая вела въ богатый залъ, тоже обставленный фруктовыми деревьями. Огромныя зеркальныя цвѣтныя стекла оконъ бросали радужный свѣтъ на мягкіе ковры, разостланные на гладко-вышлифованномъ каменномъ полу. Кресла тянулись вокругъ всей залы, посрединѣ которой стоялъ круглый столъ съ блюдами для обѣда. Тутъ мы встрѣтили жену коменданта съ двумя маленькими дѣтьми. Казалось, она отъ души была рада посѣщенію Русскихъ, и дѣти рѣзвились вокругъ насъ, таскали свои игрушки и показывали намъ. Мнѣ попалась въ руки книжка съ картинками, изображавшими солдатъ разныхъ націй; тутъ Русскій солдатъ представленъ былъ въ огромномъ размѣрѣ, по сравненію съ прочими: огромные усы и бакенбарды закрывали у него почти все лицо. Картинка эта оправдала мое мнѣніе, что Массатланцы, не видавъ Русскихъ, но только наслышавшись объ нихъ, представляли ихъ себѣ народомъ совершенно отличнымъ отъ другихъ.

Раздался пушечный выстрѣлъ, которымъ салютовали крѣпости съ нашего корабля. Комендантъ повелъ насъ въ другую комнату, откуда былъ видѣнъ весь рейдъ Массатлана. Наслѣд-

никъ стоялъ уже на якорѣ, мили на три отъ берега. Комендантъ въ зрительную трубу любовался чистотою нашего корабля и проворствомъ, съ которымъ матросы убирали паруса.

На нашъ салютъ отвѣтили съ крѣпости тоже семью выстрѣлами. Народъ все еще толпился на пристани, въ ожиданіи Русскаго катера, возвращавшагося съ корабля. Комендантъ послалъ звать къ себѣ обѣдать втораго штурмана, и когда тотъ явился, мы отправились на сытный обѣдъ.

Во время обѣда пришелъ банкиръ и предложилъ свои услуги на-счетъ размѣна векселя. Капитанъ спросилъ его, что это будетъ стоить?

— Помилуйте, — отвѣчалъ банкиръ, — это такая маловажная сумма, что не стоитъ брать съ нея процентовъ. Еслибъ вамъ угодно было размѣнять не 5, а 100 т. піастровъ, то и тогда бы мы ничего не взяли съ васъ за промѣнъ, потому что васъ, Русскихъ, мы здѣсь видимъ въ первый разъ, и намъ было бы очень пріятно, еслибъ вы посѣщали насъ почаще.

Мы поблагодарили банкира за его безкорыстное предложеніе и замѣтили, въ свою очередь, что проценты, которые нужно заплатить за размѣнъ, для насъ тоже незначительны, и мы не хотимъ пользоваться ничѣмъ даромъ,

особенно въ чужомъ портѣ, гдѣ приняли насъ такъ радушно.

— Я знаю Русскихъ, г-нъ капитанъ, — отвѣчалъ банкиръ, они все любятъ поставить на своемъ, но если вы не хотите пользоваться безпроцентнымъ размѣномъ, то позвольте мнѣ замѣтить, что вамъ не размѣнять здѣсь векселя; я увѣренъ, что ни одинъ торговый домъ не возьметъ съ васъ ни процента за размѣнъ. Слѣдовательно, вы должны будете во всякомъ случаѣ принять мою услугу. Когда вамъ угодно взять піастры?

— Если можно, то нельзя ли сегодня, отвѣчалъ командиръ.

— Нѣтъ, сегодня нельзя, — сказалъ банкиръ, — потому что у меня будетъ вечеръ, на которомъ вы должны быть первымъ моимъ гостемъ, а завтра нужная вамъ сумма вся сполна къ вашимъ услугамъ.

Дружественное пожатіе рукъ было знакомъ согласія со стороны капитана, и банкиръ отправился домой.

Комендантъ во время обѣда распрашивалъ насъ о Россіи, о тамошнихъ снѣгахъ и очень удивлялся, когда мы говорили ему, что у насъ есть мѣста, гдѣ глубина снѣга доходитъ до 4-хъ аршинъ, а холодъ до 49°, какъ напр.

въ Якутскѣ, гдѣ живутъ такіе же люди какъ и мы.

Жена коменданта, вѣроятно, не повѣрила бы нашимъ разсказамъ, еслибъ знала, что такое значитъ стужа въ 49°. Едва ли когда случалось ей ощущать холодъ и въ 2°, и потому она не могла составить себѣ понятія о всей жестокости Русскихъ морозовъ.

По окончаніи обѣда, комендантъ предложилъ намъ верховыхъ лошадей для прогулки по городу, но мы отказались, сказавъ, что послѣ безпрерывной ѣзды по морямъ на корабляхъ, намъ пріятно будетъ прогуляться по землѣ пѣшкомъ.

Было около 4-хъ часовъ, и жаръ начиналъ мало-по-малу спадать. Мы отправились внутрь города. Передъ нами открылась площадь; посрединѣ ея стоялъ столбъ съ двумя глаголями, на которыхъ висѣли веревки съ петлями. Это была висѣлица для преступниковъ. За три дня до нашего прихода, на этой самой висѣлицѣ былъ повѣшанъ одинъ молодой человѣкъ за убійство Американскаго штурмана, который имѣлъ связь съ его женою и былъ имъ замѣченъ.

Прошедъ площадь, мы вошли въ небольшую улицу. Апельсины, лимоны, фиги, бананы и

разные фрукты кучами лежали тутъ для продажи на камышевой травѣ. Я видѣлъ здѣсь сахарный тростникъ, который имѣлъ въ діаметрѣ до 10 дюймовъ, а въ вышину до 6 аршинъ. Всѣ эти фрукты ростутъ въ долинахъ Массатлана сами-собою, не требуя никакого присмотра.

Я спросилъ изъ любопытства, что стоитъ сотня апельсиновъ?

— 1 піастръ, отвѣчалъ загорѣвшій отъ солнца канагъ.

— Что жъ такъ дорого? — замѣтилъ я шутливо.

— Вѣдь за ними нужно ходить цѣлые полдня, а здѣсь за денную работу платится 2 піастра; слѣдовательно, цѣна самая обыкновенная.

Капитанъ приказалъ канагу отсчитать 200 апельсиновъ, для матросовъ, и далъ ему 4 піастра.

Канагъ очень былъ благодаренъ щедрости Русскихъ.

Тутъ мы вошли въ огромный гостинный дворъ, обнесенный толстыми колоннами. Богатые магазины тянулись прямыми рядами по правую и по лѣвую сторону; ловкіе, отлично одѣтые торговцы прохаживались взадъ и впередъ, въ ожиданіи покупателей.

Капитану вздумалось купить шаль, и мы вошли въ одинъ Китайскій магазинъ, который увѣшанъ былъ богатыми шалями *Китайской* работы.

— Что стоитъ? — спросилъ командиръ, указывая на одну изъ висѣвшихъ шалей.

— 1000 піастровъ, — отвѣчалъ купецъ.

— А эта?

— 800 піастровъ.

— Покажите мнѣ шали не очень дорогія.

— У насъ пять шалей дешевле 200 піастровъ.

И купецъ развернулъ передъ нами отличныя шали; капитанъ выбралъ одну изъ нихъ и приказалъ отложить до другаго дня.

— А самыя дорогія шали въ какую у васъ цѣну?

Купецъ открылъ коробку и вынулъ огромную шелковую бѣлую шаль съ черными цвѣтами и съ такою же бахрамою. Онъ сжалъ ее въ комокъ и распустилъ опять; шаль нисколько не измялась; потомъ скинулъ съ пальца кольцо и протащилъ сквозь него.

— Сколько стоитъ эта шаль?

— 5000 піастровъ.

— И здѣшніе жители покупаютъ у васъ подобныя вещи?

— Очень часто, — отвѣчалъ купецъ, — торговля наша постоянно въ хорошемъ состояніи.

Судя по богатству товаровъ и по обширности зданій, жители Массатлапа должны быть или очень богаты, или очень расточительны, подумалъ я.

Мы распростились съ купцомъ и пошли далѣе по рядамъ, которые казались одинъ другаго лучше, какъ по убранству своему, такъ и по изяществу находившихся въ нихъ товаровъ.

Въ одномъ изъ магазиновъ замѣтилъ я парусину подъ Русской фирмой. Любопытство побудило меня спросить, какимъ образомъ могло зайдти сюда издѣліе Русскихъ фабрикъ.

— Парусину доставляютъ къ намъ Англійскія купеческія суда изъ Бразиліи, — отвѣчалъ купецъ.

— Да вѣдь тамъ нѣтъ Русскихъ фабрикъ, — сказалъ я.

Купецъ, повидимому, былъ знатокъ въ торговыхъ дѣлахъ, и объяснилъ мнѣ, что Англичане каждогодно привозятъ въ Америку парусины слишкомъ на 12 милліоновъ и продаютъ ее подъ Русской фирмой.

— Значитъ, Русскія произведенія уважаются въ Американскихъ портахъ?

— Все равно, какъ у васъ въ Россіи иностранныя издѣлія.

— А сколько стоитъ здѣсь кусокъ Русской парусины?

— 20 піастровъ.

Да, подумалъ я, очень было бы выгодно, еслибъ Русскіе промышленники сами привозили сюда свои произведенія.

Мы пошли далѣе внутрь гостинаго двора. Во многихъ магазинахъ красовались богатыя вазы. Широкія блонды, узорчатые ковры, разноцвѣтныя шелковыя, шерстяныя и бумажныя ткани, хрустальныя, серебряныя и золотыя издѣлія, все это ослѣпляло взоры и давало высокое понятіе о торговой промышлености Массатланскаго порта.

Внутри гостинаго двора устроены конторы разныхъ иностранныхъ торговыхъ домовъ. Не такъ широкая улица перерѣзываетъ его на двѣ половины. Мы отправились къ концу этой улицы, въ надеждѣ пройти къ пристани, гдѣ ожидалъ насъ катеръ. — По дорогѣ случилось съ нами довольно забавное происшествіе. На одной сторонѣ улицы стоялъ лотокъ съ фруктами; возлѣ него сидѣла обезьяна и ѣла бананы, а болѣе никого не было. Вѣроятно, хозяинъ ушелъ и оставилъ обезьяну караулить

лотокъ; штурманъ, шедшій съ нами, вздумалъ повѣрить на дѣлѣ нашу догадку. Онъ подошелъ къ лотку и взялъ одинъ лимонъ. Обезьяна бросила бананъ, схватила штурмана за фалды, подняла крикъ и не отпускала отъ себя своего плѣнника. Противиться ей было бы безразсудно: она могла бы оторвать фалды, или, и того хуже, исцарапать лицо. Командиръ хотѣлъ-было схватить ее за шею; но она оскалила на него зубы; и такъ, мы смиренно стояли передъ обезьяною до прихода хозяина. Увидѣвъ его, она тотчасъ отпустила штурмана и опять принялась за бананъ. Мы объяснили хозяину въ чемъ было дѣло, и дали ему піастръ. Онъ благодарилъ насъ, а обезьяна все-таки злобно посматривала на штурмана.

Въ концѣ гостиной улицы возвышался огромный 3-хъ-этажный домъ. Это была гостинница. При входѣ на широкую чугунную лѣстницу стояли по обѣимъ сторонамъ на заднихъ лапахъ два льва съ бронзовыми фонарями. Мы вошли во 2 этажъ, прямо въ огромную залу, по срединѣ которой стояла толстая шлифованная подъ мраморъ колонна, упиравшаяся въ потолокъ. Вокругъ нея возвышались ступеньки, уставленныя цвѣтами. Стулья, кресла, диваны были обиты какою-то прекрасною матеріей.

Фруктовыя деревья, стоявшія вокругъ залы, разливали по ней прохладу и свѣжесть; надъ столиками, въ промежуткахъ оконъ, висѣли зеркала въ большихъ бронзовыхъ овальныхъ рамахъ, отражая въ себѣ зелень, корабли и волны залива. Изъ залы другая лѣстница вела въ садъ, съ темными лавровыми аллеями и высокими кокосовыми деревьями. Въ срединѣ сада находился довольно большой прудъ съ двумя пристанями; по его зеркальной поверхности носилась красивая шлюпка съ косыми парусами; въ ней сидѣло нѣсколько мужчинъ и дамъ.

Въ гостинницѣ вмѣсто служителей прислуживали молодыя дѣвушки миловидной наружности. Хозяинъ, старикъ почтеннаго вида, расхаживалъ по залѣ, куря папироску, и молча раскланиваясь съ гостями. Мы спросили мороженаго, и служанка подала намъ три раковинки съ мороженымъ. — Съѣвъ порціи, мы позвонили въ колокольчикъ. Къ намъ подошла тоже дѣвушка.

— Что вамъ нужно заплатить за мороженое? — спросилъ капитанъ.

— 6 піастровъ.

— Что жъ такъ дорого? — замѣтилъ онъ шутя.

— Здѣсь очень дорогъ ледъ, — отвѣчала дѣвушка, — его достаютъ съ высокихъ горъ и съ большимъ трудомъ.

— Съ нами нѣтъ денегъ, — въ шутку сказалъ капитанъ. — Повѣрь намъ эту сумму.

— Извольте, — отвѣчала съ улыбкою прислужница.

Мы поблагодарили ее за довѣріе, отдали 6 піастровъ за мороженое и одинъ подарили ей.

Зала была наполнена гостями, въ особенности офицерами стоявшихъ на рейдѣ Англійскихъ и Американскихъ фрегатовъ. Тутъ много было и дамъ съ мужьями, или съ знакомыми. Нѣкоторыя изъ нихъ курили папироски, другія пили кофе, или смотрѣли, какъ мужья ихъ играли въ лото, или въ домино. Здѣсь дамы не считаютъ за неприличіе посѣщать подобныя заведенія даже безъ кавалеровъ.

По правую и по лѣвую сторону залы видны были другія комнаты, меньшаго размѣра. Въ нихъ стояли бильярды и шахматные столики.

Когда мы вошли въ одну изъ упомянутыхъ комнатъ, какой-то жирный Англичанинъ предложилъ нашему капитану съиграть съ нимъ одну игру въ шахматы. Капитанъ хорошо умѣлъ играть въ эту игру, но не былъ до нея охотникъ; однакоже сѣлъ, чтобъ потѣшить Англи-

чанина. Любопытные собрались вокругъ столика смотрѣть, на чьей сторонѣ будетъ побѣда.

Англичанинъ первый выдвинулъ двухъ солдатъ: одного отъ короля, другаго отъ крѣпости.

Капитанъ выдвинулъ съ своей стороны тоже двухъ солдатъ: одного отъ короля, другаго отъ дамы.

Слѣдовало ходить Англичанину. Не знаю, почему, онъ сдѣлалъ второй выходъ конемъ. Ошибка была непростительная. Капитанъ воспользовался этимъ случаемъ, отдалъ солдата, а дамой сдѣлалъ шахъ и матъ королю.

Англичанинъ, увидѣвъ, что проигралъ игру, слегка нахмурилъ брови, потомъ громко захохоталъ (кажется, болѣе отъ досады) и велѣлъ подать дюжину шампанскаго. Учтивость требовала со стороны капитана выпить съ Англичаниномъ хотя одну бутылку. Послѣдній заплатилъ за поданное шампанское деньги и роспилъ съ капитаномъ одну бутылку; остальныя же одиннадцать, до которыхъ чудакъ не хотѣлъ и дотронуться, кажется, всѣ пошли въ пользу хозяина.

Мы пошли въ садъ. Тамъ иные пили чай подъ тѣнью деревъ, за маленькими столиками,

другіе отдыхали въ китайскихъ бесѣдкахъ, изъ которыхъ видѣнъ былъ океанъ и корабли съ развѣвающимися флагами.

Солнышко почти уже скрылось. Наступилъ вечеръ. Жалко намъ было разстаться съ такимъ веселымъ мѣстомъ, но дѣлать было нечего: на рейдѣ насъ ждалъ корабль.

Выйдя изъ гостинницы и прошедъ прямую улицу, ведущую къ самой пристани, мы встрѣтили нашихъ матросовъ слишкомъ на-веселѣ. Боцманъ-манъ, съ растегнутымъ мундиромъ и надвинутою набекрень фуражкою, стоялъ посреди пристани съ бутылкою въ рукахъ и угощалъ какого-то Французскаго разнощика (онъ служилъ на военномъ Французскомъ корабле и былъ въ дѣйствіи при Наваринской битвѣ).

Увидѣвъ насъ, боцманъ-манъ отдалъ бутылку Французу, кивнулъ ему головой и крикнулъ матросамъ:

— Эй, ребята! копись!

Матросы, услышавъ этотъ призывъ, собрались въ катеръ кто какъ могъ.

— Экъ вы нализались, — сказалъ капитанъ, принявъ на себя строгій видъ, между тѣмъ какъ штурманъ и я внутренно радовались этому случаю, по которому можно было остаться на берегу.

— Виноваты, ваше благородіе, — сказалъ боцманъ-манъ, — немножко промочили душу.

— Это что за родню угощалъ ты? — продолжалъ капитанъ, садясь въ катеръ.

— Землякъ, ваше благородіе!

— Да ты развѣ Французъ?

— Нѣтъ, ваше благородіе: сами знаете, что я христіанинъ. Землякомъ я называю его потому, что онъ былъ на Французскомъ кораблѣ при Наваринѣ и пособлялъ намъ бить Турокъ, когда еще мы служили съ вами на Азовѣ.... Отваливай! скомандовалъ боцманъ-манъ, забывъ о свисткѣ.

Гребки ударили въ воду и катеръ медленно сталъ подвигаться къ кораблю.

Когда мы отвалили отъ берега, въ то время на берегу военная музыка заиграла зорю. Мы молча продолжали путь, но мысли наши уносились на берегъ.

Вотъ уже $^1/_4$ часа, какъ мы плыли по рейду, а отплыли отъ пристани не болѣе какъ на полмили.

— Что-то мы слишкомъ тихо подвигаемся, — замѣтилъ штурманъ.

— Навались, дружки! — кричалъ матросамъ боцманъ-манъ. — Эхъ какое проклятое теченіе, такъ и валитъ къ берегу.

— Нѣтъ, вѣрно, ромъ валитъ васъ въ катеръ, — сказалъ капитанъ. — Эдакъ съ вами и къ утру не попасть на корабль. Поворачивай назадъ.

Отъ радости боцманъ-манъ самъ себѣ скомандовалъ: «слѣва на бортъ!» и катеръ стрѣлою понесся къ пристани.

— Ай-да молодцы! хорошо, проводи дружней! — продолжалъ бомцамъ-манъ.

— Вотъ я васъ завтра всѣхъ перепорю, такъ вы и узнаете, какъ надо ѣздить, — сказалъ капитанъ съ притворно-сердитымъ видомъ.

Кажется, мы ходко идемъ, — замѣтилъ боцманъ.

Не прошло 10 минутъ, и мы достигли пристани. По выходѣ изъ катера, капитанъ отдалъ приказаніе матросамъ никуда не расходиться, караулить катеръ и быть воздержными.

— Слушаемъ, ваше благородіе! — отвѣчали матросы въ одинъ голосъ.

Музыка еще не переставала играть, и мы трое, капитанъ, штурманъ и я, отправились въ городъ, который былъ освѣщенъ фонарями. Въ Массатланѣ нѣтъ бульваровъ, но широкіе тротуары, освѣщаемые частыми фонарями, служатъ мѣстомъ прогулки для публики. Постоян-

ный дневной жаръ не позволяетъ публикѣ прогуливаться днемъ; но когда солнышко скроется и настанетъ прохладный вечеръ, тогда тротуары наполняются прогуливающимися дамами и кавалерами.

Мы прогуливались довольно долго. Роскошная природа, благорастворенный воздухъ, который мы съ жадностью впивали въ себя, при мысли о скоромъ возвращеніи въ дождливую Ситху, пріятное образованное общество, въ которомъ такъ давно уже мы не были и съ которымъ на другой же день должны были разстаться, лестное преимущество, быть предметомъ вниманія и уваженія всѣхъ этихъ нарядныхъ и блестящихъ группъ, однимъ словомъ, все способствовало къ тому, чтобъ вечеръ этотъ на долго остался въ нашемъ воспоминаніи.

На поворотѣ одного тротуара намъ встрѣтился комендантъ, прогуливавшійся съ женою. Онъ, повидимому, очень радъ былъ этой встрѣчѣ и желалъ раздѣлить съ нами время прогулки. Между нами завязался разговоръ, и мы, незамѣтно прошедъ улицу, вышли на площадь, гдѣ вѣшаютъ преступниковъ. Въ срединѣ ея было темно, а по сторонамъ горѣли фонари. Отъ этой площади шла прямая улица къ при-

стани. До слуха нашего доносились Русскія пѣсни

— Это ваши поютъ, — сказалъ комендантъ.

Мы прямо пошли къ пристани. Тамъ увидѣли мы густую толпу народа; неподалеку отъ пристани стояли пирамидою ружья, вокругъ нихъ сидѣли наши матросы, и пѣли любимую пѣсню:

Торжествуетъ вся наша Россія. . .

Мѣсто это было ярко освѣщено фонарями; свѣтъ падалъ также и изъ отворенныхъ оконъ ближнихъ домовъ. Матросы не старались забираться въ глубину города: имъ нужна была водка, и они нашли ее здѣсь, и въ-добавокъ даровую, потому-что многіе изъ слушателей подносили имъ ромъ, джинъ и разныя вина. Жители Массатлана хотя и не понимали Русскихъ пѣсенъ, но имъ очень нравился напѣвъ ихъ.

Комендантъ подошелъ къ веселому кружку, вынулъ дублонъ, далъ боцманъ-ману, и хотѣлъ идти, но жена упросила его подождать; ей очень понравились Русскія пѣсни; потомъ, обратясь къ намъ, она сказала:

— Вы, кажется, дали обѣщаніе быть сегодня на вечерѣ у банкира. Такъ мы отправимся вмѣстѣ.

И мы черезъ полчаса уже были у банкира.

Обширный дворъ внутри дома банкира наполненъ былъ верховыми лошадьми. Надобно замѣтить, что въ Массатланѣ нѣтъ экипажей, и туземцы обоего пола вообще ѣздятъ верхомъ. Во второмъ ярко освѣщенномъ этажѣ дома гремѣла музыка. Мы вошли въ залу, наполненную гостями, еще до окончанія *кавалерскаго* танца, привлекшаго наше любопытство. Хотя намъ не удалось застать его начала, но я узналъ отъ другихъ, въ чемъ онъ состоитъ.

По предварительному условію, собирается извѣстное число кавалеровъ и дамъ; первые со шпагами, а вторыя съ вѣнками изъ искуственныхъ, или натуральныхъ цвѣтовъ. Пары раздѣляются на двѣ равныя части и устанавливаются въ шеренгу такъ, чтобы кавалеры, со шпагами въ рукахъ, находились впереди одинъ противъ другаго, а дамы сзади ихъ, съ поднятыми кверху вѣнками. Подъ тактъ музыки кавалеры начинаютъ приближаться другъ къ другу и фехтуютъ шпагами. Каждый старается достать концемъ своей шпаги вѣнокъ у дамы своего vis-à-vis. Дама должна бросить

на шпагу вѣнокъ, и кавалеръ, которому противникъ не успѣлъ отпарировать, выходитъ изъ шеренги, беретъ даму, имѣетъ полное право поцѣловать ее и провертѣться съ нею въ быстромъ вальсѣ. Кавалеръ, который не успѣлъ схватить вѣнокъ, также беретъ даму, но не имѣетъ права поцѣловать ее, а только вальсируетъ съ нею. Танецъ этотъ, по живости и быстротѣ его движеній, очень намъ понравился; онъ хорошъ еще и тѣмъ, что пріучаетъ къ военнымъ упражненіямъ молодыхъ людей, которые въ-случаѣ надобности могутъ служить дополненіемъ къ гарнизону. Послѣ кавалерскаго слѣдовали *бурро*, *хотто*, *качуча*, и прочіе извѣстные и неизвѣстные у насъ танцы. Обращеніе съ нами хозяина, хозяйки и гостей было самое радушное; казалось, они съ особеннымъ удовольствіемъ видѣли въ кругу своемъ Русскихъ, посѣтившихъ еще въ первый разъ столь отдаленную страну.

Я зашелъ въ одну изъ боковыхъ комнатъ. Тамъ за открытымъ столомъ сидѣли пять Мексиканцевъ и играли въ карты. Весь столъ былъ покрытъ высокими кучками дублоновъ; судя по спокойнымъ лицамъ играющихъ, можно было подумать, что изъ нихъ никто не страшился проигрыша, хотя бы и довольно огромнаго. —

Стало разсвѣтать. Гости начали разъѣзжаться одинъ за другимъ, кромѣ нѣкоторыхъ запоздалыхъ игроковъ.

Мы хотѣли также распроститься съ банкиромъ и ѣхать на свое судно, но онъ остановилъ насъ, сказавъ:

— Господа, лучше переночуйте у меня, а завтра получите свои деньги.

Мы съ удовольствіемъ приняли предложеніе услужливаго банкира, и намъ отвели комнату для ночлега. Сонъ что-то бѣжалъ отъ глазъ моихъ, воображеніе было еще полно воспоминаній минувшаго вечера. На востокѣ заиграла заря; я видѣлъ, какъ солнце всходило изъ-за высокихъ горъ, подернутыхъ легкимъ утреннимъ туманомъ, какъ будто прозрачною дымкою. Оно было уже довольно высоко, но жители Массатлана все еще покоились сномъ; улицы были пусты; лишь время отъ времени проходилъ по нимъ патруль, состоявшій изъ семи человѣкъ. У каждаго въ рукѣ было ружье. Одежда ихъ состояла изъ бѣлыхъ парусинныхъ брюкъ и изъ такой же куртки съ краснымъ воротникомъ, изъ черной портупеи съ сумкой и низенькаго клинообразнаго кожанаго кивера съ мѣднымъ одноглавымъ орломъ. Судя по неровному шагу Мексиканскихъ солдатъ, нельзя

предположить, чтобъ они могли сравниться съ Европейскими солдатами, не говоря уже о Русскихъ.

Въ концѣ улицы я замѣтилъ трехъ человѣкъ. Одинъ изъ нихъ, въ черной мантіи, шелъ впереди съ книгою въ рукахъ, двое другихъ, въ бѣлыхъ курткахъ и шляпахъ съ большими полями, слѣдовали за нимъ съ длинными пиками.

— Что это за люди? — спросилъ я у служителя, находившагося въ нашей комнатѣ.

— Это, — отвѣчалъ онъ, — пасторъ съ своими тѣлохранителями; онъ вѣрно идетъ куда-нибудь съ требою.

На крѣпостной башнѣ пробило шесть часовъ; на улицахъ стали появляться люди. Такъ какъ домъ банкира находился въ прямой линіи набережной, то изъ комнаты, отведенной намъ наканунѣ для ночлега, видна была вся пристань. Лишь только отворились погребки, матросы были первыми ихъ посѣтителями; вѣроятно, они съ большимъ нетерпѣніемъ дожидались этого блаженнаго часа, потому что еще задолго до наступленія его стучались въ двери и окна погребковъ.

Послѣ матросовъ, открывшихъ раннее засѣданіе свое въ погребкѣ, на улицѣ явились во-

довозы. Любопытенъ ихъ способъ возки воды. Бочка вмѣщаетъ въ себѣ по-крайней-мѣрѣ ведръ до 15. Къ обоимъ днамъ ея центрально прикрѣплены оси и продѣты въ длинныя оглобли, въ которыя запрягается одинъ человѣкъ и съ легкостію катитъ бочку по гладкимъ улицамъ.

Улицы постепенно наполнялись разнощиками, разнощицами и торговцами гостинаго двора. Капитанъ нашъ еще спалъ, я же и штурманъ вышли изъ дому и пошли прогуляться по городу. Пройдя нѣсколько каменныхъ строеній, мы встрѣтили театръ — очень красивое зданіе, украшенное съ передняго фасада колоннами коринѳскаго ордена; неподалеку отъ него находилась довольно обширная больница; далѣе слѣдовалъ конный дворъ съ казармами; влѣво былъ рынокъ, заваленный разными плодами и огородною зеленью. Тутъ мы вышли на другую сторону города, которую также омывалъ заливъ, слѣдовательно городъ расположенъ на большомъ мысу. Передъ нами тянулся длинный рядъ лачужекъ, сколоченныхъ кое-какъ изъ тонкихъ досокъ и покрытыхъ банановыми листьями; вокругъ была великая нечистота и лежали груды сору. Это жилища канагъ, полунагихъ, загорѣлыхъ отъ жару. Занятія ихъ состоятъ въ

подепныхъ работахъ; опи переносятъ и перевозятъ тяжести, копаютъ землю, употребляются для посылокъ, однимъ словомъ, исправляютъ всѣ такъ называемыя черныя работы. Жены нѣкоторыхъ изъ нихъ занимаются продажею плодовъ, за которыми сами ходятъ въ лѣсъ, или собираютъ по-найму сахарный тростникъ, или дома плетутъ изъ травъ и кореньевъ мѣшки, корзинки, топкія рогожки и т. п. Пройдя эти лачужки, мы взошли на гористый мысъ; съ вершины его видны были весь городъ и заливъ, съ судами. Семь колоколенъ возвышались въ разныхъ сторонахъ города; до тысячи домовъ, по большой части каменныхъ, тѣсно были расположены на обширномъ мысу; ко многимъ изъ нихъ примыкали сады съ пальмами, кокосами, банановыми и лавровыми деревьями. На востокъ простиралась роскошная долина, упиравшаяся далеко въ гору и покрытая мелкими лимонными, померанцовыми и апельсинными деревцами; по ней широкой полосой пролегала дорога въ Мексику. Долго любовались мы разнообразными видами Масатлана. Но намъ было уже время воротиться въ домъ банкира. Пришедъ туда, мы застали капитана за кофеемъ въ кругу банкирова семейства, которое пригласило и насъ раздѣлить

съ нимъ завтракъ; послѣ чего принесли пять мѣшковъ піастровъ.

— Вотъ извольте сосчитать, — сказалъ банкиръ.

— Вѣроятно, они сосчитаны, — отвѣчалъ капитанъ.

— Да, здѣсь 5000 піастровъ.

— Слѣдовательно, ихъ нечего считать; прикажите придти нашимъ матросамъ, взять эти мѣшки и снести въ катеръ, — сказалъ капитанъ, обратясь къ штурману, который чрезъ нѣсколько времени привелъ пятерыхъ матросовъ.

Такимъ образомъ мы дружески разстались съ банкиромъ и его семействомъ. Штурманъ отправился на катеръ, а капитанъ пошелъ со мною въ гостинный дворъ взять выбранную наканунѣ шаль, и закупить *для освѣженія* команды нѣсколько провизіи. Къ полудню мы уже готовы были отваливать, простились съ Массатланомъ, и катеръ нашъ отплылъ отъ пристани.

Грустно намъ было разставаться съ этимъ роскошнымъ берегомъ, и мы молча продолжали путь; наконецъ достигли корабля, который съ развѣвающимся отъ легкаго вѣтерка вымпеломъ медленно переваливался на волнахъ океана; вокругъ корабля стояло множество неболь-

шихъ лодочекъ, пріѣхавшихъ съ фруктами и разными мелкими галантерейными вещами. Несмотря на далекое разстояніе корабля отъ берега, торговцы не страшились встрѣтить на пути своемъ опасность, которая могла бы произойти отъ внезапнаго вѣтра. Они плыли на вѣрный сбытъ своихъ произведеній, и дѣйствительно, по пріѣздѣ нашемъ къ кораблю, лодки были уже пусты и готовились въ обратный путь.

По выходѣ капитана изъ катера на корабль, старшій штурманъ отрапортовалъ ему о благосостояніи судна и команды, потомъ доложилъ, что въ то время, какъ отвалили мы отъ корабля, съ Англійскаго фрегата пріѣзжала шлюпка съ лейтенантомъ, узнать о причинѣ нашего прихода въ Массатланъ.

— Что же вы отвѣчали лейтенанту? — спросилъ капитанъ.

— Я сказалъ ему, — отвѣчалъ штурманъ, — что причина прихода мнѣ неизвѣстна, и что капитанъ уѣхалъ на берегъ.

Выслушавъ рапортъ штурмана, капитанъ приказалъ готовиться къ выходу.

Раздался свистокъ боцмана и вызвалъ матросовъ, бывшихъ внутри корабля, на палубу, чтобъ подымать катеръ въ ростры и выкаты-

вать цѣпь. Когда корабль сталъ на пангеръ, матросы разсыпались по реямъ для отдачи парусовъ. Всѣ эти работы производились чрезвычайно быстро; съ стоявшихъ на рейдѣ фрегатовъ были наведены на нашъ корабль зрительныя трубы. Вѣроятно, иностранцы съ любопытствомъ наблюдали за стройными и проворными движеніями Русскихъ матросовъ. Отдавъ паруса, мы сдѣлали поворотъ въ море; тутъ съ нашего корабля раздался салютъ крѣпости Послѣдній, седьмой выстрѣлъ былъ самый громкій, потому что въ пушку положили двойной зарядъ съ тугимъ пыжомъ, натертымъ солью. Съ крѣпости также отвѣтили равнымъ числомъ выстрѣловъ. Съ послѣднимъ изъ нихъ весь рейдъ покрылся дымомъ отъ выстрѣловъ съ иностранныхъ фрегатовъ. Иностранцы также пожелали проститься съ нами семивыстрѣльнымъ салютомъ, на который, въ благодарность за ихъ дружеское расположеніе, мы отвѣтили девятью выстрѣлами, и направили путь къ NNW въ Калифорнскій заливъ или Багряное море. Молча смотрѣли мы на постепенно исчезающія зданія Массатлана и мысленно переносились къ очаровательному берегу и его гостепріимнымъ жителямъ, которые такъ ласково приняли насъ, пришельцевъ съ далекаго Сѣвера.

На бакѣ составился кружокъ изъ матросовъ, бывшихъ и небывшихъ на берегу. Между ними находился и боцманъ-манъ. Первые разсказывали свои приключенія, послѣдніе имъ завидовали.

— Ну, — сказалъ одинъ изъ бывшихъ на берегу, — напали же мы на мѣстечко; вотъ какъ попили, что, право, кажется, и отродясь изъ насъ никто такъ не пивалъ.

— Что жъ, на рубахи что ли пили вы? — спросилъ матросъ изъ небывшихъ на берегу, — вѣдь денегъ-то у васъ былъ грошъ.

— Эхъ, голова; да у насъ денегъ-то было столько, что скупому въ полгода не прожить.

— Гдѣ жъ вы раздобылись?

— Еще бы не раздобыться! Намъ такъ давали деньги, только лишь бери. Когда мы пріѣхали на пристань, народу столько собралось смотрѣть на насъ, какъ будто на какое чудо. Во второй нашъ пріѣздъ капитанъ былъ у коменданта. Мы остались одни. Тутъ какой-то баринъ съ двумя барынями подошелъ къ намъ, и они что-то долго межъ собой толковали; потомъ баринъ далъ одному изъ береговыхъ денегъ, и тотъ принесъ двѣ бутылки рому съ большимъ стаканомъ. Баринъ взялъ стаканъ, налилъ его полнехонекъ и далъ выпить пер-

вому мнѣ. — Что за кладъ, подумалъ я, да и смекнулъ, вѣрно, онъ хочетъ показать барынямъ, какъ Русскіе пьютъ. Я снялъ фуражку, сдѣлалъ ему почтеніе и выпилъ залпомъ, даже не поморщившись. Барыни такъ и ахнули. Потомъ онъ угостилъ другаго, третьяго, купилъ еще бутылокъ пять и подалъ всѣмъ. Барыни, глядя на насъ, только пожимали плечами. Тутъ еще какой-то принесъ намъ джину, и мы такъ подпили ловко....

— Что даже не могли и ѣхать, — подхватилъ боцманъ.

— Какъ не могли! — сказали человѣка три почти въ одинъ голосъ. — Мы были ужъ на половинѣ дороги, да капитанъ приказалъ поворотить назадъ. Вишь, будто насъ утащитъ въ море, если будемъ такъ грести.

— Оно и значитъ, что были очень пьяны, — замѣтилъ боцманъ.

— На брасы! — раздалась команда вахтеннаго штурмана.

— Есть! — былъ отвѣтъ боцмана, и матросы разсѣялись по палубѣ. Вѣтеръ отошелъ къ SSO и сдѣлался полнымъ фордевиндомъ. Струя зашипѣла подъ кораблемъ и мы, при самой малой качкѣ, плыли по семи узловъ.

Разстояніе, которое надлежало намъ переплыть отъ Массатлапа до Лоретто, простиралось на 280 миль. Къ вечеру на другой день нашего выхода показался вторично мысъ Лукасъ съ лѣвой стороны. Мы шли въ параллель берегу восточной стороны Калифорніи, не теряя его изъ виду. Онъ казался то высокимъ, то низменнымъ, то исчезалъ изъ глазъ, вѣроятно, отъ большихъ заливовъ, далеко простиравшихся внутрь Калифорнскаго полуострова. Погода стояла самая благопріятная. Съ береговъ доносился до нашего корабля запахъ душистыхъ деревъ и полевыхъ цвѣтовъ.

На третій день мы увидѣли входъ въ заливъ Эскандито. Высокіе утесы раздѣлялись въ разныхъ направленіяхъ проливами, и издали трудно было распознать, гдѣ находится настоящій проходъ въ Эскандитскую бухту. Вѣтръ былъ тихъ, и мы почти однимъ теченіемъ приближались къ мѣсту своего назначенія; наконецъ вступили въ неширокій проливъ, окруженный высокими берегами. Здѣсь мы встрѣтили совершенный штиль. Къ 8-ми часамъ теченіе перемѣнилось, сдѣлавшись противнымъ, и постепенно усиливалось. Бросаемые лоты не доставали грунту; бросили лотлинь; глубина оказалась 49 сажень, и такъ, по невозможности

отдать якорь, намъ оставалось или идти впередъ въ бухту, или поворотить въ море. Послѣдній выборъ, сопряженный съ удаленіемъ отъ береговъ, конечно никакому моряку не можетъ нравиться. И такъ, не разбирая чиновъ, мы стали всѣми силами буксироваться до якорнаго мѣста, спустили катеръ и шлюпки; вся команда перешла на гребныя суда. Капитанъ сталъ править рулемъ, а мы пошли на реи убирать паруса, которые, отъ безвѣтрія, хлопали о стеньги. Луна освѣщала передъ нами дикіе утесы, и окружающая насъ тишина нарушалась только взмахами веселъ, дружно ударявшихся о сонныя воды. Къ полуночи мы достигли мыса, у котораго можно было бросить якорь. Отсюда намъ уже недалеко оставалось до Эскандитской бухты, гдѣ предстояла намъ продолжительная стоянка. Капитанъ, чтобъ дождаться попутнаго теченія и между тѣмъ временемъ дать отдохнуть командѣ, заблагоразсудилъ стать на якорь, въ глубинѣ осьмнадцати саженей. Мы простояли тутъ пять часовъ; наконецъ дождались попутнаго теченія, и съ разсвѣтомъ, выкативъ якорь, потянулись въ бухту, подобную Камчатской. Она отвсюду защищена отъ вѣтровъ, берегъ ея съ обѣихъ сторонъ сливается съ долиною, покрытой мелкимъ ку-

старникомъ и непредставляющей никакого замѣтнаго строенія, кромѣ одного развалившагося отъ времени каменнаго дома. Въ прежніе годы, когда свирѣпствовала въ Лоретто повальная болѣзнь, Испанцы, боясь заразиться, привозили въ этотъ домъ больныхъ и оставляли въ немъ на-произволъ судьбы. Нѣкоторые изъ страдальцевъ исцѣлялись отъ болѣзни и возвращались въ свои семейства, большая же часть умирали и предавались землѣ съ потребными обрядами религіи. Ошвартовавъ судно, командиръ и я подъѣхали въ шлюпкѣ къ самымъ развалинамъ и вышли на берегъ; возлѣ него лежала огромная куча жемчужныхъ раковинъ, собранныхъ для пережиганія изъ нихъ извести. Далѣе разстилалась равнина, поросшая кустарникомъ. Множество столѣтника, толщиною обхвата въ два, возвышалось на ней. На большомъ числѣ деревьевъ видны были ягоды алаго цвѣта; мнѣ удалось сорвать нѣсколько изъ нихъ, и онѣ показались мнѣ очень пріятнаго вкуса.

Извилистыя тропинки далеко тянулись кустарниками, между которыми пробирались мы, въ надеждѣ увидѣть какое-либо селеніе; но отойдя болѣе полумили отъ берега, ничего подобнаго не встрѣтили. Твердый грунтъ земли

мѣстами былъ покрытъ пробѣлинами: это выступала отъ солнечнаго зноя на поверхность земли соль. Вдругъ послышался конскій топотъ.

Чрезъ непродолжительное время показался изъ-за кустовъ всадникъ, въ синей курткѣ съ красными обшлагами, въ парусинныхъ бѣлыхъ брюкахъ и въ соломенной шляпѣ. Это былъ комендантъ изъ Лоретто. Поздоровавшись съ нами, онъ почтительно спросилъ о причинѣ нашего прибытія.

— Намъ нужно соли, — отвѣчалъ капитанъ.

— Сколько тоннъ въ вашемъ кораблѣ? — продолжалъ комендантъ. — Я долженъ донести объ этомъ своему правительству въ Ваймосъ; тамъ назначатъ цѣну за тоннъ, и тогда вы можете брать соль съ Кармена.

Капитанъ сказалъ меньшее число тоннъ, чѣмъ дѣйствительно подымалъ нашъ корабль, ибо никому не было нужды мѣрить наше судно; притомъ же, судя по самому коменданту, какъ лицу, долженствующему занимать первое мѣсто въ Лоретто, вѣроятно, не нашлось бы въ цѣломъ городѣ такого человѣка, который умѣлъ бы вычислить кубическiя пространство нашего корабля.

Мы всѣ трое продолжали путь. По дорогѣ встрѣтилось намъ очень красивое растеніе, подобное вьющемуся перлиню. Я хотѣлъ отломить частичку растенія, чтобъ посмотрѣть его сердцевину, но едва дотронулся до него, какъ почувствовалъ въ рукѣ колотье и пальцы начали у меня пухнуть. По счастію, что компедантъ былъ съ нами Какъ жителю здѣшнихъ мѣстъ, ему знакомо было свойство этого растенія, и онъ научилъ меня, чтобъ я потеръ ладонь и пальцы объ волоса моей головы. Я воспользовался этимъ простымъ средствомъ, и дѣйствительно, опухоль и колотье у меня исчезли.

Вотъ, показалась загородка довольно большаго огорода или сада. Тамъ росли разные огородные овощи и садовые плоды; посреди ихъ увидѣлъ я перецъ, виноградъ и множество деревьевъ хлопчатой бумаги. Далѣе была площадка; посреди ея стояла хижина, съ небольшой пристройкой. Вотъ вамъ и все селеніе Эскандито. Тутъ живетъ одинъ Испанецъ (донъ-Хуанъ). Внутренность дома его показываетъ пустоту; кромѣ одного стола, съ скамейками вокругъ, а въ другой комнатѣ кровати съ нѣсколькими сундуками, въ домѣ почтеннаго дона напрасно бы вы стали искать другой мебели. Все семейство

его состоитъ изъ жены и четверыхъ дѣтей. По правую сторону дома устроенъ былъ колодезь, изъ котораго два мула посмѣнно вытаскивали воду въ чанъ для пойла скота. Богатство донъ-Хуана заключается въ табунахъ лошадей, въ рогатомъ скотѣ, въ овцахъ, съ которыхъ сбираетъ онъ шерсть, и въ нѣсколькихъ слугахъ.

Тутъ мы разстались съ комендантомъ, который спѣшилъ въ Лоретто, чтобъ написать донесеніе въ Ваймосъ о приходѣ Русскаго корабля за солью. Мнѣ кажется, трудно найти жизнь спокойнѣе и уединеннѣе донъ Хуановой. Осмотрѣвъ помѣстье донъ-Хуана, мы отправились на корабль. На другой день командиръ и я, взявъ лошадей у донъ-Хуана, отправились съ проводникомъ, въ Лоретто. — Эскандито отстоитъ отъ Лоретто на 20 миль. Привычные кони быстро понесли насъ по высокимъ каменистымъ горамъ Небольшія озера простирались вдали; ихъ спокойная, зеркальная поверхность манила наши взоры. Дорога была гориста только до половины, потомъ раскрылись передъ нами прелестныя долины, покрытыя роскошною растительностью. По лѣсамъ встрѣчалось намъ множество попугаевъ; они какъ будто шутили съ нами; близко подпускали къ себѣ и потомъ отлетали далѣе. — Вдали пока-

зался монастырь, обнесенный зубчатою стѣной со многими башнями; мѣстами онъ былъ разрушенъ, но судя по его величественной наружности, вѣроятно, отличался великолѣпіемъ. Онъ стоялъ одинъ посреди площади; далеко отъ него виднѣлись небольшіе каменные домики, раскиданные вдоль залива. Посреди города протекалъ извилистый ручей, по берегамъ котораго росли кокосовыя и банановыя деревья. Близъ ручья стоялъ домъ нѣсколько получше другихъ. Мы въѣхали на его широкій дворъ. Домъ принадлежалъ одной вдовѣ, женѣ бывшаго коменданта, но, кажется, и нынѣ сохранившей власть свою и вліяніе на весь Лоретто, потому что, какъ замѣтилъ я, жители этого бѣднаго городка съ особеннымъ почтеніемъ являлись къ ней. Она имѣетъ очень зажиточное состояніе, а по необыкновенной толщинѣ своей, вѣроятно, въ цѣломъ городѣ не находитъ никого равнаго себѣ. Мы остановились на ночлегъ въ ея домѣ. Поутру намъ подали чай, что очень рѣдко можно встрѣтить у другихъ жителей Лоретто. Завтракъ также былъ очень вкусный и изобильный; про фрукты же и говорить нечего, — онѣ здѣсь нипочемъ. Фиги составляютъ въ Лоретто предметъ торговли; ихъ рвутъ, набиваютъ въ кожаные

мѣшки и продаютъ по 3 піастра за квиталъ. Въ прежніе годы здѣсь много добывали жемчугу, но нынѣ стало его очень мало. У нѣкоторыхъ изъ жителей мнѣ случалось видѣть добытый въ Калифорнскомъ заливѣ жемчугъ превосходной доброты, чистой воды и величиною съ каленый орѣхъ; только такого очень мало. Я купилъ у двухъ канагъ золотника три жемчугу; онъ былъ величиною съ конопляное сѣмя, въ томъ числѣ находилось нѣсколько жемчужинъ въ горошину; за все заплатилъ я пять пятушекъ виргинскаго табаку.

Въ Лоретто водятся въ большомъ изобиліи черепахи. Намъ удалось самимъ ловить ихъ. Для этого мы спускали бревешко, черепахи сами всползали на него, мы притягивали его къ мелкому берегу и просто брали черепахъ руками. Верхняя чешуя Калифорнскихъ черепахъ очень красива, а вкусное мясо служитъ въ пищу.

Въ Лоретто приходятъ суда изъ Массатлана, и берутъ у жителей на-мѣну или на деньги ихъ произведенія, заключающіяся въ жемчугѣ (въ маломъ количествѣ), черепахахъ, фигахъ, апельсинахъ, лимонахъ, померанцахъ и кокосахъ.

Въ трехъ домахъ торговали виномъ своего издѣлія, но оно было очень дурно, по неумѣнью приготовлять его.

Послѣ завтрака у бывшей комендантши, мы пошли во внутренность монастыря. Огромныя желѣзныя двери были отворены; черезъ нихъ мы прошли на одинъ дворъ, перейдя который, увидѣли каменную лѣстницу, ведущую въ храмъ, и поднялись по ней на паперть. Направо, сквозь стеклянную дверь, видѣнъ былъ алтарь, въ которомъ уже давно не совершалось службы, потому что пасторъ, имѣя постоянное пребываніе въ Ваймосѣ, очень рѣдко пріѣзжаетъ въ Лоретто. По карнизамъ лежали толстые слои пыли и мѣстами пауки плели длинныя нити паутины. По лѣвую сторону находилась большая комната съ огромными книгами; нѣкоторыя изъ нихъ были длиною аршина въ полтора, а толщиною по-крайней-мѣрѣ четверти въ двѣ. Любопытно было заглянуть въ содержаніе этихъ исполинскихъ книгъ, но безъ пастора мы не хотѣли нарушать ихъ спокойствія, которымъ наслаждаются онѣ, вѣроятно, очень съ давняго времени, — чему служитъ доказательствомъ и покрывающая ихъ пыль. Монастырь внутри раздѣляется на нѣсколько дворовъ, пе-

перегороженныхъ толстыми стѣнами, заросшими мхомъ.

Наводненіе разрушило Лоретто, и въ немъ считается не болѣе 200 жителей обоего пола. Здѣсь все показывало отсутствіе прежняго народонаселенія. Въ иныхъ мѣстахъ мальчишки совершенно нагіе валялись по песку, или бѣгали на четверенькахъ въ-перегонку. Все наводило скуку. Мы зашли къ коменданту, у котораго домъ былъ ничѣмъ не лучше другихъ, какъ снаружи, такъ и внутри. При входѣ нашемъ въ комнату, комендантъ сидѣлъ на сундукѣ и читалъ черновое донесеніе о приходѣ нашего корабля. Онъ сказалъ намъ, что еще вчера послалъ нарочнаго съ донесеніемъ въ Ваймосъ, и что намъ надо дожидаться отвѣта дня черезъ четыре.

Капитанъ подарилъ ему десятокъ сигаръ, за которыя онъ очень благодарилъ насъ, признавшись, что у нихъ уже давно нѣтъ табаку. Капитанъ обѣщался еще прислать пять фунтовъ курительнаго табаку. Начальникъ города Лоретто не находилъ словъ какъ отблагодарить щедро Русскаго капитана.

Прибывъ на корабль, капитанъ, не дожидаясь отвѣта изъ Ваймоса на донесеніе коменданта,

отправилъ 10 человѣкъ команды на островъ Карменъ, находящійся въ тридцати миляхъ отъ Эскаванто и изобилующій солью. Посланные снабжены были провизіей на три недѣли и отправлены на барказѣ. Имъ дали также палатки. Спустя нѣсколько времени, поѣхалъ и я съ капитаномъ на Карменъ—осмотрѣть мѣстность и узнать, нѣтъ ли на поверхности озера воды. По прибытіи нашемъ, озеро, къ удивленію, было полно воды на глубину слишкомъ 2¼ аршинъ. Эта неудача крайне опечалила насъ; оставалось или идти назадъ въ Ситху съ пустымъ кораблемъ, или дожидаться, когда обсохнетъ вода и соль выступитъ на поверхность; но касательно послѣдняго обстоятельства мы ничего не могли сказать вѣрнаго, ибо вода отъ дождей могла прибыть еще болѣе прежняго. Во всякомъ случаѣ, благоразуміе заставляло насъ подождать нѣсколько времени и сдѣлать наблюденіе убыли воды. Прошла недѣля; воды убыло лишь на одинъ футъ. Судя по подобной убыли, намъ предстояло очень долго дожидаться выступленія соли на поверхность озера, напрасно терять время и тратить провизію, которой достать было не откуда, а потому капитанъ объявилъ, что намѣренъ обратно идти въ Ситху.

Надобно замѣтить, что въ прежніе разы, компанейскія суда, приходя съ тою же цѣлію на островъ Карменъ, находили озеро сухимъ, и соль, какъ ледъ, покрывала его толщиною на полъ-аршина, такъ что десять человѣкъ команды, въ теченіе 8 дней, наламывали соли на полный грузъ судна въ 350 тоннъ. Соль обходилась Компаніи по 50 коп. за пудъ и была превосходной доброты.

Мы стали приготовляться къ обратному походу, дополнили баласту и запаслись дровами. Послѣднія надѣлали намъ много хлопотъ. Мы воспользовались выкидниками, состоявшими по большей части изъ сердцевинъ столѣтника. То были довольно толстыя бревна, источенныя большими дырами. Онѣ сухи и горятъ превосходно. Набравъ такихъ дровъ барказовъ до шести, мы уложили ихъ въ трюмъ. Дня черезъ два на суднѣ появились скорпіоны, которые размножались все болѣе и болѣе. Не понимая причины появленія этихъ гадовъ, мы однажды достали для камбуза изъ трюма сложенныя тамъ недавно набранныя дрова. Фельдшеръ, бывшій на нашемъ кораблѣ, сѣлъ на кучку вынесенныхъ дровъ, и вдругъ, вскрикнувъ ужаснымъ образомъ, прыгнулъ такъ высоко, что чуть не перевалился за фальшбортъ. Причина вскорѣ

открылась. Когда онъ сѣлъ на дрова, скорпіонъ вползъ къ нему на шею и впустилъ въ нее ядовитое свое жало. Эта нестерпимая боль сопровождалась скорой опухолью, и еслибъ вскорѣ не захватить рану, то страдальца ожидала неминуемая смерть. Самымъ спасительнымъ средствомъ противъ укушенія скорпіона служатъ нюхательный табакъ съ солью: надлежитъ присыпать этой смѣсью рану, и опухоль немедленно прекратится. Этотъ примѣръ до того напугалъ насъ и сдѣлалъ осторожными, что мы принуждены были окуривать судно.

Совершенно приготовившись къ отплытію, мы вытянулись изъ бухты Эскандито, вышли на просторъ Калифорнскаго залива, обогнули мысъ Лукасъ, въ послѣдній разъ взглянули въ ту сторону, гдѣ стоялъ роскошный Массатланъ, и стали постепенно приближаться къ сѣверу.

На тридцать шестой день корабль нашъ уже стоялъ въ Ново-Архангельской гавани острова Ситхи.

Тутъ кончилось законтрактрованное время службы моей въ Россійско-Американской Компаніи, и любовь къ родинѣ манила меня выѣхать изъ Россійскихъ колоній. — Путь пред-

стоялъ мнѣ чрезъ Аянъ, съ которымъ я хочу познакомить любознательныхъ читателей.

АЯНЪ.

Аянъ находится при Охотскомъ морѣ, въ разстояніи на 300 миль къ югу отъ Охотскаго порта.

Это новое поселеніе принадлежитъ Россійско-Американской Компаніи, которая давно уже искала удобнаго мѣста, гдѣ бы ея колоніальныя суда могли имѣть спокойную гавань, и откуда было бы способнѣе переправлять пушные товары въ Якутскъ, минуя Алданскій путь, представляющій на каждомъ шагу величайшія затрудненія при перевозкѣ по немъ товаровъ.

Розыски эти были поручены бывшему лейтенанту, г. Орлову, служившему прежде въ Россійско-Американской Компаніи. Онъ предложилъ ей услуги свои въ отысканіи спокойной гавани въ Охотскомъ морѣ и кратчайшаго

пути для доставленія пушныхъ товаровъ въ Якутскъ.

Г. Орловъ успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Не взирая на гибельныя препятствія, которыя могли встрѣтиться ему на пути, онъ съ двумя человѣками въ небольшой лодкѣ безстрашно пустился въ открытое море и на четвертый день своего плаванія прибылъ въ Аянскую бухту; осмотрѣлъ мѣстность, промѣрилъ фарватеръ, распланировалъ будущую факторію, и нашелъ, что здѣсь представляется болѣе удобства для судовъ, сравнительно съ Охотскою мѣстностью. Подробное донесеніе его чрезъ посредство начальника Охотской факторіи, г-на капитанъ-лейтенанта Завойко, представлено было Главному Правленію Россійско-Американской Компаніи.

Правленіе немедленно сдѣлало должныя распоряженія касательно переноски Охотской факторіи въ Аянъ.

Въ 1843 году г. Орловъ былъ посланъ управляющимъ въ Аянъ. Съ нимъ отправлено 20 человѣкъ наемныхъ Якутовъ и 5 Русскихъ компанейскихъ служителей, для начатія тамъ необходимыхъ первоначальныхъ построекъ. Черезъ годъ въ Аянѣ находились уже: магазинъ

для складки привозимыхъ товаровъ, казармы для рабочихъ, бани, — и было разчищено по плану мѣсто для будущихъ товаровъ.

Въ 1844 году бригъ «Байкалъ» привезъ въ Аянъ изъ Ситхи необходимые для тамошняго края товары, разные съѣстные припасы и пять семей Алеутовъ на постоянное жительство, для разныхъ посылокъ байдарками по новымъ Аянскимъ берегамъ, равно и для встрѣчи приходящихъ судовъ.

Въ этотъ же годъ присланъ въ Аянъ Корпуса Флотскихъ Штурмановъ г. Савинъ, для управленія Аяномъ, и г. Орловъ назначенъ проложить дорогу посредствомъ рѣкъ въ Якутскъ. Онъ дѣйствовалъ чрезвычайно успѣшно, прибылъ новымъ путемъ въ Якутскъ и тамъ распорядился отправить караванъ съ компанейскими товарами по Алданской дорогѣ уже не въ Охотскъ, а прямо въ Аянъ.

Въ 1845 году первый Якутскій транспортъ уже былъ въ Аянѣ. Въ возникающемъ поселеніи всюду видна была дѣятельность: все оживлялось духомъ промышлености, дотолѣ невѣдомой въ сихъ пустынныхъ мѣстахъ; наконецъ, въ Іюлѣ мѣсяцѣ того же года, перебрался въ Аянъ самъ начальникъ, г. Завойко,

а съ нимъ и всѣ жители Охотской факторіи, взявъ съ собою всѣ свои пожитки и компанейскія клади и оставивъ одни пустыя строенія въ прежнемъ своемъ жилищѣ.

Г. Завойко, неусыпно заботясь объ улучшеніи Аяна, съ необыкновенною поспѣшностію двинулъ работы, развелъ огородъ, для доставленія жителямъ новой колоніи необходимыхъ овощей, и въ особенности обратилъ вниманіе на расчищеніе дороги къ рѣкѣ Маѣ, на протяженіи 250 верстъ. Мая, вливаясь однимъ рукавомъ въ Алданъ, впадающій (тоже однимъ рукавомъ) въ Лену, образуетъ такимъ образомъ судоходный путь къ Якутску.

Стараніями г. Завойко заложенъ въ Аянѣ храмъ, въ который еще до начатія стройки присланы были богатый иконостасъ, серебряные подсвѣчники, паникадила и образа отличной живописи.

Въ 1846 году, въ половинѣ Іюня въ Аянскомъ рейдѣ стоялъ корабль «Наслѣдникъ», пришедшій изъ Ситхи съ пушными и другими товарами для Аяна и пассажирами прожившими законтрактованное время въ Россійско-Американской Компаніи и возвращавшимися въ Россію. На кораблѣ находился Преосвященнѣй-

шій Иннокентій съ немногимъ числомъ духовенства. Онъ ѣхалъ обозрѣвать мѣста, лежащія при Охотскомъ морѣ. По правую сторону рейда возвышались гигантскіе краснаго аспида утесы, между которыми встрѣчались аспидныя розсыпи и известковыя отрубленныя скалы, съ большимъ уклоненіемъ въ воду. Когда идешь близъ нихъ во время малой воды, невольная робость нападаетъ на сердце при взглядѣ на вершины этихъ громадныхъ утесовъ, которые, кажется, отъ малѣйшаго потрясенія воздуха готовы рухнуться всею тяжестію своей массы.

Далѣе, по правую же сторону рейда, ближе къ селенію, скалы постепенно понижаются и наконецъ сливаются съ небольшою равниною, поросшею кедрами, березникомъ, сосной, осиной, ольхой, елью, мелкимъ шиповникомъ и черешникомъ; тутъ же разливается небольшое, но глубокое озеро; за нимъ поднимается небольшая гора, которая съ самой вершины опускается незамѣтнымъ уклономъ внизъ къ селенію.

По лѣвую сторону къ Маньджуріи, далеко простирается непрерывная цѣпь горъ разной величины; вечеромъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ я замѣчалъ волканическій огонь. — Близъ се-

ленія слѣва видѣнъ низменный каменный рифъ, который при большихъ водахъ дѣлается незамѣтнымъ. По всему Аянскому рейду и даже въ самой бухтѣ водится чрезвычайное множество нерпъ, и кой-гдѣ изрѣдка выпрыгиваетъ на поверхность воды кижучь или горбушка (рыба).

Каждый изъ пассажировъ нетерпѣливо желалъ ступить поскорѣе на твердую землю, отдохнуть на родномъ материкѣ и, можетъ быть, навсегда распроститься съ шумомъ бурнаго океана.

Корабль нашъ стоялъ на рейдѣ близъ праваго берега. Мѣсто было довольно спокойное, и потому судно не имѣло надобности втягиваться въ гавань; притомъ же селеніе находилось въ разстояніи не болѣе полумили — слѣдовательно, катерамъ не предстояло большой работы въ перевозкѣ груза и пассажировъ.

Прежде всего отправили на берегъ пушные товары, которыхъ было слишкомъ на два милліона; потомъ двинулись катера съ разными пассажирами, — въ числѣ ихъ находились женщины и дѣти, всего человѣкъ до 70.

Когда приплыли мы къ песчаному берегу гавани, начался осмотръ всѣмъ пассажирскимъ вещамъ, потомъ каждаго по-очереди ощупали. По окончаніи этого таможеннаго осмотра, пассажиры имѣли полную свободу подняться на небольшую луговину, разстилавшуюся близъ берега, и удалиться въ лѣсъ отъ надоѣвшаго шума волнъ.

Съ берега, гдѣ пристаютъ гребныя суда, невидать Аянскаго селенія; въ глаза бросается одинъ запасный магазинъ, выстроенный нарочно ближе къ водѣ, чтобы можно было скорѣе и удобнѣе переносить товары въ катера и изъ катеровъ. Неподалеку отъ магазина стоятъ двѣ мѣдныя пушки для сигналовъ; между ними поставленъ шпицъ, на которомъ развѣвается флагъ Россійско-Американской Компаніи.

Самое селеніе расположено въ лѣсу, въ разстояніи почти на версту отъ берега. Все это пространство есть не что иное, какъ перешеекъ двухъ заливовъ, оканчивающійся къ морю большимъ утесистымъ круглымъ мысомъ. Лѣсъ, окружающій селеніе, запрещено рубить на далекое разстояніе, потому что онъ служитъ защитою отъ вѣтровъ, дующихъ съ обѣихъ сторонъ перешейка.

Слѣва отъ селенія возвышаются лѣсистыя горы; изъ одной вытекаетъ небольшая рѣчка, или, лучше сказать, ручеекъ, съ чистой, вкусной водой.

Строевой лѣсъ доставляютъ въ Аянъ лѣтомъ лошадьми, а зимой на собакахъ, которыхъ находится тамъ до 40 паръ.

Такъ-какъ въ Аянѣ еще не было выстроено лишнихъ домовъ, гдѣ могли бы помѣститься пассажиры, то мы расположились въ палаткахъ, въ которыхъ должны были дожидаться вьючныхъ лошадей, пока онѣ придутъ изъ Якутска въ Аянъ съ компанейскими кладями.

Лѣто въ бытность мою въ Аянѣ было чрезвычайно жаркое, такъ что Реомюровъ термометръ постоянно показывалъ отъ 20 до 22°. Зима же, какъ говорятъ, бываетъ тамъ довольно суровая и снѣгъ выпадаетъ очень глубокій. Впрочемъ, по сравненію съ Охотскомъ, зима въ Аянѣ несравненно теплѣе.

Растительность тамъ очень бѣдна. Малина, земляника, черника, морошка, черемуха, изрѣдка смородина красная и черная — составляютъ всѣ плоды тамошняго края. Въ огородѣ, разведенномъ г. Завойко, росли хорошо раз-

ныя овощи, какъ-то: свекла, рѣпа, морковь, огурцы, рѣдька, петрушка, укропъ и картофель. Судя по почвѣ, земля, кажется, довольно удобна для посѣвовъ, кромѣ хлѣбныхъ, ибо для пробы былъ посѣянъ овесъ, но онъ пропалъ не дозрѣвъ.

На озерѣ бываетъ множество дикихъ утокъ и гусей; по лѣсу встрѣчаются куропатки, перепела, а въ утесахъ топорки, чайки и бѣлоголовые орлы. Въ тундрахъ Аяна преимущественно водятся отличные соболи; Тунгусы ловятъ ихъ и продаютъ въ Аянъ, гдѣ установлена на нихъ такса по 15 руб. асс. за шкуру. Медвѣди отличаются болѣе чернымъ цвѣтомъ и не такъ велики, какъ Американскіе бурые медвѣди.

Однажды рано утромъ прошелъ неподалеку отъ нашихъ палатокъ черный медвѣдь, величиною аршинъ двухъ; вѣроятно, онъ ходилъ пить въ Аянскую рѣчку (потому что на возвратномъ пути шелъ, утирая морду) — потомъ поднялся въ гору и исчезъ въ глубинѣ лѣса.

Въ заливахъ, ближайшихъ къ Аяну, водится очень мало рыбы; за нею посылаютъ барказы къ небольшой вытекающей изъ горы рѣкѣ, находящейся въ 25 верстахъ ниже къ югу отъ

Аяна и изобилующей рыбою. Дурное устье этой рѣки дѣлаетъ большое препятствіе рыбной ловлѣ, между тѣмъ какъ рыба необходима въ Аянѣ, если не для людей, то для собакъ, ибо составляетъ постоянную ихъ пищу. Послѣднія, въ зимнее время, замѣняютъ въ Аянѣ лошадей — на нихъ возятъ строевой лѣсъ, а иногда ѣздятъ нартами въ Охотскъ или Якутскъ. — Скотъ пригоняютъ въ Аянъ изъ Якутска.

Обратимся къ самому селенію.

Посреди селенія Аянъ стоитъ Божій храмъ; съ довольно высокою колокольнею. — Я былъ свидѣтелемъ умилительнаго зрѣлища, глубоко потрясающаго душу посреди этихъ безмолвныхъ пустынь далекаго сѣвера. При мнѣ происходило освященіе храма, при мнѣ въ первый разъ дикіе берега Аяна огласились звономъ колокола, сзывавшаго христіанъ на молитву въ то мѣсто, гдѣ еще недавно возвышался дремучій боръ. Гулъ его разнесся по далекимъ окрестностямъ и пробудилъ кочевыхъ Тунгусовъ, носившихъ имя христіанъ. Началась служба, которую совершалъ Преосвященнѣйшій Иннокентій съ прочимъ духовенствомъ; въ воздухѣ разносилось громкое пѣніе, еще неслыханнымъ въ тѣхъ мѣстахъ, и вокругъ церкви

понесли хоругви, на которыхъ ярко отражались солнечные лучи. Множество Тунгусовъ, не смѣя, по природной своей робости, войти въ самый храмъ, съ умиленіемъ стояли неподалеку отъ него; у каждаго изъ нихъ виденъ былъ на груди мѣдный крестъ, данный при крещеніи. Позади ихъ смирно стояли олени.

Тунгусы, увидавъ это шествіе и Архіерея, сопровождаемаго духовенствомъ въ полномъ облаченіи, пали ницъ и усердно молились. Владыко обошелъ храмъ и кропилъ Святою водою полудикихъ христіанъ. По окончаніи службы, у начальника новой факторіи былъ обѣдъ; командѣ и Тунгусамъ выдали по чаркѣ рому.

Во время нашего житья въ палаткахъ Тунгусы приносили намъ оленье молоко и сухое оленье мясо, за что мы всякій разъ поили ихъ чаемъ, до котораго они большіе охотники.

Но вотъ показался на горѣ караванъ, съ кладью изъ Якутска, и у каждаго радостно забилось сердце при мысли о скоромъ отбытіи изъ Аяна на Якутскую дорогу. — Дѣйствительно, въ четыре дня лошади успѣли отдохнуть, и мы снова пустились въ дорогу съ такою же тяжестію, съ какою шли въ Аянъ. — Намъ предстояло ѣхать сухимъ путемъ только 250

верстъ, до рѣки Маи, достигнувъ которой мы уже спокойно могли плыть прямо въ Якутскъ, минуя трудный Алданскій переѣздъ, простирающійся на 1000 верстъ.

Прежде всего отправили ящики съ пушными товарами и небольшимъ числомъ пассажировъ, въ числѣ которыхъ находился и я.

Простившись съ Аяномъ, мы обогнули на малой водѣ гору, находящуюся по лѣвую сторону бухты, переправились черезъ небольшое болото и выѣхали на вновь прорубаемую дорогу, шириною сажени въ двѣ, и довольно ровную. Изрѣдка встрѣчались намъ небольшіе мостики; проложенные черезъ болота или черезъ незначительные овраги. — Г. Завойко хочетъ проложить эту дорогу такъ, чтобы по ней можно было ѣздить на телѣгахъ; что, впрочемъ, очень трудно; и едва ли можно надѣяться на успѣшное окончаніе этого благодѣтельнаго предпріятія.

Чѣмъ далѣе пробирались мы въ глубину лѣса, тѣмъ удушливѣе становилась для насъ атмосфера. Вѣроятно, это происходило отъ жару, который былъ довольно силенъ, а можетъ быть и отъ того, что мы болѣе привыкли нахо-

диться на обширныхъ водахъ океана, чѣмъ въ глубинѣ тундръ.

На третій день ѣзды намъ встрѣтились Якуты, расчищавшіе дорогу; это значило, что мы находились въ 80 верстахъ отъ Аяна. — Далѣе, дорога, хотя и ровная, сдѣлалась затруднительнѣе, потому что безпрестанный валежникъ преграждалъ намъ путь; потомъ стали показываться небольшія рѣчки, которыя мы проходили въ бродъ; наконецъ обозначились на горизонтѣ довольно высокія горы. — Вотъ одна изъ нихъ, Тчин-журъ, отрасль Яблоннаго хребта, покрытая снѣгомъ и послѣдняя къ рѣкѣ Маи. По ней надлежало переправиться нашему каравану. Мы достигли до нея на 7 й день по отъѣздѣ изъ Аяна. У подошвы Тчин-жура караванъ нашъ расположился продневать, чтобы въ продолженіе этого времени дать отдыхъ усталымъ лошадямъ и пототъ пуститься на высокую крутизну горы. На другой день утромъ караванъ нашъ потянулся на гору. Привычные и опытные Якуты, которымъ дорога эта была знакома какъ нельзя лучше, вели лошадей косыми направленіями, минуя опасныя мѣста; мы же всѣ шли пѣшкомъ. По мѣрѣ приближенія къ вершинѣ горы, атмосфера хладѣла постепенно, и путь становился болѣе и болѣе

опаснымъ, особенно для лошадей съ пяти-пудовыми ношами. — Снизу снѣгъ казался намъ небольшимъ клочкомъ, но когда мы ступили на него, предъ нами открылось весьма значительное пространство глубокаго снѣга, съ крѣпкою, почти оледенѣвшею поверхностью. — Опасность на каждомъ шагу увеличивалась; лошади чуть-чуть двигались отъ усталости и безпрестанно падали на скользкомъ пути, который тянулся длиннымъ косогоромъ. Наконецъ караванъ достигъ вершины Тчин-жура въ 6 часовъ вечера. Съ высоты ея представлялись взорамъ сплошныя цѣпи горъ, далеко простиравшіяся направо и налѣво. Дорога, по которой мы поднимались, казалась лежащею на отлогой скалѣ, ибо далѣе къ рѣкѣ вершина Тчин-жура незамѣтно склоняется и потомъ сливается съ долиною. На самой вершинѣ не было снѣгу, но сильный вѣтеръ не позволялъ намъ долго наслаждаться отдыхомъ. Въ короткое время мы почти всѣ продрогли отъ холода, и такъ какъ время уже клонилось къ вечеру, то поспѣшили проѣхать караваномъ обнаженный уклонъ горы, тянувшійся верстъ на пять до лѣсу. Доѣхавъ до лѣса, мы не могли найти удобнаго кормовища для лошадей, и потому принуждены были продолжать путь до первой

какой-нибудь луговинки, чтобы сдѣлать на ней привалъ. Однако же усталость овладѣла нами и мы расположись на довольно невыгодномъ мѣстѣ. Отсюда далеко слышанъ былъ гдѣ-то шумъ водопада, но изъ насъ не выискалось ни одного столь любопытнаго, чтобы пойти посмотрѣть, въ какомъ размѣрѣ бѣжитъ вода водопада.

На другой день въ полдень караванъ нашъ стоялъ на лѣвомъ берегу рѣки Маи, которая, вытекая изъ Яблоннаго хребта, течетъ болѣе кривыми направленіями, временемъ раздѣляется рукавами, между которыми образуются островки; кой-гдѣ попадаются мели; мѣстами она имѣетъ небольшіе разливы. Рѣка эта очень неузка и довольно быстра. При большомъ накопленіи въ ней воды отъ дождей, она подымается, дѣлается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень широкою, и въ это время теченіе ея бываетъ до 6 узловъ или 6 миль въ часъ. Берега ея покрыты густымъ лѣсомъ, въ особенности правая сторона, гдѣ безпрестанно встрѣчаются высокія отвѣсистыя скалы и временемъ тянется топкая низменность. — На всемъ протяженіи этой рѣки не встрѣчается ни одной юрты кочующаго Тунгуса. Здѣсь все пустынно, всюду безлюдно; только на правомъ берегу рѣки расположено селеніе, состоящее изъ 5 домовъ. Въ

нихъ живутъ поселенцы, привезенные въ 1845 году изъ Охотска съ тою цѣлію, чтобы они занимались постройкою лодокъ, на которыхъ Компанія будетъ возить пассажировъ и нужные товары въ Якутскъ, и сверхъ-того усовершенствовали хлѣбопашество. Въ бытность мою на Маи въ концѣ Іюля, рожь и овесъ, хотя посѣянные не въ большомъ изобиліи, начинали колоситься. По разсказамъ тамошнихъ жителей, они встрѣтили первую зиму въ Октябрѣ мѣсяцѣ, осень же стояла теплая и сухая; слѣдовательно, хлѣбъ будетъ поспѣвать въ свое время; къ-тому же почва здѣсь довольно черноземиста.

Лошадей, на которыхъ мы пріѣхали къ Маи, Якуты погнали на старую Алданскую дорогу, переправивъ ихъ вплавь на правую сторону рѣки.

Тутъ мы встрѣтили г. Орлова, который съ лодками, готовыми къ отплытію въ Якутскъ, ждалъ нашего пріѣзда. Мы, нисколько не медля, нагрузили компанейскіе товары въ лодки, сѣли сами, и подъ управленіемъ г. Орлова пустились внизъ по Маи къ Алдану. Г. Орловъ хорошо зналъ фарватеръ нашего пути; ибо въ первый свой поѣздъ по рѣкамъ составилъ подробную карту всѣмъ имъ; такимъ образомъ

плаваніе наше не представляло ни малѣйшихъ затрудненій. Проплывъ по Маи 600 верстъ, мы достигли устья сей рѣки, которая при впаденіи въ Алданъ имѣетъ въ ширину до полуторы версты.

По правую сторону Алдана виднѣлось селеніе, къ которому мы причалили наши лодки. Оно состоитъ не болѣе какъ изъ десяти домовъ. Мѣстность селенія вообще ровная; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ простирались пашни, на которыхъ лежали снопы недавно снятаго хлѣба. Я спросилъ у одного изъ поселянъ: «хорошо ли ростетъ здѣсь хлѣбъ» — «благодаримъ Бога,» отвѣчалъ онъ мнѣ: «привознымъ хлѣбомъ не нуждаемся, а если бываютъ иногда неурожайные годы, такъ у насъ есть запасы». — Судя по хлѣбу, земля здѣсь должна быть способна къ произращенію огородныхъ овощей, а можетъ быть и другихъ плодовъ.

Мы запаслись здѣсь кой-какими припасами и поплыли по широкому Алдану къ рѣкѣ Ленѣ.

Алданъ орошаетъ водами своими такія же дикія, пустынныя мѣста, какъ и рѣка Мая, только теченіе его несравненно тише послѣдней. Онъ выходитъ изъ Яблоннаго хребта, течетъ извилинами и не имѣетъ пороговъ. Из-

рѣдко попадались намъ островки, но нигдѣ не было мелей; берега его болѣе низменны; на нихъ мѣстами возвышаются скалы и на далекое пространство тянется густой лѣсъ, въ которомъ ростетъ множество кедровника. — Иногда встрѣчались намъ Тунгусы въ веткахъ, и мы пользовались отъ нихъ стерлядями, которыхъ ловятъ они въ Алданѣ.

На девятый день нашего плаванія по Алдану, простиравшагося на 700 верстъ, мы достигли устья сей рѣки, которая широкимъ разливомъ впадаетъ въ Лену. Здѣсь, по лѣвую сторону Лены, насъ уже дожидались лошади, заранѣе присланныя изъ Якутска, чтобъ тянуть бечевою наши лодки вверхъ по теченію Лены; ибо Якутскъ находился отъ насъ на 200 верстъ выше. Берега, по которымъ тянули насъ, были ровны вплоть до Якутска, и мы благополучно прибыли въ него черезъ три дни. Такимъ образомъ наше плаваніе отъ селенія Маи до Якутска продолжалось 16 дней, въ теченіе которыхъ мы проплыли 1500 верстъ; если соединить къ тому 7 дней, употребленныхъ на верховую ѣзду отъ Аяна до Маи, на протяженіи 250 верстъ, тогда путь отъ Аяна до Якутска будетъ заключать въ себѣ 1750 верстъ, совершаемыхъ въ 23 дни. — Путь этотъ несравненно

удобнѣе прежней Алданской дороги; безспорно, послѣдняя заключаетъ въ себѣ гораздо менѣе 1750 верстъ, но за то требуетъ на переѣздъ вдвое болѣе времени. — Къ сожалѣнію, этимъ путемъ можно пользоваться только изъ Аяна въ Якутскъ; изъ Якутска же въ Аянъ грузъ все-таки нужно доставлять по старой Алданской дорогѣ, ибо, по причинѣ дурныхъ береговъ Алдана, и въ особенности Маи, покрытыхъ скалами, топями и лѣсами, нельзя тянуться противъ теченія сихъ рѣкъ; къ-тому же негдѣ взять лошадей для бичевой тяги. Если заранѣе пригонять ихъ изъ Якутска на Алданъ и Маи, то по отдаленности сихъ мѣстъ ни одинъ Якутъ на это не согласится; держать же постоянно при означенныхъ рѣкахъ запасныхъ лошадей на счетъ Компаніи, будетъ стоить ей значительныхъ расходовъ; но мы должны быть благодарны и за это открытіе новаго пути, который чрезвычайно способствуетъ оживленію торговой дѣятельности въ пустынныхъ странахъ Восточной Сибири.

Въ продолженіе моей службы въ Россійско-Американской Компаніи мнѣ приходись дѣлать много походовъ на восточные берега Азіи, западные берега Америки и на острова Восточнаго океана. Имѣвъ возможность хорошо ознакомиться съ тамошнею мѣстностью и потребностями жителей, я увѣренъ, что Русскіе промышленники могли бы получать вѣрныя и несомнѣнныя выгоды, еслибъ завели торговыя сношенія на моряхъ, прилегающихъ къ Китаю и омывающихъ западные берега Америки. Россійско-Американская Компанія, съ ея огромными средствами, легко могла бы извлекать для себя эти выгоды; но такъ какъ кругъ ея дѣйствій ограничивается извѣстнымъ пространствомъ, главный же предметъ ея занятій состоитъ преимущественно въ ловлѣ звѣрей, доставляющихъ мягкую рухлядь, слѣдовательно Компанія и не можетъ служить Русскимъ промышленникамъ какъ бы доказательствомъ невыгодности распространенія торговли въ отдаленныхъ предѣлахъ Восточнаго океана, потому только, что сама не вступаетъ въ эти предпріятія. Между тѣмъ, для Русскихъ товаровъ въ тѣхъ краяхъ представился бы отличный сбытъ,

состоящій въ мѣнѣ на туземныя произведенія, которыя, по внутренней своей цѣнности и по обилію въ количествахъ, могли бы приносить значительные барыши при распродажѣ въ другихъ мѣстахъ, кои, въ свою очередь, снабжали бы промышленника новыми произведеніями, равно выгодными къ сбыту.

До сихъ поръ еще ни одно Русское торговое судно не совершало кругосвѣтной экспедиціи; но, судя по всѣмъ вѣроятностямъ, стоитъ сдѣлать только первую попытку, которая увѣнчалась бы успѣхомъ, и тогда открылся бы обширный путь Русскимъ промышленникамъ для сбыта отечественныхъ произведеній на отдаленныхъ моряхъ. Ознакомившись съ обычаями и потребностями туземцевъ, узнавъ хорошо мѣстность и прочія подробности, необходимыя при торговыхъ сношеніяхъ, Русскіе промышленники, по врожденной имъ смѣтливости, этой неотъемлемой принадлежности Русскаго ума, могли бы извлекать для себя большія пользы, и увеличить свои капиталы въ короткое время, — конечно, если не воспрепятствуютъ тому неблагопріятныя обстоятельства, какъ-то: кораблекрушеніе, значительныя аваріи, и проч.

Я упомяну здѣсь о выгодѣ, которую получилъ въ Калифорніи, отъ взятыхъ съ собою для опыта съ острова Ситхи:

10	ярд.	сукна.........	по	9	руб........		90	руб.
20	—	тику...........	—	1	—		20	—
30	—	парусины....	—	1	—	20 к.	36	—
40	—	миткалю.....	—	1	—	— —	40	—
2	п.	желт. сах. песку	—	12	—		24	—
						Всего....	210	руб.

По прибытіи въ Калифорнію, я, не дѣлая мѣны, продалъ на наличные піастры:

10	ярд.	сукна....	за 1 ярд.	по	25	руб.	250	руб.
20	—	тику......	—	—	2	—	40	—
30	—	парусины	—	—	2	50 к.	75	—
40	—	миткалю.	—	—	2	50..	100	—
2	пуда	сахарнаго жел. песку	—	—	40	—	80	—
						Всего....	545	руб.

И такъ 210 руб. составили 515 руб. наличными деньгами, на которыя я купилъ въ портѣ Лоретто жемчугу, черепахи и фруктовъ, какъ удобныхъ для меня товаровъ, привезъ въ

Русскія владѣнія, гдѣ получилъ рубль на рубль наличными деньгами, слѣдовательно на 210 руб., въ теченіе 6 мѣсяцевъ и при компанейскихъ занятіяхъ, имѣлъ я 1090 руб.

Видя такія выгоды, я счелъ обязанностію представить Русскимъ промышленникамъ вышеозначенный въ маломъ количествѣ выводъ. Конечно, здѣсь не включены фрактовыя, содержаніе экипажа и разные экстренные судовые расходы. Мною представлена слишкомъ маловажная сумма, которая служила мнѣ только опытомъ. Но если Русскимъ промышленникамъ угодно будетъ обратить вниманіе на краткій проэктъ торговли по Восточному океану, то для сего представляю, что будетъ стоить годичная кругосвѣтная экспедиція, и какія товары наиболѣе для того потребны и выгодны.

		Серебр: рубли.
Судно въ 250 тоннъ, съ исправнымъ такелажемъ, запаснымъ рангоутомъ, двумя комплектами парусовъ и со всѣми къ нему принадлежностями.....	—	25,000

Купить судно въ Або, гдѣ будетъ оно стоить 20% дешевле, чѣмъ въ С.-Петербургѣ. Судно при покупкѣ должно быть освидѣтельствовано опытнымъ командиромъ, и именно тѣмъ же самымъ, который будетъ совершать на немъ плаваніе. Такимъ образомъ, ручаясь за цѣлость корабля и принимая на себя отвѣтственность во время плаванія на немъ, онъ при осмотрѣ будетъ обращать особенное вниманіе на его прочность и способность къ выдержанію дальняго пути.

	Серебр. рубли.
Командиръ опытный, знающій Русскій и Англійскій языки.........	2,000
2 штурмана практикованные.......	1,500
16 человѣкъ матросовъ; въ числѣ ихъ нѣкоторые должны знать мастерства, именно: токарное, кузнечное, купорное и столярное..................................	2,000

	Серебр. рубли.
На первый разъ коммиссіонеръ, который долженъ быть оставленъ на Сандвичевыхъ островахъ..	1,000
Главный суперкаргъ или управляющій всей экспедиціей; онъ долженъ всегда находиться при суднѣ для распоряженій по мѣстамъ, гдѣ назначится торговля.	4,000
Лучше всего предложить ему такъ, чтобъ онъ получилъ со всего окончательнаго оборота торговли по 1% съ рубля, чрезъ что онъ будетъ имѣть болѣе предпріимчивости для успѣха торговли, какъ въ отношеніи собственной пользы, такъ и того лица, чей положенъ первоначальный капиталъ.	
На разные экстренные расходы, поправку такелажа, плату за якорныя мѣста и фрактовыя....	5,000
На продовольствіе команды въ годъ..	1,700

		Серебр. рубли.
Столовыхъ командиру, коммисіонеру и двумъ штурманамъ......	800	18,000
		43,000

Нагрузить купленное въ 250 тоннъ судно выгодными для тѣхъ странъ товарами, а именно взять:

Парусины, полотна, тику, вообще льняныхъ и пеньковыхъ товаровъ, въ томъ числѣ смоленыхъ корабельныхъ тросовъ, примѣрно на...............................	50,000
Суконъ отъ 2 до 10 руб. за арш. (преимущественно для Китая), въ томъ числѣ готовое шитое платье и сапожные товары... ..	60,000
Разныхъ Тульскихъ металлическихъ вещей, въ особенности оружія.... ....,........	30,000
Наличными деньгами на разные случаи, золотомъ и серебромъ.	10,000
	150,000

Застраховать какъ судно, такъ и грузъ, и идти изъ С.-Петербурга на островъ св. Ѳомы близъ Порто-Рико. Тамъ превосходная гавань, къ-тому же островъ этотъ пользуется правомъ безпошлиннаго ввоза товаровъ. Тамъ можно сдѣлать распродажу Русскимъ товарамъ. Конечно, въ послѣднемъ случаѣ нельзя имѣть такого барыша, какой бы получили на эти же самые товары въ отдаленныхъ предѣлахъ Восточнаго океана, потому что островъ св. Ѳомы находится недалеко отъ Европы и имѣетъ съ ней частыя сношенія посредствомъ судовъ. На островѣ св. Ѳомы нужно размѣнять часть товаровъ на сахарный песокъ, въ количествѣ не болѣе 3,000 пуд., и послать его на наемномъ суднѣ въ Россію, для того чтобъ показать въ скоромъ времени соучастникамъ сей экспедиціи, или тому лицу, отъ кого она будетъ зависѣть, на какую сумму товаровъ пріобрѣтено такое количество сахару, между тѣмъ при распродажѣ его въ Россіи компаніоны будутъ имѣть часть вырученныхъ денегъ за сахарный песокъ. Такъ-какъ вышедшее изъ С.-Петебурга судно должно быть занято грузомъ, то на немъ не останется такого порожняго мѣста, куда можно бы было положить годичный запасъ сухарей; въ такомъ случаѣ надлежитъ замѣстить ими

на остр. св. Өомы оставшееся мѣсто отъ вымѣненной на сахарный песокъ части груза. Сухари на островѣ св. Өомы можно вымѣнять очень дешево; ими нужно запастись на весь походъ, ибо въ тѣхъ мѣстахъ, куда будетъ лежать путь, они очень дороги. На островѣ же св. Өомы не мѣшаетъ взять листоваго табаку для Калифорніи. Такимъ образомъ, сдѣлавъ нужныя распоряженія на этомъ островѣ, направить отъ него путь чрезъ мысъ Горнъ прямо къ Сандвичевымъ островамъ, именно на Аваго, въ Ганаруру; устроить здѣсь, какъ въ средоточіи отъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ предполагается Русская торговля, депо Русскихъ товаровъ, оставить въ Ганаруру коммисіонера съ грузомъ на 50,000 товару для продажи и вымѣна сахарнаго песку, взять тутъ небольшое количество чаю для Калифорніи, и идти въ Массатланъ, какъ центральное складочное торговое мѣсто по западнымъ берегамъ Сѣверной Америки. Современемъ можно и здѣсь открыть магазинъ Русскихъ товаровъ; но въ эту экспедицію сдѣлать только гуртовую продажу съ судна на наличныя деньги или векселя, потому что въ Массатланѣ нѣтъ никакихъ товаровъ выгодныхъ для сбыта. (Тамъ есть жемчугъ и черепаха, но въ маломъ количествѣ). Отсюда

пройдти судномъ въ Калифорнію, посѣтить тамъ Монтерео, Сан-Франциско, и съ судна сдѣлать распродажу тоже на наличныя деньги. Обойдя сѣверо-западные берега Америки, направить путь чрезъ океанъ въ Китай на островъ Шанъганъ, и размѣнять остальной грузъ на чай.

Всѣ иностранцы получаютъ изъ Китая чай моремъ, но Русскіе доставляютъ его берегомъ чрезъ Кяхту. Эта доставка обходится каждому Русскому торговцу, среднимъ числомъ, по 25 руб. ассигнац. за пудъ; слѣдовательно, чтобъ привезти въ Русскія столицы примѣрно 10,000 пуд., потребно за одинъ провозъ заплатить 250,000 руб.; тогда какъ для привоза такого же количества чаю моремъ стоило бы только употребить на годичный судовой расходъ 50,000 руб. асс. Итакъ отъ каждыхъ 10,000 пуд. чаю, привозимаго моремъ, Русскіе имѣли бы выгоды 200,000 руб.

Можетъ быть, иные возразять, что чай, привозимый моремъ, несравненно хуже привозимаго сухимъ путемъ. Положимъ, что это справедливо, и чай дѣйствительно принимаетъ въ себя самую незначительную влажность: но это могутъ замѣтить только одни знатоки. Нужно взять въ соображеніе и то, что количество чаю,

привозимаго къ намъ изъ Кяхты, простирается слишкомъ на 80,000,000 руб. асс.; въ этомъ числѣ находится болѣе низкихъ сортовъ, употребляемыхъ среднимъ и низшимъ классомъ народа; и такъ доставляя $^{2}/_{3}$ означеннаго количества моремъ, торговцы будутъ имѣть значительный барышъ, особенно при распространеніи потребленія чая отъ дешевизны цѣнъ.

Сверхъ того, вмѣстѣ съ чаемъ, какъ главнымъ предметомъ торговли, Русскіе торвовцы могутъ вывозить изъ Китая и множество другихъ, весьма потребныхъ для Россіи предметовъ, напр. москательные товары, шелкъ, бамбукъ, баккаутъ, ртуть, и тому подобные.

По окончаніи размѣна товаровъ въ Шанъганѣ судно должно зайдти на Сандвичевы острова за сахарнымъ пескомъ, который уже долженъ быть приготовленъ коммисіонеромъ ко вторичному приходу корабля на эти острова; дополнивъ сахарнымъ пескомъ весь грузъ, оно, не заходя никуда, должно направиться со взятымъ изъ Китая чаемъ прямо въ С.-Петербургъ.

Здѣсь, для любопытства, я представлю сравнительную фактуру цѣнъ, существовавшихъ

въ Калифорніи и на островахъ Восточнаго океана, въ бытность мою въ тѣхъ странахъ.

Суконные товары.

	Русскія цѣны. Р.	К.	Тамошнія цѣны. Р.	К.
Арш. чернаго, темно-синяго и зеленаго сукна	2	—	6	—
— — — — — — —	4	—	10	—
— — — — — — —	6	—	15	—
— — — — — — —	8	—	20	—

Суконное готовое платье.

Куртка суконная	15	—	35	—
Сюртукъ	25	—	60	—
Фракъ	25	—	60	—
Брюки	10	—	25	—

Шерстяные шалевые платки.

Платки, въ 2 квадр. аршина съ набивной бахрамой	3	50	15	—
Одѣяло байковое въ 3 арш. длин. и 2½ ширины	11	—	25	—

Льняные и пеньковые товары.

	Русскія цѣны. Р.	К.	Тамошнія цѣны. Р.	К.
Кусокъ въ 50 арш. полотна бѣлаго фламскаго въ $1\frac{1}{2}$ арш. ширины	30	—	100	—
Кусокъ полотна полубѣлаго въ 50 аршинъ	26	—	90	—
Кусокъ равендуку полубѣлаго въ 1 аршинъ ширины	18	—	40	—
Кусокъ парусины въ 50 арш.	20	—	50	—
Кусокъ брезендуку тяжеловѣснаго	14	—	30	—
Аршинъ тику ординарнаго	—	50	1	25
Аршинъ тику двойнаго $1\frac{6}{16}$ шир.	—	85	1	88
Аршинъ миткалю бѣлаго $\frac{6}{4}$ шир.	—	60	2	50
Пудъ тросовъ отъ 1 до 4 дюймовъ смоленыхъ, декатирован.	9	—	30	—

Металлическіе товары.

	Р.	К.	Р.	К.
Чайникъ красн. мѣди, въ 5 фун. вѣсомъ	7	50	20	—
Кубикъ съ крышкой, Котелокъ, Утюгъ, Кострюля — за 1 ф. мѣди	1	25	3	—

	Русскія цѣны. Р.	К.	Тамошнія цѣны. Р.	К.
Пудъ мѣди листовой обшивочной, въ 6, 7, 8, 9 фунт. листъ.	41	—	100	—
Кинжалъ съ красивыми ножнами, Тульскій, длиною въ 6 верш...	5	—	17	50
Пара шторъ на Испанскій манеръ..............................	—	70	2	50
Мундштукъ съ удилами............	—	80	5	—
Пудъ желѣза листоваго лучшаго.	10	—	25	—
Пудъ гвоздей желѣзн. отъ 2 до 7 дюймовъ........................	9	—	25	—
Пудъ чугунныхъ котелковъ съ ножками разной величины.....	4	—	12	50

Кожевенные товары.

	Р.	К.	Р.	К.
Пара сапоговъ опойковыхъ.......	5	—	20	—
— — — выростковыхъ...	2	50	12	50
Пара башмаковъ козловыхъ......	1	50	5	—
Пудъ восковыхъ свѣчъ Калифорнскихъ, длиною въ 1¼ арш.	60	—	150	—
Пудъ смолы черной.................	2	—	7	50
Фунтъ бисеру.........................	1	—	7	50

Такимъ образомъ, употребивъ, примѣрно, на жалованье, покупку судна и вообще на всѣ расходы по экспедиціи 43,000 руб. сереб., и закупивъ первоначально въ Россіи товаровъ на 150,000 руб. сереб., — что составитъ 193,000 руб. сереб., — то, сообразно представленному мною въ маломъ видѣ собственному обороту, и даже принимая въ расчетъ различныя неудачи, можно будетъ за 1% получить $2^{10}/_{20}$, т. е. изъ отправленнаго груза на 150,000 составится 375,000. Исключая изъ сего судовые расходы 18,000, покупку судна 25,000, первоначальный грузъ 150,000, получимъ чистаго барыша 182,000 руб. сереб.; сверхъ того останется судно, стоющее 25,000 руб., которое можетъ быть употреблено на вторичную такую же кругосвѣтную экспедицію.

При благополучныхъ вѣтрахъ изъ С.-Петербурга на островъ св. Ѳомы $1^1/_2$ мѣсяца хода, съ остр. Ѳомы на Сандвичевы острова 3 мѣсяца, съ Сандвичевыхъ островов въ Массатланъ $^1/_2$ мѣсяца, изъ Массатлана въ Монтерео и Сан-Франциско 1 мѣсяцъ, изъ Сан-Франциско до Китая на островъ Шанъ-ганъ 2 мѣсяца, отъ Шанъ-гана до С.-Петербурга, съ заходомъ на Сандвичевы острова за сахарнымъ пескомъ,

5 мѣсяцевъ; на стоянки въ означенныхъ портахъ для выгрузки и нагрузки судна — 2 мѣсяца.

И такъ, назначенный капиталъ для кругосвѣтной экспедиціи будетъ находиться въ оборотѣ не болѣе 15 мѣсяцевъ.

КОНЕЦЪ.

2007231622